

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Курганский государственный университет»
Филиал ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет» в г. Тобольске
Центр по изучению историко-культурного наследия сибирских татар

СИБИРСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 3

Курган 2015

УДК 94(57) «14/19» (063)

ББК 63.3 (253.3)я43

С34

Сибирский сборник : сборник статей / отв. ред. Д. Н. Маслюженко, З. А. Тычинских. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. – Вып. 3. – 180 с.

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета.

Рецензенты:

Клюева Вера Павловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем освоения севера СО РАН, Тюмень;

Ершов Михаил Федорович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий научно-исследовательским отделом истории, археологии и этнографии Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск.

Настоящее издание представляет 3 выпуск «Сибирского сборника».

В сборник включены статьи по проблемам историкоэтнографии и историографии, политической истории улуса Шибана и сибирских тюрко-татарских государств, проблемам их взаимоотношений с Русским государством и включения Западной Сибири в его состав, этнической, духовной и материальной культуры тюркских народов Урало-Иртышского междуречья.

Книга предназначена для историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей Западной Сибири в средние века.

ISBN 978-5-4217-0316-7

Книга издана при финансовой поддержке Курганской областной общественной организации «Зауральское общество друзей истории, археологии и культуры (Зодиак)», исторического факультета КГУ, личных средств Д.Н. Маслюженко, В.В. Менщикова, З.А. Тычинских.

© Курганский
государственный
университет, 2015
© Авторы, 2015

ОТ РЕДАКТОРОВ

Предлагаемая книга продолжает традицию «Сибирских сборников», которые начали издаваться с 2011 г. под ред. З.А. Тычинских. Сложилось так, что, несмотря на достаточно широкое название, сборник формируется в основном из работ исследователей в области археологии, истории, этнографии и лингвистики тюрко-татарских народов Западной Сибири.

Первый выпуск был подготовлен и издан в 2011 году в г. Казань в рамках серии «Bibliotheca Tatarica» к 60-летию юбилею известного историка и этнографа Д.М. Исхакова. Сборник включал в себя как избранные статьи юбиляра по тематике сибирской тюркологии, так и материалы его коллег и друзей по различным проблемам истории и культуры тюркоязычных народов Западной Сибири.

Второй выпуск был издан в Тобольске в 2012 г. В него вошли как исследования по средневековой политической истории Западной Сибири, так и материалы научно-практической конференции «Историческая судьба Искера». Это привело к включению в сборник статей по вопросам историко-культурного наследия сибирских татар, хотя в целом тематика сборника была сохранена.

И, наконец, третий выпуск был подготовлен совместно в Кургане и Тобольске. Сбор материалов для этой книги занял более двух лет, некоторые статьи за это время претерпели значительные изменения. Сменилась и сама научная конъюнктура – еще несколько лет назад выход такого сборника был бы значимым событием, сегодня большинство специалистов стремится обеспечить себя публикациями в изданиях из списка РИНЦ, ВАК, Scopus или других, чаще необходимых для отчетов. Мы надеемся, что это не уменьшит значение данного сборника.

В нем представлены как публикации российских историков и археологов, так и ученых из Казахстана, список которых в этом сборнике значительно расширился, и Украины. Интеграция исследователей этих трех стран по изучению тюрко-татарской истории является важным показателем актуальности и востребованности этой тематики.

Мы постарались по возможности расширить круг обсуждаемых вопросов. В сборнике появились статьи по истории угорских княжеств позднего средневековья, которые были незаслуженно забыты исследователями, восточной торговле в русских городах Западной Сибири, вопросам фольклора и лингвистики.

Д.Н. Маслюженко, З.А. Тычинских

КАЗАХСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ СКАЗАНИЕ О ТОЛЫБАЙ СЫНШЫ, РОДОНАЧАЛЬНИКЕ ПЛЕМЕНИ КАНЖЫГАЛЫ (КАНГЛЫ, ХАНГАЛАСОВ)

Известно, что наиболее распространенной формой передачи исторической информации или знания в традиционных обществах служила устная преемственность от поколения к поколению (устная традиция). Общепринятый термин «устная традиция» довольно расплывчат и, как показывает практика, наполняется различным содержанием. Так, филологи в него вкладывают всю совокупность народной литературы дописьменного периода (*ауыз әдебиеті*), историки же, на наш взгляд, еще не определились в содержании этого термина. Между тем далеко не каждый жанр народной литературы может быть признан устной традицией. Устная традиция представляет собой систематизированные сведения о прошлом, передающиеся из поколения в поколения специальными носителями, т.е. знатоками. Для исторической науки тюрков из всего разнообразия устной традиции особую важность представляет *шежире*, а из всего ранеобразия носителей устной традиций – *кария*, т.е. знаток шежире.

В европейской науке попытки анализа устной исторической традиции и использование ее в качестве исторического источника по отношению к истории бесписьменных народов стали предприниматься еще в начале XX века. В целом эти попытки появились не на пустом месте, все предшествующее развитие истории, как особой отрасли знания, основывалось на усиленной эксплуатации исторических преданий, эпических или же лирических поэм прошлого, мифов и различных легенд. Чтобы убедиться в этом, достаточно пролистать «Историю в девяти книгах» Геродота или же сочинения любого другого историка эпохи античности. Подобная традиция не ограничивается границами античного мира и прилегающих регионов. Ранняя историография Востока также строилась на материалах устных исторических традиций. Однако со временем письменных материалов стало больше, и западные историки поставили под сомнение вопрос об объективности научного исследования, не опирающегося на письменные источники. Такие взгляды выражены и в высказываниях английского ученого Хью Тревор-Ропера по отношению к африканской истории: «Возможно, в будущем появится какая-то африканская история... Сейчас же она не существует: есть лишь история европейцев в Африке. Все прочее – темнота..., а темнота не является предметом истории» [Источниковедение, 1977, с. 67].

Второй аргумент критиков – отсутствие в традиционных обществах, в западном и восточном понимании, профессиональной группы историков. Как правило, занятие историей опять же ассоциируется с летописаниями, ведени-

ем записей событий и фактов, династийных хроник. Следует подчеркнуть, что чувство истории – осознанное и сакральное отношение к истории, характерное для многих бесписьменных народов, и для кочевников в большинстве случаев, противниками устной традиции не берется в расчет. Но, по нашему мнению, исследователям следует четко отграничить это понятие от «устной традиции», которая на первый взгляд служит как бы источником устной истории, но на самом деле имеет самостоятельное значение. Дело в том, что устная традиция служила основой традиционной истории на протяжении многих веков и тысячелетий. Она была первой разновидностью истории. Как правильно пишет П. Томпсон, *«лишь совсем недавно умение обращаться с устными источниками перестало считаться качеством, присущим великому историку»* [Томпсон, 2003, с. 7].

Устная традиция фактически игнорирует тот принцип, на котором строится современная историография: прикованность к событиям, гегемония эмпиризма и переписывание переписанного. Событие и факт – основные кирпичики, из которых строятся здания истории в последние несколько сот лет. Однако европейская наука сама же пытается освободиться из своих традиционных пут: «Вопрос уже не в том, – пишет М. Блок, – чтобы установить, был ли Иисус распят, а затем воскрес. Нам важно понять, как это получается, что столько людей вокруг нас верят в распятие и воскресение» [Блок, 1973, с. 21-22].

Однако нам кажется, что понимание значения термина «устная традиция» у Яна Вансины сильно отличается от того, что под термином «устная история» понимает П. Томпсон и другие англо-американские историки, подразумевающие под ним, прежде всего, демократизм (доступность и т.д.), тогда как Я. Вансина в это понятие включал несколько сложных категорий, требующих определенных навыков и профессионализма от исследователя. Во-первых, это формулы, заучивание ритуальных формул, лозунгов и титулов. Во-вторых, географические названия и имена. В-третьих – историческая, религиозная или личная поэзия. Четвертая категория – рассказы – исторические, дидактические, художественные или личные. И, наконец, пятая – юридические и иные комментарии [Vansina, 1965, p. 112-114]. Все это в полном объеме и составляет суть казахского шежира, которое мы отождествляем с понятием «устная традиция».

Таким образом, в европейской науке совершается серьезный поворот к устным традициям в реконструкции прошлого. На сегодняшний день наиболее сложные разработки связаны со следующей группой вопросов: а) насколько устная историческая традиция отражает те или иные идеологические, а также официальные проблемы общества; б) как совместить обычную цикличность, замкнутость во времени устных исторических традиций с общепринятыми сейчас линейными летоисчислениями; в) легендарная (мифопоэтическая) интерпретация, характерная для устной исторической традиции, иногда основы-

вающейся на исторических реалиях седой древности, требует дополнительных аргументов; где их добыть, если единственным источником является легенда? Впрочем подобные вопросы ставит и письменная традиция историописания. Одним словом, основные проблемы письменной и устной традиции весьма схожие, что четко отмечено выдающимся специалистом по устной традиции Я. Вансиной: *«В устной традиции мы видим всегда совокупность направленных и ограниченных знаний – это также справедливо для источников письменных»*.

В казахской интеллектуальной среде письменное изложение отдельных образцов шежире осуществляется в конце XIX – начале XX в. Появились труды Курбангали Халида, Шакарима Кудайбердыулы, Нуржана Наушабаева, Мухамеджана Тынышпаева и др. Наиболее подробно казахское шежире нашло отражение в собраниях М.Ж. Копеева, изучение его рукописного наследия, известного в казахской среде как «Мес», позволяет нам больше узнать о жизни и деяниях таких легендарных правителей Великой степи, как Алаша-хан, Огузхан (Уыз-хан), Жошы-хан, Аз Жанибек-хан и др. *Мес* в казахском быту представляет собой сосуд для хранения кумыса. В отличие от *торсык* или *саба*, также применяющихся в качестве посуды в казахском быту для хранения и перевозки кумыса, *мес* изготавливают из цельной козьей шкуры, при наполнении он воспроизводит первоначальный облик этого животного.

Концептуально шежире формируется, во-первых, из действующих схем родства (генеалогические схемы в привязке к казахскому понятию «жеты ата»), во-вторых, из ирреальной схемы (мифо-легендарные предания о родоначальниках), которая служит структурообразующей схемой (в границах родовых и племенных сообществ), в-третьих, из исторических преданий, эпических сказаний – *батырлар жыры, толгау*. В этом третьем цикле, который является как бы вершиной айсберга устной традиции казахов, представлены наиболее важные с точки зрения профессиональной истории материалы по истории. При глубоком анализе и интерпретации подобные сюжеты представляют выдающуюся ценность для историка в качестве источника по древней и средневековой истории Великой степи.

Одним из таких древнейших памятников казахской устной традиции является историческое сказание, известное под условным названием «Топот тулпара». Для начала приведем текст этого памятника в том виде, в каком оно существует среди казахских знатоков шежире:

«Откуда же у Алданазар пана появились потомственные (чистокровные) скакуны? Ставший ураном Канжыгалинцев их предок Толыбай был знатоком лошадей. Он определял лучших бегунцов. Один из детей этого Толыбая как-то попал в плен хану «черных калмаков» Катъсыбану, и хунтайджи приказал, чтобы молодец нас ягнят.

Однажды, когда дети пасли ягнят, они наткнулись на высохший череп лошади, который лежал на земле. И все они задались вопросом:

- Знать бы, каким было это животное, когда было живым? В это время сын Толыбая сынши, узнав эту лошадь, громко заревел.

Дети калмыков, пасишие ягнят, когда возвратились в свои аулы, сказали:

- Там в степи мы нашли высохший череп лошади, а мальчик казах, увидев его, заплакал.

Хунтайджи, позвав мальчика спросил:

- Сын мой, отчего ты заплакал увидев высохший череп?

Мальчик ответил:

- Мой отец сынши (знаток коней), он определяет скакунов. Среди казахского народа его популярность признается везде и поэтому его называют Толыбай сынши. Тот череп, который я увидел в степи, не от простой лошади, а от тулпара, слава и молва о котором известна на Земле. Вот поэтому я и заплакал от обиды. Кто знает, что этот череп, когда-то принадлежал известному тулпару? Кто знает, что я сын знаменитого Толыбая сынши?

Услышав это, хунтайджи освободил мальчика от пастьбы ягнят. Он посадил его на лошадь, дав ему в придачу нукера, и сказал:

- Выбери мне чистокровных скакунов среди моих сорока владений (аулов)!

Мальчик начал искать скакунов в этих сорока владениях, но не нашел таковых. В этих степях не было породистых кобылиц. Так откуда же здесь появятся тулпар?

- Ты спрашивай у путников, смотри караваны! – повелел хан.

И вот однажды проходил караван. Среди этого каравана, мальчик увидел одну лошадь. Лошадь была худой, хромой, спина изодрана, с куцым хвостом и не кастрированная.

- Ах, вот он тулпар (крылатый конь)! – подумал казахский мальчик.

Взяв этого молодого жеребчика, сказал:

- Лошади необходимо несколько лет свободы, чтобы она оправилась, кости побелели, развивалась без всяких принуждений.

И этого жеребчика соединяет в косяк с молодыми кобылицами.

В первый год жеребчик не смог воспроизвести потомство. Зимой зарезали одну кобылицу, которая оказалась худой.

- Ага, значит еще не побелели кости жеребца, еще не поправился.

На следующий год этот жеребец, также не смог воспроизвести потомство. Зарезав одну из кобылиц этого косяка, обнаружили немного жиру.

- Значит, жеребец начинает поправляться!

На третий год все кобылицы принесли приплод. Зарезали одну из лошадей, она оказалась очень жирной.

- Прекрасно, значит, кости побелели у жеребца! – воскликнул юноша.

Обращаясь к хану, он сказал:

- Ну теперь, если у вас намечается той или ас, то этот жеребец готов к испытанию! Это настоящий тулпар!

- Сам подготовь этого скакуна и сам будешь скакать! – ответил хунтайджи.

И вот наступил день байги (скачки). Юноша на этом скакуне несся, как ветер, как летящая птица, что никто не мог даже приблизиться к нему. К финишу (қарақшы) он прибыл первым и крикнул всем:

- Если лошадь тоскует по своему косяку, то она наострит уши, если джигит соскучится по дому, то он седлает коня.

- Довольно! Прощайте! Где же моя Сарыарка?! – воскликнув, умчался вдаль.

Все в панике помчались за ним, но все же не смогли догнать.

- Действительно ли я на свободе? Сон ли это или явь? – думал юноша.

Но вот спустились сумерки и наступила ночь.

В это время в родном доме молодца, родная его сестра видела вещий сон. Проснувшись, она подбежала к отцу и сказала:

- Сүйінші, сүйінші! Я видела видение, как младший брат освободился от калмыков и скачет на тулпаре! Свяжите шелковый аркан между двумя домами.

- Да, светоч мой, топот тулпара донесся и до моих ушей, – ответил отец.

И в это время между юртами раздалось ржание лошади. Выскочив на улицу, все увидели того самого мальчика. Он слетел с седла, а жеребец, разорвав шелковый аркан, ускакал.

Толыбай сынышы, увидев только заднюю часть этой лошади, сказал:

- А, я вижу, что это не чистой породы тулпар! Это жеребец, рожденный от степной кобылицы. Впереди есть горная река Куркульдек, он не войдет в воду, так как рожден в степях, там и остановится.

Мальчик вновь вернулся в свою семью. Бог всегда услышит просящего. Все стало на свои места.

Как и предсказывал Толыбай сынышы, этот конь остановился у реки Куркульдек. В тех краях был расположен аул одного бая из Старшего жуза, рода уйсун по имени Каскарау.

Каскарау бай, видя, что не сможет поймать этого коня, наводит на него пять кобылиц.

Оказывается, Алданазар пан доводился Каскарау баю племянником. По казахскому обычаю, племянник может забрать у своего дяди все, что понравится. Воспользовавшись этим обычаем, Алданазар забирает у Каскарау бая одну жеребую кобылицу. А Каскарау бай не переживал и не стал расследовать поведение племянника.

Вот откуда потомственные скакуны у Алданазар пана! О, сколько было сватов у Алданазара, и у всех у них была только одна цель – заполучить скакунов.

Когда проводились скачки в Среднем жузе, то всегда первыми приходили

лошади Алданазара. Но если в скачках оказывались лошади с аула Каскараубая, то первыми приходили они.

Если соревнуются лошади родов Куандык и Суыйндык, то приз всегда достается роду Куандык. Если на скачках есть лошадь из рода Карсун-Керней, то не видать приза роду Куандык. А если лошадь из рода Карсун-Керней соревнуется с Каскараускими скакунами, то в таком случае ему не достается подарка» [Көпейұлы М.Ж., 6 т. 91-94бб].

Переходим к толкованию вышеизложенного исторического предания. В плане интерпретации это историческое предание предоставляет нам ценнейшие сведения и характеристики, столь необходимые для понимания нюансов истории Великой степи. Интерпретация – это выбор между несколькими возможными гипотезами, и хороший историк тот, кто выбирает из них гипотезу, более похожую на правду. Она на практике никогда не может быть ничем, кроме подобия истины, поскольку прошлое исчезло раз и навсегда и возможность непосредственного наблюдения событий прошлого решительно исключается. Безусловно, «Топот тулпара» – одна из древних легенд, содержащая интересные сведения о раннем периоде истории Центральной Азии. Возможно, основное содержание этой легенды появилось в связи с историческими событиями, связанными с ранними миграциями коневодческих народов из Великой степи (хетты и другие народы). В ней также можно проследить некоторые процессы, характерные для скифо-сакского периода и их наследников, относящихся к союзу канглы (в китайской транскрипции – *кангюй*, у современных *сах-хангалас* и т.д.).

В казахской исторической и лингвистической литературе как аксиома воспринимается происхождение базового этнонима «канглы» от гидронимики. То же самое говорят и исследователи по Центральной Азии. О.Т. Молчанова в книге «Топонимический словарь Горного Алтая» пишет: «Анализ элементов, составляющих сложные фомы, а также соотношение имени и характера реалий приводят к выводу о гидронимическом значении форманта «кан» в именах. Это может быть река, водный поток, цвет воды», которые определяются прилагательными *ак, кара...*» [Молчанова, 1979, с. 49]. Однако она же сама признается в том, что «гидронимическое значение **кан** незнакомо местному населению и не приводится в алтайских словарях. Сопоставление с другими сибирскими тюркскими языками оказываются тщетными». Следовательно, надо продолжать поиски значения этого термина. На мой взгляд, существует определенная путаница среди языковедов из-за незнания базовых значений некоторых слов. Обычно этим делом занимаются люди без предварительной подготовки, а то и без знания местных языков, а словари, которыми они руководствуются, также создаются людьми без учета исторического контекста. Так, на наш взгляд, все, что связано рекой, водным потоком и т.д., четко обозначается словом «кем», и современное тюркское население не забыло его. Не знаю, как у других, но у казахов до сих пор активно применяется термин «кеме», т.е. большая лодка,

«кемер» – уровень наполнения водой, «кемеш» – емкий, вместительный и т.д. Ошибка произошла из-за того, что исследователи вместо того, чтобы искать значение **қаң (канг)**, который является корневым во всех этнонимах, искали **кан**. «Кан/канг» изначально указывает на степной ландшафт, большие просторы. Обратите внимание на следующие слова из казахского языка: «қаңсу/кангсу» – рассыхаться, высыхать; «қаңтару/қангтару» – оставлять голодным, привязать повод лошади к луке седла; «қаңғу/қанғу» – бродить, скитаться, «қаңбақ/қангбақ» – перекасти поле, «қаңғалақ/қанғалақ» непоседа, бездельник и т.д.

Свой базовый концепт, необходимый для анализа вышеизложенного исторического предания, мы строим на том, что один из главных действующих лиц предания, Тольбай сыншы, является родоначальником племени канжыгалы. Шежире в самом начале, как бы направляя слушателя в нужное русло, специально подчеркивает, что *«ставший ураном канжыгалинцев их предок Тольбай – был знатоком лошадей»*, т.е. речь идет о древнейшем герое. Мы исходим из того, что история казахского племени канжыгалы не только восходит к одному из мощных субстратов населения Великой степи – кангюйскому союзу, но и является его структурообразующим элементом. Тольбай сыншы – первопредок рода канжыгалы, один из ярких легендарных героев древности. Свое прозвище «Канжыгалы» Тольбай получил из-за прикрепленного к головному убору султана (жыға), что свидетельствует о том, что Тольбай был носителем высшей власти. Следовательно, само понятие «канжыгалы» сформировалось в ту далекую от нас эпоху для обозначения тех групп степного кочевого населения, которые имели какие-то властные полномочия. Хотя название Кангюй (Кангха) известно с древнейших времен (с середины II тысячелетия до н.э.), более или менее достоверные сведения появляются во II в. до н.э. В это время китайский путешественник Чжан Цянь говорит о зависимости земель Кангюя от юечжей и гуннов. После раскола гуннской державы Кангюй поддерживают северогуннского шаньюя Чжи-Чжи (Шоже) в борьбе с усунями, союзником которых выступал Китай. В I в. н.э. Кангюй становится сильным государством на территории от Восточного Туркестана до Приаралья. На территории, занимаемой государством Кангюй (Хорезм, Приаралье, Ташкентский оазис), господствовало орошаемое земледелие. Уже в I в. н.э. по рекам Сырдарья и Чирчик строились магистральные каналы. Следы каналов, остатки плотин выявлены при изучении местности и при дешифровке аэрофотоснимков памятников и их окрестностей. На всех раскопанных поселениях и городских центрах Кангюя были обнаружены остатки зерновых, косточки бахчевых и фруктовых культур.

На первый взгляд, таким образом государство, созданное кангюями в Центральной Азии, является как бы полуоседлым, почти что переходящим к полной оседлости, но это превратное мнение. На наш взгляд, в государстве Кангюй господствовало комплексное хозяйство, но с преобладанием оседлости на юге и кочевого скотоводства в степных районах, к тому же кочевники

Великой степи передвигались, как это было принято и в поздние времена, в меридиональных направлениях, т.е. зимовали на юге, а летовали на севере.

Составленная в I в. н.э. хроника «Ранней династии Хань» («Цянь Ханьшу») свидетельствует не только об усилении вышеназванных государств, но и наличии у них летних и зимних ставок: *«Кангюский владетель пребывания имеет в стране Лоюени, в городе Битьян... От Лоюени семь дней пути до летнего владетелева местопребывания... Народонаселение имеет 120000 семейств, 600000 душ, строевого войска 120000 человек. Обыкновения одинаковые с юечжи. Кангюй на востоке подчинен хуннам. Яньцай имеет до 100000 войска и в обыкновениях совершенно сходствует с Кангюй.*

Кангюй имеет под собой пять малых владений, которые суть: Суейе, Фуму, Юни, Ги, Юегань...» [Бичурин, 1851, с. 190].

Основные мотивы легенды «Топот тулпара» перекликаются с событиями, вошедшими в ранние пласты эпоса «Короглы», повествующими о переселении хеттов и других предшественников тюрков-сельджуков в Малую Азию. В отдельных рассказах из цикла Шежире мы находим сведения о прославленных воителях огузов и т.д., выражаясь словами Ч.Ч. Валиханова, *«нет ни одного достопамятного события, ни одного замечательного человека со времени самобытной жизни этого народа, воспоминания о котором не осталось бы в народной памяти»* [Валиханов, с. 157]. То, что образ Толыбай сыншы восходит к еще более раннему пласту истории, т.е. к хеттам, обнаруживается при анализе преемственности приемов и традиции тренинга лошадей в Великой степи и на территории Передней Азии. Царь хеттов Хатта-сали пишет письмо правителю Вавилона и не забывает о лошадях: *«В стране моего брата лошадей больше, чем соломы. Один из известных памятников хеттской культуры «Трактат о коневодстве», составленный главным конюшним при хеттских царях Киккули (XIV в. до н.э.) является яркой иллюстрацией и продолжением степных традиций коневодства [См.: Ковалевская, 1977; История Древнего Востока, 1979].*

«Топот тулпара» связан с эпосом «Короглы» и составляет его древний пласт, к сожалению, не изученный специалистами, малозаметный и малопонятный для западных тюрков, но достаточно информативный в контексте изучения истории Центральной Азии. «Топот тулпара» представляет собой небольшой фрагмент значительной эпической поэмы, повествовавшей о жизни и коневодческом хозяйстве насельников степных районов Казахстана. Отдельные фрагменты этой эпической поэмы вошли в «Короглы», а то, что осталось, сохранилось в виде разрозненных преданий и эпических рассказов, таких как «Топот тулпара». Древность казахской легенды подтверждается также параллельным существованием ее вариантов в фольклорном наследии алтайских тюрков [Октябрьская, 2008, с. 254]. Уместно также в этой связи вспомнить мнение выдающегося исследователя С.П. Толстова о том, что «без учета роли среднеазиатских племен вряд ли может быть до конца решен вопрос о происхождении яфетических народов Передней Азии и созданных ими

государств» [Толстов, 1948, с. 138]. Как свидетельствуют материалы, в конце III – начале II тысячелетия до н.э. в обширных регионах Великой степи в результате аридизации возник ряд противоречий. Перед дальнейшим развитием производства и ростом численности населения преградой встало ухудшение природной среды. Уже в конце III тысячелетия до н.э. перенаселенность и возникший избыток населения заставили ряд групп из числа степных коневодческих племен мигрировать на запад и юг. Вероятно, следует говорить о начале нового витка миграционной активности (одновременно экспансии) народов Великого степного пояса.

Как известно, в земледельческих оазисах Востока первыми оказались народы шумерского круга. С ними связано начало становления древнейших цивилизаций (Шумер, Египет, Мохенджо-Даро); некоторые материалы позволяют говорить о сильном влиянии первой волны на становление Китайской цивилизации. Вторая волна миграции связана с распадом индоевропейской общности в конце IV-III тысячелетия до н.э. Индоевропейцы распространяются на юго-запад Европы (греки, фракийцы), на юг, т.е. в Малую Азию (хетты и др.), на запад Европы (кельты и др.). Более поздними считаются движения племен в Западную Европу (германские племена), а также в леса Прибалтики (литовцы и латыши).

Таким образом, миграции конца III – начала II тысячелетия до н.э. как бы составляют третью волну. Характер движения степных племен, направления маршрутов, особенности быта и, как результат, симбиоз, появившийся в ходе завоеваний оседлых регионов, свидетельствуют о существовании определенной закономерности. Историки, рассматривая различные факторы миграции, особо подчеркивают среди них социальноэкономические и демографические. На наш взгляд, на активность степных народов оказывают сильное воздействие системные коллапсы аборигенных культур Востока. Причины часто повторяющихся этнополитических кризисов в тех регионах, которые граничат с миром степных народов, объяснить трудно, но образующиеся при этом вакуумы очень притягательны. Причины перманентных вторжений степных племен связаны с вызовами по большей части извне, со стороны их оседлых соседей. Проникновение хеттов в Переднюю Азию, индоарийцев и индоиранцев в Индию и Иран, этрусков и дорийцев в Европу происходило постепенно и медленно, взаимодействие их с местным населением проходило мирно и безболезненно. Но в то же время результаты этого движения для местных культур были революционными.

Упомянутые в «Топоте тулпара» Уйсуну (Усунь) – общее название племен Старшего жуза. В XVIII-XIX вв. племена, входящие в данный союз, обитали в основном по левому берегу или в предгорьях Зайлийского Алатау, а также по правому берегу р. Таласа [Андреев, 2006]. Усуни считались одним из значительных этнополитических объединений после гуннов. Их этническая история тесно связана с автохтонными кочевыми этносами Центральной Азии времен саков. Впоследствии они вошли в державу, созданную под эгидой гун-

нов. Затем, вступив в союзнические отношения с Китаем, они стали причиной гибели державы. В ту эпоху участились контакты усуней со своим восточным соседом, в результате чего империя Хань часто корректировала проблемы престолонаследия. Руководитель непокорных гуннов Чжи-чжи, рассчитывая, что своими силами он не в состоянии утвердить спокойствие во владениях гуннов, подался на запад к усуню, как отмечает китайская летопись, и, «желая соединиться с ним, отправил посланника к одному из правителей Усуней – малому Гуньмо Уцзюю. Однако он, зная, что Китай поддерживает Хуханье-шаньюя, а Чжи-чжи близок к гибели, в угождение китайскому Двору решил напасть на него, почему убил посланника Шаньюя и отправил голову его в местопребывания наместника (Китая), а для встречи Чжи-чжи-шаньюя выслал 8000 конницы. Чжи-чжи, видя, что усуньского войска много, а его посланник еще не возвратился, выступил и, ударив на усуньцев, разбил их, отसेле поворотив на север, ударил на Угие. Угие покорился, и Чжи-чжи при помощи войск его разбил на западе Ганьгунь, на севере покорил Динлин. Покорив три царства, он часто посылал войска на Усунь и всегда одерживал верх. Здесь (Гань-гунь) Чжи-чжи утвердил свое местопребывание» [Бичурин, Т.1, с. 92-93].

В тексте исторического предания также упоминаются племена, составляющие основу гуннского ядра. Они известны в казахском шежире как Куандык и Суюндык. Усиление восточных гуннов в III-II вв. до н.э. привело к формированию новой империи степных народов. Вероятно, этот факт говорит о перемещении центра активности в эту эпоху и в дальнейшем на восточные окраины Великого степного пояса Евразии. Раньше эпицентром миграции служили степи Центрального и Западного Казахстана. Объяснить это явление, не имея достаточных аргументов, чрезвычайно сложно. Гипотетически можно предположить два варианта развития активности восточных регионов. Возможно, в постскифское время многочисленные группировки степных племен Евразии обрели этнополитическую стабильность. Они, вероятно, определились с системой сезонного распределения пастбищ и водных источников (см. интерпретацию поэмы «Козы-Корпеш – Баян-Сулу») и состоялись как этносоциальные организмы со всем комплексом необходимых коммуникаций и форм связей (народ Огуз-хана, или в данном контексте союз канглы (кангьюй, кангха, кангаласы). В этом отношении казахская степь, расположенная в центре старого континента, служила многие века и тысячелетия в качестве ядра. Не зря выдающийся якутский ученый Г.В. Ксенофонтов в 1929 году пишет: «Бык, телега, кузнечное искусство, конь, седло, стремя, конструкция лука и стрел, копий, мечей, кинжалов, шитов – вот основные материально-технические факторы, обуславливающие народные переселения и этнические смешения, а также той однородности и общности, которая наблюдается в мифологических сказаниях, в астрономических понятиях, в народном фольклоре, в правах и обычаях на просторах Старого света. При этом само собой разумеется, необходимо учитывать выгодное центральное расположение обширных травянистых степей,

служивших как бы общим резервуаром, откуда радиусами расходились лучи общей и единой культуры. Кочевой быт если где и процветал, то, конечно не на вершине одного Памира, а в обширных степях, где возможно прокормить скот. Узкие горные ущелья яфетического Кавказа тоже мало заслуживают звания прародины скотоводческой культуры. Горы лишь потому привлекают внимание ученых, что в них легко застревают давным давно пройденные этапы культуры, создавая иллюзию, что там началась общечеловеческая культура» [Ксенофонов, 1992, с. 268].

В это время на восточных окраинах Великой степи, особенно в богатой горно-лесными ландшафтами Южной Сибири, на Алтае и в Монголии, в зоне номадизации обитали охотничьи племена. Переход их к кочевничеству сопровождался сложными территориальными процессами; усугубляло ситуацию повышение плотности населения в степном регионе. Другой источник, вероятно, заключается в близком соседстве одного из древних центров оседлости – Китая. Расцвет этой великой цивилизации падает как раз на II-I тысячелетия до н.э. В результате столкновения с усиливающейся цивилизацией Востока степные племена Центральной Азии создают ряд буферных политических образований, интеграция которых привела к образованию Гуннской империи. Как бы то ни было, так называемое Великое переселение народов, новый своеобразный виток миграции жителей степи свое начало берет с восточных горных долин Евразии.

Безусловно, это движение не миновало степей Центрального Казахстана и Западной Сибири. В результате происходит смешение этнических групп, входящих в конфедерацию кангуй (канглы, канжыгалы, кангаласы и т.д.) с гунскими племенами, о чем свидетельствуют такие предания, как «Легенда о джигите Алтай» и др.

Источники и литература

- Андреев И. Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков // Библиотека казахской этнографии. Павлодар, 2006. Т. 26.
- Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I-III. СПб., 1851.
- Блок Марк. Апология истории или ремесло историка / пер. Е. М. Лисенко ; прим. А. Я. Гуревича. М., 1973.
- Валиханов Ч. Ч. О формах казахской народной поэзии // Собр. соч. : в 5 т. Алма-Ата, 1984. Т. 1. С. 280-286.
- История Древнего Востока. М., 1979.
- Источниковедение Африканской истории. М., 1977.
- Кашгари М. Түрік тілінің сөздігі : /Диуан лұғат – ат –түрік/ 3 томдық шығармалар жинағы. Ауд. А.Егеубай. Алматы, 1997.
- Көпейұлы М. Ж. Шығармалары. 1-13 томдар. Павлодар, 2001-2008.
- Ксенофонов Г. В. Пастушеский быт и мифологические воззрения классического востока // Шаманизм. Якутск, 1992.

- Ковалевская В. Б. Конь и всадник. М., 1977.
- Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979.
- Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948.
- Томпсон П. Голос прошлого. Устная история / пер. с англ. М., 2003.
- Vansina J. Oral Tradition. A Study in historikal metodology. Chicago, 1965.
- Октябрьская И. В. Стратегии взаимодействия в пограничных районах Южной Сибири сквозь призму этнического сознания // Народонаселение Сибири: стратегия и практика межкультурной коммуникации XVII – начала XX века. Новосибирск, 2008.

В.Г. Волков
г. Томск

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧАТСКИХ ТАТАР ПО ДАННЫМ ГЕНЕТИКИ

Одним из главных компонентов современных томских татар являются чатские татары, или чаты. Чатские татары проживают в окрестностях Томска (Тахтамышцево, Черная Речка, Барабинка, Казанка, Калтай) и на севере Новосибирской области (Юрт-Оры, Юрт-Акбалык). Происхождение чатских татар связывается с западными районами Барабинской степи [Бояршинова, 1960, с. 116]. Г.Ф. Миллер сообщает, что чатские татары были подданными сибирского хана Кучума. Через несколько лет после поражения Кучума (1598 г.) чатские татары появились в окрестностях Томска. Во главе чатских татар стояли мурза Итемень и его сын Мурат, которые, как указывает Г.Ф. Миллер, являлись «кучумовой родней» [Миллер, 1988, с. 69]. Переселение части чатов под Томск привело к образованию двух групп: обских и томских чатов.

Томские чаты, судя по наличию у разных представителей этой группы одинаковых родовых знаков («знамен»), являлись коллективом близких родственников в отличие, например, от эуштинских (томских) татар [РГАДА, Ф. 214. Оп. 1. Ст. 819. Лл.113–135 об.]. Но уже в XVII в. в состав чатских татар были включены потомки казанских татар и т.н. «выезжие белые калмыки» – представители телеутских княжеских родов [Волков, 2010 а, с. 87-94; Волков, 2010 б, с. 130-133; Волков, 2012, с. 75-79].

В последнее время для изучения этногенеза различных популяций все чаще привлекаются данные генетических исследований, прежде всего, исследования по распространению мужских (Y-хромосомных) и женских (мито-ДНК) линий, а также аутосомных компонентов. В течение последних лет было проведено генотипирование Y-хромосомных линий тюркоязычного населения Томского Приобья. Генотипирование проводилось лабораторией эволюционной генетики НИИ медицинской генетики СО РАМН и коммерческой лабораторией Family Tree DNA. В рамках этого исследования были получены результаты представи-

телей коренного тюркоязычного населения (чатов, зуштинцев и обских татар).

У чатских татар были выявлены несколько генетических линий. Одна из них у жителей села Тахтамышево, другая – у жителей Барабинки и Калтая. Предки этих людей упоминаются в данных населенных пунктах уже в XVIII веке, поэтому с большой долей уверенности можно считать их прямыми потомками томских чатов XVII века.

У двух жителей села Тахтамышево выявлена специфическая линия субклада C3b2 (M86, M77), которая определяется SNP-маркером L1370 и гаплотипы которой отличаются дубликацией Y-STR-маркера DYS19 (16-17). Эта линия встречается у монголов, калмыков, тувинцев, бурят, казахов и каракалпаков. Большая часть гаплотипов казахов относится к кластеру, определяемому специфическим значением Y-STR-маркера 388 (13). У монголов, бурят, тувинцев и калмыков гаплотипы с таким показателем не встречаются. Гаплотипы чатских татар по этому показателю входят в общий кластер с казахами. Данный кластер (DYS388=13) представлен, прежде всего, у представителей разных родов Младшего жуза. Кроме этого, внутри этого кластера выявлена еще более узкая ветвь, маркируемая SNP-маркером L1371. К этому мини-субкладу относятся представители некоторых родов Младшего жуза, прежде всего родов, входящих в подразделения байулы и алимулы (C3-M217 DNA Project; KZ DNA-project; Генетическая база). Таким образом, эта линия чатских татар имеет общее происхождение с казахскими родами Младшего жуза.

По сообщению Г.Ф. Миллера, «чатские татары одного языка, мусульманской религии и происхождения» с «киргизскими казаками», нападавшими на барабинские территории [Миллер, 1988, с. 70]. Под «киргизскими казаками» Г.Ф. Миллер, несомненно, имел в виду казахов, которые в русских документах именовались также киргиз-кайсаками. Это сообщение является еще одним доказательством тесной связи между чатскими татарами и казахами.

Существует версия о связи этнонима «чаты» с названием третьего подразделения Младшего Жуза – *жетыру*. Но в данный момент среди жетыру не найдены представители той же генетической линии, которая представлена у чатов.

Количество мутаций между гаплотипами чатов и представителей разных родов байулы и алимулы показывает, что разделение между чатскими татарами и казахами Младшего жуза произошло достаточно давно, не менее 1500 лет назад. В связи с этим возможны два варианта. Либо предки чатских татар появились в Барабинской степи не менее 1000 лет назад, либо это была недавняя миграция из общей прародины чатов и казахов Младшего жуза. Разрешить эту проблему поможет генотипирование барабинских и иртышских татар и обских чатов.

В свете данных о генетических связях томских чатов следует отметить сведения о присутствии представителей рода чат среди эмиров узбекского хана Абулхаира [Кухистани, 1969, с. 144]. Центральные кочевья «узбекского» объединения этого хана в начальный период находились на Иртыше, а затем в степях между Ишимом и Тоболом [Сафаргалиев, 1960, с. 207-208]. Вполне

возможно, что чаты появились на юге Западной Сибири после покорения Абулхайром Чимги-Туры (Тюмени) и заняли земли к востоку от будущей Тары.

Другая генетическая линия чатов, которая встретилась у потомков жителей Барабинских и Калтайских юрт, относится к одному из субкладов гаплогруппы N1c1, маркируемая SNP-маркером F4205. Этот субклад распространен, прежде всего, у монголов, бурят. Встречается у казахов, каракалпаков и телеутов (Генетическая база).

На данном этапе исследования ничего более определенного, кроме принадлежности этих томских татар к субкладу N1c1-F4205, сказать нельзя, так как не проведено генотипирование этих образцов на необходимое для анализа количество Y-STR-маркеров. Возможно, они пришли с той же территории, что и представители другой линии чатов (C3b2-L1371). Субклад N1c1-F4205 встречается в основном у монголов и бурят, с небольшой частотой встречается у казахов Среднего жуза (Генетическая база).

К сожалению, вплоть до настоящего времени не проведено генетическое исследование территориально близких к чатам популяций: барабинских татар, томских калмаков, иртышских татар, что не позволяет определить более близкие родственные связи и установить прародину и точное направление миграций предков чатских татар. Надеемся, что в будущем такие исследования будут проведены и будут сделаны новые шаги в изучении томских татар.

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Г.М. Баимбетова и Ж.М. Сабитова за помощь в подготовке статьи.

Источники и литература

C3-M217 DNA Project. URL: <https://www.familytreedna.com/public/C3/default.aspx>.

KZ DNA-project. URL: <http://www.familytreedna.com/public/alash/default.aspx?section=yresults>

Генетическая база лаборатории эволюционной генетики НИИ медицинской генетики СО РАМН

РГАДА. Ф.214. Оп.1. Ст.819.

Бояршинова З. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации (Виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1960. 151 с.

Волков В. Г. Татарские селения окрестностей Томска в начале XVIII века // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития : сборник научных трудов. Омск, 2010 а. Ч.1. С. 87-94.

Волков В. Г. Мурзы и князцы чатских и томских татар XVII – начале XVIII веков. Опыт генеалогической реконструкции династий // Татарские мурзы и дворяне: история и современность : сборник статей. Вып. 1. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010 б. С. 130-133.

Волков В. Г. Деревня Казанка и казанские татары в Томске в XVII веке // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития : сб. научных трудов : в 3 ч. Омск : ООО «Издательский дом «Наука», 2012. Ч. 1. С. 75-79.

Масуд бен Османи Кухистани. История Абу-л-Хайр хана : материалы по истории ка-

захских ханств XV-XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата : Наука. 1969. С. 141-171.

Миллер Г. Ф. Историко-географическое описание Томского уезда Г. Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск : Наука, 1988. С. 59-101.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1960. 279 с.

А.П. Зыков
г. Екатеринбург

ИТОГИ РАСКОПОК 1988 И 1993 ГГ. ГОРОДИЩА ИСКЕР

В феврале 1988 г. я работал в течение двух недель в археологических фондах Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника и все более убеждался, что самой ценной их частью является дореволюционная коллекция с городища Искер, состоящая из сборов тобольских краеведов 90-х гг. XIX – первого десятилетия XX веков, а также из раскопок 1915 г. В.Н. Пигнатти. Я впервые увидел эту коллекцию в том ещё неразобранном состоянии и поразился её большому объёму. Она была гораздо значительнее, чем я её представлял по статье В.Н. Пигнатти [Пигнатти, 1915, с. 1-36]. А ведь ещё существовала такая же по объёму коллекция сборов с Искера 80-х гг. XIX в. М.С. Знаменского [Talgren, 1922, р. 1-29], хранящаяся с 1897 г. в Национальном музее Финляндии г. Хельсинки. Великолепно зная о результатах «ненаучных» раскопок М.С. Знаменского и В.Н. Пигнатти и вполне научных, но неудачных раскопках 1968 г. Б.Б. Овчинниковой, я уже представлял, что они не позволяли получить элементарный археологический контекст городища Искер – крепостной цитадели позднесредневекового города Сибир.

А это было очень обидно, ведь город Сибир (Сибирь, Кашлык) был хорошо известен, по данным позднесредневековых письменных источников, в качестве столицы Тайбугидского бекства и Сибирского Шейбанидского ханства, в качестве пункта, удерживаемого в течение 1582-1585 гг. русским отрядом казаков атамана Ермака и стрельцов воеводы князя С. Болховского. Тем более, что остатки цитадели этого города, городище Искер, были хорошо известны уже более 300 лет. Первый топографический его план был снят и опубликован ещё Семёном Ульяновичем Ремизовым в 1703 г. А к настоящему времени существует ещё не менее шести топографических планов памятника и не менее десятка его описаний.

Так что в 1988 г. я очень легко поддался уговорам своих тобольских коллег И.В. Белича и Г.П. Визгалова начать новые раскопки Искера. Оформил заявку на Открытый лист Института археологии АН СССР. Работы июля 1988 г. были проведены очень успешно: был снят план памятника, проведён

сбор подвѣсного материала на обрыве и на обнажившемся пляже Иртыша, сняты профили всех доступных обнажений иртышских обрывов памятника и начаты раскопки верхней площадки памятника. Но уже тогда стало ясно, что требовался ещё как минимум один полевой сезон для окончания раскопок верхней площадки Искера.

Но эти работы удалось провести лишь в 1993 г. при финансовой поддержке тобольского Центра татарской культуры «Досуг» (ныне – Центра сибирско-татарской культуры г. Тобольска). Это, пожалуй, был первый в Российской Федерации пример организации археологических раскопок за счёт негосударственной общественной организации. Неоценимую помощь тогда оказала научный сотрудник ТГИАМЗ Любовь Николаевна Сладкова: она не только сама приняла участие в работах июля 1993 г., став мне незаменимой помощницей на раскопе, но и привлекла к ним свой археологический отряд из тобольских школьников. Без Л.Н. Сладковой эта искерская экспедиция просто бы не состоялась – низкий ей за это поклон.

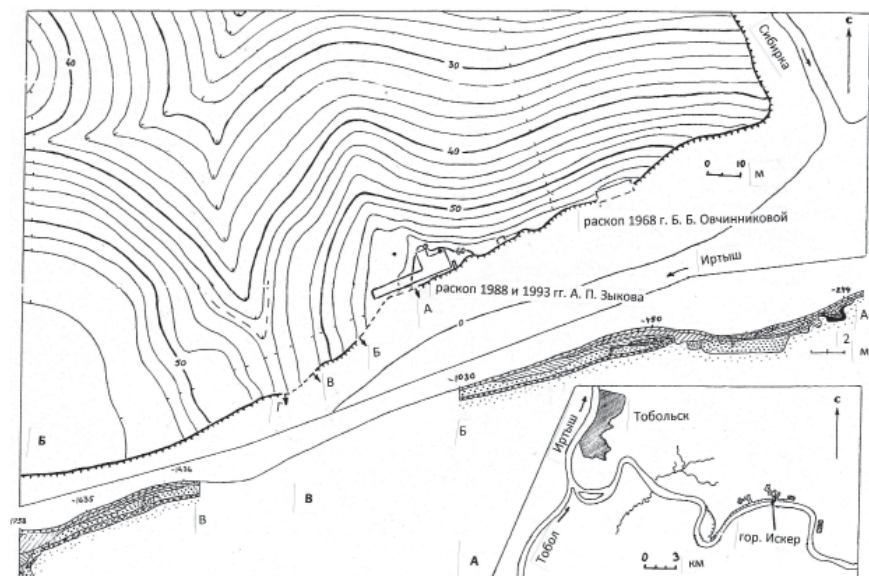
Нельзя не упомянуть о принявшей участие в искерской экспедиции 1993 г. группе екатеринбургских биологов Института экологии растений и животных УрО РАН. Их руководителя Павла Андреевича Косинцева я настоятельно в течение нескольких лет приглашал принять участие в раскопках Искера, если они только состоятся. Дело в том, что самым углом раскопа 1988 г. я случайно задел край поздней ямы, прорезавшей все культурные слои городища и заполненной костями животных. Тогда у меня появилось подозрение, что эти кости из раскопок археологов, скорее всего, В.Н. Пигнатти 1915 г. Но проверить эти мои подозрения должен был квалифицированный специалист.

И П.А. Косинцев меня не подвёл: он прибыл и разобрал заполнение этой поздней ямы. Она имела подпрямоугольную форму размером сажень на 1,5 сажени и глубиной до 0,5 сажени (по современной метрической системе около 2 x 3 x 1 м). Яма была вырыта на самом краю северного склона лога речки Сибирки и доверху заполнена костями млекопитающих, птиц и рыб, камнями, глиняной обмазкой. Время образования этого комплекса точно было установлено по обнаруженной в яме бутылке с запиской: «29 мая 1915 года. Тоб. Губ. Музей. Раскопки проведены Т. Жуковским, В. Куминовым и В.Н. Пигнатти».

Кроме разборки ямы и первичной обработки извлечённой из неё археозоологической коллекции, П.А. Косинцевым были взяты образцы грунта из заполнений внешнего рва и жилища городища Искер. Позднее в ИЭРЖ УрО РАН из этих образцов методом флотации были извлечены археоботанические источники, среди которых были остатки трёх видов культурных злаков. Это стало ещё одним неопровержимым аргументом, подтверждающим существование татарского позднесредневекового земледелия на Искере [Зыков, 2013, с. 141, 142].

И всё же главным результатом археологических работ на городище Искер в 1988 и 1993 гг. было проведение официальных научных раскопок, которые

позволили получить недостающий археологический контекст, великолепно дополнивший яркую коллекцию сборов и раскопок моих предшественников М.С. Знаменского, В.Н. Пигнатти, Б.Б. Овчинниковой. Раскоп общей площадью 117 м² был расположен в западной, самой широкой части верхней площадки городища. На июль 1988 г. ширина площадки от южного иртышского почти вертикального обрыва до северного довольно крутого склона лога реки Сибирки составляла чуть более 10 м (рисунок 1Б). Раскоп 1988 и 1993 гг. выполнял, прежде всего, охранные функции: он был ориентирован длинной стороной по линии иртышского обрыва, на 0,3-0,5 м отступая от него. Это позволило безопасно вести раскопки вблизи 60-метрового почти отвесного обрыва и, конечно же, получить профиль южной стенки раскопа. Самым сложным для исследования была линия участков М/5 – с длиной 17 м и шириной 3 м, позволившая исследовать вторую верхнюю горизонтальную площадку городища и склон с первой площадки ко второй и в итоге получить адекватные представления о сооружениях всех строительных горизонтов Искера в планах и профилях раскопа. Но раскопочные работы на этих участках велись при перепаде высот дневной поверхности от -40 см до -461 см от уровня условного нуля раскопа – самой высокой точки верхней площадки городища, за которую был принят верхний срез трубы заброшенного створного знака.

А – ситуационный план расположения памятника; Б – топографический план памятника и планы расположения раскопок и зачисток на нём; В – профили зачисток по линии А-Б на обрыве иртышского берега

Рисунок 1 – Планы городища Искер

Большим подспорьем при исследованиях 1988 и 1993 гг. стала съёмка профилей зачистки иртышского обрыва берега. Всего было зачищено 36 м обнажений обрыва во всех местах, где это было возможно: по линии А-Б от начала склона с первой верхней площадки ко второй, вторая верхняя площадка и начало склона к третьей площадке (25 м), по линии В-Г склон от третьей горизонтальной площадки городища до начала оборонительного рва в основании отростка лога речки Сибирки (11 м). Промежуточный участок между зачистками исследовать не представлялось возможным – в том месте находился участок отвесного обрыва (рисунок 1 Б, В). Дневная поверхность края обрыва в зачистках и между ними нивелировалась от условного нуля раскопа, перепад высот на склоне от верхней площадки ко рву в основании отростка лога составлял более 17,5 м! Профили зачистки снимались в тех же условных обозначениях, что и профили раскопа. Таким образом, зачистка обрывов и раскоп полностью дополняют друг друга и ни в чём не противоречат. Вместе они позволили получить археологический контекст истории городища Искер – цитадели города Сибир.

Но прежде, чем приступить к изложению этого контекста, я должен сделать отступление. Всеми моими уважаемыми предшественниками по археологическому изучению Искера, прежде всего, М.С. Знаменским и В.Н. Пигнатти, указывалось, «что на сопке Искера до времени владычества татар был городок остяцкий» [Пигнатти, 1915, с. 20, 21]. Я уже неоднократно писал, что это мнение было результатом ошибок [Зыков, 1998, с. 22, 23; Зыков, 2012, с. 146-149]. Однако эти ошибочные мнения породили стойкую уверенность многих поколений российских археологов в том, что место расположения городища Искер заселялось с конца II тысячелетия до н.э. – I тыс. н.э., что «в сборах Пигнатти есть как сузгунская, так и потчевашская керамика» [Адамов и др., 2006, с. 244]. Поэтому я вынужден повториться.

В 2011-2012 гг. в фондах ТИАМЗ я обрабатывал коллекцию сборов 90-х гг. XIX – первого десятилетия XX в. и раскопок В.Н. Пигнатти 1915 г. В ней к раннему средневековью можно отнести только два бронзовых литых предмета: квадратной поясной накладкой с прорезью из сборов С. В. Герцига 1894 г. и наконечник ремня из сборов А. К. Шапошникова 1896 г. В хранящемся в ТИАМЗ до сих пор неизданном художественном альбоме М.С. Знаменского «Прогулка по историческим окрестностям города Тобольска» на таблице XIV есть рисунок 16 – изображение бронзовой литой поясной накладки полуовальной формы с прямоугольной прорезью у основания.

Из сорока просмотренных и зарисованных мной керамических сосудов из искерских дореволюционных сборов и раскопок только один фрагмент керамики из раскопок В.Н. Пигнатти мог уверенно быть отнесён к раннему средневековью – к первой группе керамики кучиминского этапа VIII-IX вв. нижеобской культуры [Зыков, 2012, с. 81, 82]. К этой же эпохе можно отнести и два керамических рюмковидных тигля [Пигнатти, 1915, с. 20. Табл. V. 16]. И

это всё, что можно твёрдо связывать с ранним средневековьем в огромной коллекции дореволюционных сборов ТИАМЗ. А ни одного фрагмента керамики позднего бронзового века, раннего железного века и раннего средневековья, помещенных В.Н. Пигнатти на рисунках таблицы I своей статьи 1915 г., я в фондах ТИАМЗ не обнаружил. Я уже высказывал предположение, что это, скорее всего, была керамика из находок с другого археологического памятника [Зыков, 2012, с. 149].

В моих раскопках 1988 и 1993 гг., сборах из зачисток обрыва и на иртышском пляже не было зафиксировано ни одной «дотатарской» находки, ни одного объекта или слоя, более раннего, чем слои позднесредневекового городища Искер. Конечно, можно допускать, что мне просто не повезло... Но отмахнуться от пусть и немногочисленных, но хронологически очень компактно укладываемых находок М.С. Знаменского, С.В. Герцига, А.К. Шапошникова и В.Н. Пигнатти, я не могу. Скорее всего, на месте, где возникла позднесредневековая татарская крепость, со временем ставшая цитаделью города Сибирь, существовал прежде небольшой археологический памятник начала кучиминского этапа нижнеобской культуры. Но в западной части городища, где проводились мои раскопки, его следы не сохранились.

Если не считать этого небольшого, легко вычленимого раннесредневекового комплекса, коллекция городища Искер уверенно датируется в пределах XIV–XVI вв. Нижняя дата, соответствующая времени строительства крепости, уточняется находками не менее четырёх железных ключей от навесных замков типа В в коллекциях М.С. Знаменского и В.Н. Пигнатти и отсутствием находок ключей и замков более раннего типа Б и относится ко второй половине XIV – началу XV в. Это очень хорошо согласуется с итальянской картой братьев Пицигани 1367 г., где в Зауралье впервые обозначен город Себур [Егоров, 1985, с. 128, 131]. Дата окончательной гибели татарского города Сибирь и его цитадели достаточно точно устанавливается русскими письменными источниками: примерно через год после основания Тобольска, около 1588 г., во время переговоров русские во главе с письменным головой Данилой Чулковым сумели пленить весь «триумвират», руководивший возрождённым Тайбугидским бекством, в коротком бою на Князьем лугу рассеять их вооружённый отряд, после чего татары «...во гради беша, и сии избегоша из града, и никто же не остася во граде» [ПСРЛ, 1987, с. 67]. Как показали раскопки 1988 и 1993 гг., сооружения 6 строительного горизонта городища Искер уничтожены пожаром, и он возник не в результате вражеского штурма, как пожар более раннего 5 строительного горизонта. В этот раз были подожжены укрепления и постройки оставленной жителями крепости. После этого город Сибирь уже никогда не возродился.

А теперь пришло время изложить, что же нового, неизвестного ранее можно было получить из раскопок 1988 и 1993 гг. и профилей зачистки обрывов иртышского берега. При учёте того, что эти исследования проводились в крайней западной части городища Искер, где располагались оборонительные

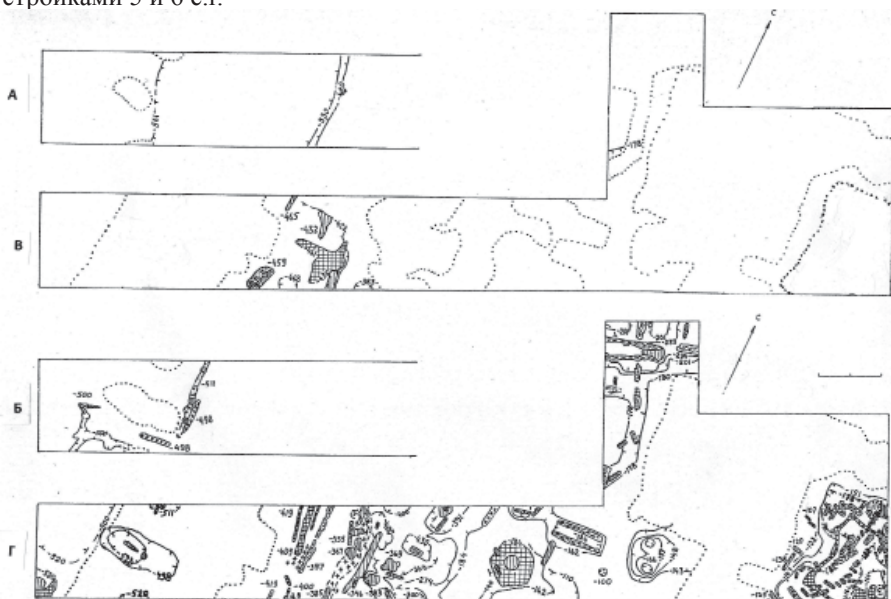
сооружения крепости, что более поздние сооружения прокапывали все более ранние слои, мне всё же удалось разобраться в сложной картине напластований памятника. Все культурные слои и выявленные раскопками сооружения были разделены на 6 *строительных горизонтов* (с.г.), под которыми я понимаю сооружения и слои, существовавшие и отложившиеся в хронологически единые периоды. Выделение искерских с.г. было облегчено тем, что кроме сооружений 1 с.г. все более поздние погибали в сильных пожарах, оставлявших яркие золотистые и углистые прослойки и объекты, насыщенные обугленной древесиной и прокалённой глиняной обмазкой. Изложение удобнее всего начинать с самого раннего с.г.

Первый с.г. в профиле зачистки обрыва берега А-Б (рисунок 1 В) и в планах и профилях раскопа на уч. О-Р/5 (рисунок 2 А; 3) представлен одним сооружением – остатками оборонительного рва на второй верхней площадке городища. Ров имел ширину на уровне полной фиксации -550-561 см до 5-5,6 м (на более верхних фиксациях -450 см его ширина доходила до 6 м). Глубина рва по профилям от уровня перекрывающего его слоя 3 с.г. составляла до 1,6 м, но реально изначально он был несколько глубже. Стенки рва отвесные, дно ровное, слегка повышающееся от самой углублённой восточной части к западной. На дне рва были найдены отдельные кости животных. Это сооружение 1 с.г. является самым ранним на городище Искер, зафиксированным в раскопах 1988 и 1993 гг. Оно относится к периоду второй половины XIV – начала XV в., ко времени возведения самой северо-восточной известной нам золотоордынской крепости на берегу Иртыша. Примечательно, что в этом оборонительном рву не было зафиксировано никаких следов пожара.

Второй с.г. представлен комплексом сооружений и слоёв в планах и профилях раскопа на уч. Р-С/5 (рисунок 2 Б; 3) и профилях зачистки обрыва А-Б и В-Г (рисунок 1 В). Появление сооружений 2 с.г. связано со значительной реконструкцией западной, наиболее уязвимой фортификационной системы крепости. Ров 1 с.г. на второй верхней площадке был засыпан материковым суглинком, причём в профилях раскопов и зачистки обрыва прослеживалось не менее 4 прослоек переотложенного дёрна, т.е. грунт для засыпки выкапывался в месте, где отсутствовал культурный слой и сразу же ниже дневного дернового слоя начинался материковый суглинок. Новый оборонительный ров 2 с.г. был отрыт гораздо западнее по самому дну ответвления лога реки Сибирки (рисунок 1 Б). Новый ров имел глубину не менее 2,3 м от уровня погребённой почвы, стенки его были отвесные, судя по профилю зачистки иртышского обрыва В-Г. Грунта, вынутого при рытье нового рва, хватало не только для полной засыпки рва 1 с.г., но и на подсыпку всего восточного склона отростка лога реки Сибирки. Мощная глиняная подушка, перекрывающая слой погребённой почвы, фиксируется на профилях А-Б и В-Г зачистки обрыва и на профилях уч. С/5 раскопа (рисунок 1 В; 3).

Ко 2 с.г. относятся и остатки частокольной оборонительной стены из вер-

тикально поставленных брёвен диаметром до 18 см, установленных в канавки глубиной минимум 30-40 см, вырытые вдоль западной кромки второй верхней площадки городища. Эти канавки хорошо читались во всех профилях зачистки обрыва и раскопа. По планам раскопа в уч. Р-С /5 (рисунок 2, Б) частокольная стена имела прямоугольные 3-метровые выступы во внешнюю сторону для флангового обстрела атакующего противника. В раскопе точную ширину этих флангирующих бастонных выступов установить не удалось, но скорее всего она вряд ли превышала 3 м. В зачистке обрыва В-Г у края третьей нижней площадки была зафиксирована подобная же ямка глубиной до 50 см, прорезавшая слой глиняной подушки выкида из нового рва до слоя погребенной почвы (рисунок 1 В). Вероятно, это может свидетельствовать в пользу того, что и на нижней площадке городища в эпоху 2 с.г. стояла ещё одна частокольная стена в 6 м сразу же за основным оборонительным рвом. Очевидно, главная деревянная стена крепости в эпохи 1 и 2 с.г. должна была находиться у западного края верхней площадки, но ни на плане, ни в профилях раскопа от неё ничего не сохранилось – все следы были уничтожены гораздо более поздними перестройками 5 и 6 с.г.

А – 1 с.г.; Б – 2 с.г.; В – 3 и 4 с.г.; Г – 5 с.г.

Рисунок 2 – Планы остатков сооружений в раскопе

Нижняя и верхняя частокольные оборонительные стены 2 с.г. были уничтожены пожаром. Об этом свидетельствуют прокалы, угли, остатки сгоревшей обугленной древесины в частокольных канавках. Вряд ли это были просто по-

жары – разнесённые в глубину на 110 м и в высоту по склону на 10 м, они не могли так просто одновременно сгореть. Скорее всего, эти пожары были результатом вражеского штурма. 2 с.г. относится к первой половине XV в., ко времени, когда город Сибир ещё не появился на страницах известных нам письменных источников, поэтому мы, возможно, никогда не сможем узнать, кто именно уничтожил город с его цитаделью в первый раз. Хотя в этом не было ничего удивительного: с образованием в 1421 г. на обломках распадающейся Золотой Орды независимого Тюменского ханства в нём шла почти непрекращающаяся война между отдельными ветвями Шейбанидов за ханский престол [История ХМАО, 2000, с. 95-97]. Одной из жертв череды этих войн и стал молодой ещё город Сибир.

Третий и четвёртый с.г. представлены культурными слоями, которые достаточно чётко различаются в стратиграфии профилей зачистки обрыва и раскопа (рисунок 1 В; 3). Но, к сожалению, на планах раскопа в уч. О-Р/5 и Л/6 зафиксированы фрагменты остатков сооружений, однозначно определить назначение которых мне не удалось, кроме того, что все они были связаны с фортификациями городища (рисунок 2 В). Можно лишь констатировать, что внешний оборонительный ров 2 с.г. продолжали содержать в обороноспособном состоянии, его подчищали, что деревянные стены крепости существовали, но имеющиеся материалы не позволяют даже приблизительно представить, что собой представляли оборонительные сооружения этих периодов. Одно можно сказать точно – за это время крепость трижды сгорала дотла (один раз в эпоху 3 с.г. и дважды – 4 с.г.).

3 и 4 с.г. относятся ко второй половине XV в. – 1563 г. Три пожара за одно столетие свидетельствуют о том, что город Сибир в этот период вел бурную, беспокойную жизнь. Но для этого периода уже имеются данные письменных источников. Известно, что около 1495 г. Мухаммед-бек Тайбугид, убивший тюменского хана Сейид-Ибрахима (Ибака) Шейбанида, перенёс сюда столицу своего нового государства – Тайбугидского бекства. После этого более десятилетия продолжалась борьба Тайбугидов с Тюменскими Шейбанидами – наследниками убитого Ибак-хана, завершившаяся поражением последних и отступлением их в Среднюю Азию под покровительство узбекских ханов – Шейбанидов. В городе Сибир в первой половине XVI в. относительно спокойно правили тайбугидские беки, потомки Мухаммед-бека. Относительно, потому что мы не знаем, с какими поражениями Тайбугидов связаны пожарища городища Искер 3 с.г. и раннего 4 с.г. Но точно знаем, когда произошёл пожар, уничтоживший сооружения позднего 4 с.г. – в 1563 г. В этот год войско «Шибанского салтана» царевича Кучума, в 50-е гг. XVI в. начавшего войну за отвоение «отцова юрта», взял город Сибир и убил братьев-соправителей беков Ядгара и Пулада Тайбугидов. Сибирское Шейбанидское ханство было восстановлено.

Пятый с.г. является периодом наивысшего расцвета городища Искер. Слои и сооружения этой эпохи фиксируются в профилях зачистки обрыва бе-

рега, на планах и в профилях большей площади раскопа (рисунок 1 В; 2 Г; 3). При всех весьма значительных разрушениях культурного слоя, нанесённых при строительстве сооружений более позднего 6 с.г., уцелевшего было достаточно для создания уверенных графических реконструкций построек 5 с.г. (рисунок 4 З).

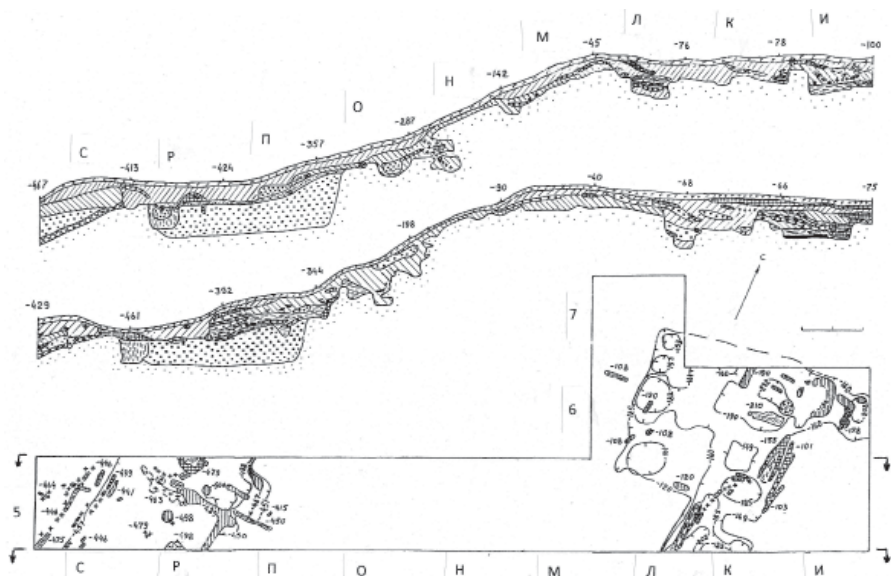

Рисунок 3 – План остатков сооружений 6 с.г. раскопа и профили наиболее длинных стенок раскопа (сечения указаны на плане)

Оборонительный ров, вырытый в основании отростка лога реки Сибирки при строительстве сооружений 2-4 с.г. и ставший уже заплывать от обвалов стенок, использовался в эпоху 5 с.г. Его даже обновили, но сделали гораздо мельче, до 0,9 м глубиной, и с пологими стенками. То есть в этот период ров явно перестал рассматриваться в качестве серьёзного оборонительного препятствия, способного надолго задержать атакующего противника. Основными препятствиями для этого рассматривались восточный склон отрезка лога с двумя западными срубными оборонительными стенами на краях нижней и верхней площадок Искера.

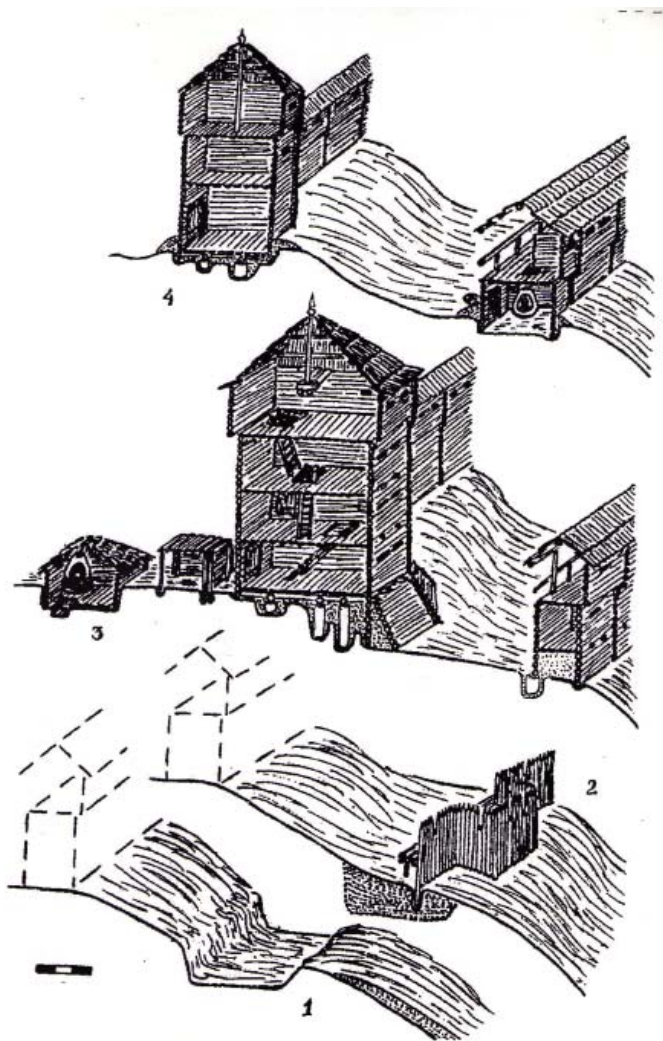
Большая часть сечения нижней стены изучена по профилю А-Б зачистки обрыва (рисунок 1 Б), только задняя её часть – по планам и профилям уч. Р-С/5 раскопа (рисунок 2 Г; 3). Так как зачистка иртышского обрыва в этом месте проходила под углом около 45° к линии сечения этой оборонительной конструкции, то её снятый профиль смотрится значительно больше, чем он был на самом деле. Реальная ширина стены вряд ли превышала 4 м. Судя по профилям

и планам раскопа конструкция основания этой нижней стены была необычна. Это сооружение находилось на очень сложном месте: передняя его стенка в верхней точке 10-метрового достаточно крутого склона от второй площадки к третьей, задняя стенка приходилась на всё ещё оставшийся рыхлым засыпанный ров 1 с.г. Поэтому для устойчивости стены её передняя срубная стенка была сложена из брёвен диаметром 20-25 см, два нижних венца которой были уложены в канавку глубиной до 40 см, шириной до 30 см. А на месте нахождения задней стенки срубной стены в раскопе были зафиксированы три большие ямы, расположенные в один ряд, размером в плане от 1,7 x 1,05 м до 0,9 м, глубиной 0,6-0,85 м, вырытые в толще засыпки рва 1 с.г. Очевидно, эти ямы предназначались для установки «стульев» – толстых чурбаков для выравнивания и устойчивости нижнего венца задней стенки срубной оборонительной стены. Судя по профилю зачистки обрыва, обитаемая полость оборонительной стены была покрыта прослойками древесной щепы, от которой сохранились зола, прокалы и уголь, материковой глины и мощными слоями прокалённой глиняной обмазки от развалов расположенных здесь глинобитных печей-чувалов.

Верхняя оборонительная стена 5 с.г. располагалась в 10 м восточнее и в 3,5 м выше на самой кромке верхней площадки. Стена в западной части крепости имела ширину не менее 3 м, что хорошо прослеживалось в уч. Л-М/5 раскопа (рисунок 2 Г). Конструкция основания срубной стены была оригинальна для Западной Сибири: все продольные и поперечные брёвна укладывались в специально прорытые канавы шириной 0,8-1 м и глубиной 0,4-1,1 м. Интересно, что в уч. Л/6 раскопа и в его профиле западной стенки были прослежены остатки случайно уцелевшего фрагмента такой же более ранней канавы предшествующего, очевидно, 4 с.г. (рисунок 2 В). Такая конструкция основания оборонительной стены делала её более устойчивой на сложном наклонном рельефе. В уч. Л /7 был прослежен поворот под прямым углом западной оборонительной стены к северной стене, защищавшей верхнюю площадку крепости вдоль края склона лога речки Сибирки (рисунок 1 Б; 2 Г).

К верхней оборонительной системе 5 с.г. относился и ещё один важнейший элемент – комплекс оборонительной башни, выступавшей из линии стены вперед на 4 м по склону почти в 2 м высотой (рисунок 1 В; 2 Г; 3). Честно скажу, когда я исследовал раскопками этот комплекс, я тогда ничего в нём не понял, что заставило меня ещё внимательнее фиксировать на планах все очертания, снимать профили. И уже только при составлении полевого отчёта понял, что я исследовал раскопом – большой фрагмент основания срубной башни размером в плане примерно 7 x 7 м. Восточная часть сруба лежала прямо на грунте верхней площадки, задняя стена башни находилась вровень с задней частью верхней оборонительной стены. А вся остальная часть сруба, вынесенная вперёд по склону, основывалась на трёх рядах «стульев». Первый ряд, проходящий вровень с внешним краем оборонительной стены, состоял из больших ям для толстых чурбаков, два других, расположенных ниже по склону – из

тесно поставленных ям для более тонких, но длинных «стульев», высота которых соответствовала уровню края верхней площадки. А для прикрытия рядов возвышающихся над уровнем грунта «стульев» были сооружены наклонные облицовочные срубы с трёх сторон башни: полный с запада и частичные с юга и севера (рисунок 4 3).

1 – 1 с.г.; 2 – 2 с.г.; 3 – 5 с.г.; 4 – 6 с.г.

Рисунок 4 – Реконструкции построек раскопа (по А.П. Зыкову)

Для 5 с.г. удалось проследить и часть застройки верхней площадки внутри оборонительных стен. В уч. И-К / 5-6 в плане и профилях раскопа была исследована большая часть жилой постройки в виде почти квадратного со стороной 3,95 м котлована глубиной до 0,8 м. Стенки его отвесные, дно ровное. В середине западной стенки землянки фиксировался внутренний ступенчатый спуск, в правом дальнем углу от входа на материковом острове высотой от уровня дна котлована до 0,55 м прослежено основание округлого глинобитного чувала внешним диаметром 0,7 м. Севернее чувала у задней стенки объекта располагалась подпрямоугольная хозяйственная яма глубиной от уровня дна котлована до 0,35 м. Судя по многочисленным остаткам сгоревшей рухнувшей кровли, она имела четырёхскатную пирамидальную конструкцию (рисунок 2 Г; 3).

Между вышеописанной жилищной постройкой и западной оборонительной стеной 5 с.г. прослеживались остатки наземного легкого сооружения, от которого сохранился только юго-западный угол с двойной столбовой ямой и участком небольшого углубления (вытопанным полом?) – всё остальное было уничтожено при строительстве верхних оборонительных конструкций 6 с.г. (рисунок 2 Г). Но назначение этого сооружения легко реконструируется по комплексу находок, обнаруженных около него – керамическому тиглю, створке каменной литейной формы, слитку бронзы. Это доказывает, что здесь находилась бронзолитейная мастерская.

Все постройки 5 с.г. уничтожены пожаром. То, что пожар был связан с вражеским штурмом, доказывает находка обгоревшей крышки человеческого черепа в уч. Л/7 раскопа в слое развала оборонительной стены. Время существования и гибели этого самого яркого комплекса городища Искер устанавливается достаточно точно. Постройка его могла начаться только после гибели в пожаре сооружений позднего 4 с.г., произошедшего в 1563 г. при взятии города Сибир царевичем Кучумом. Именно в период царствования Кучум-хана Шейбанида город и его цитадель действительно достигли своего расцвета. Но к этой же эпохе 5 с.г. относится и 2,5-летний период пребывания в городе отряда русских казаков атамана Ермака Тимофеевича и стрельцов князя Семёна Болховского (26 октября 1582 – конец весны – начало лета 1585 гг.). По письменным источникам известно, что русские взяли и оставили город Сибир целым, не сжигая его. Оставленный город был занят татарским отрядом кучумлян во главе с царевичем Али (Алеем), старшим сыном и наследником Кучум-хана. Но вскоре к крепости подошло войско объединённой антишейбанидской оппозиции во главе с Сайид-Ахмад-беком Тайбугидом (Сейдяком), бывшим кучумовским карачи-беком Кадыр-Али Джалаиром и казахским царевичем Ураз-Мухаммедом. Войско триумvirата взяло цитадель города Сибир в результате жестокого штурма в 1585 г., следствием чего стал пожар, полностью уничтоживший постройки 5 с.г.

Шестой с.г. был последним в археологической истории городища Искер.

И хотя его оборонительные сооружения во всём уступали мощи построек предшествующего периода, остатки 6 с.г. сохранились полностью – в пределах раскопа 1988 и 1993 гг. они нигде не нарушались более поздними земляными работами. Даже упоминавшаяся выше яма В.Н. Пигнатти 1915 г. и неглубокий археологический шурф 70-80 гг. XX в. в уч. И/6 раскопа существенно не смогли повредить фиксации объектов 6 с.г.

Ров в основании отрубка лога речки Сибирки в этот период уже не обновлялся. Защитников городища в это время вполне удовлетворяли остатки заплывшего рва 5 с.г. в виде неглубокой канавы с пологими стенками, в которую удобно было сваливать мусор. Это хорошо читалось по профилю В-Г зачистки иртышского обрыва (рисунок 1 В).

Напротив, оборонительной стене на краю второй площадки городища было уделено весьма пристальное внимание. По сути первый нижний этаж этой стены представлял собой котлованное сооружение шириной около 3,95 м, глубиной от 0,25 до 0,7 м, с отвесными стенками и ровным полом. В этом котловане была установлена тарасная срубная конструкция, которая хорошо читалась по широким и толстым полосам прокалов и углей в планах и профилях уч. П-С/5 раскопа и в профиле А-Б зачистки обрыва (рисунок 1 В; 3). В каждой секции первого этажа тарасной стены было оборудовано жилое помещение с открытым наземным очагом или чувалом, отдельным коридорообразным ступенчатым входом с восточной стороны. О жилом характере этого нижнего этажа свидетельствуют находки, сделанные на его полу в раскопе: фрагменты керамики, пряслице, раковина каури, железные ножницы. Очевидно, что в период существования 6 с.г. перед его создателями стояла необходимость размещения как можно большего количества воинов и их семей в укрепленной крепости, ибо проживать за её пределами на руинах города Сибир было слишком небезопасно. А выше этого жилого этажа находилась нормальная широкая оборонительная стена, развал кусков сгоревших брёвен, который хорошо прослеживался вниз по склону, начиная от уч. С/5 раскопа.

Оборонительную стену на первой самой высокой площадке Искера строили так, чтобы ни в коем случае не попасть на рыхлые слои канавок стены предшествующего 5 с.г. Поэтому такие же по конструкции канавки стены 6 с.г. рыли, отступив почти на 3 м вглубь площадки от линии предыдущей фортификации. Полный фрагмент западной верхней стены был зафиксирован в плане и в профилях уч. К-Л1 /5 раскопа (рисунок 3). Она имела ширину 2,5 м, то есть была тоньше стены 5 с.г. Но стена имела такую же конструкцию из продольных брёвен и поперечных перерубов, углублённых в канавы глубиной 0,85-1 м. Кроме того, брёвна лицевой стенки сруба ещё и базировались на «стульях» – коротких толстых чурбаках, зарытых в ямы шириной 0,6 м и глубиной 0,6 м, забутованных материковым суглинком, на дне канавы. Диаметр брёвен срубной стены составлял 30 см, снаружи они обмазывались толстыми слоями глины.

Северные оборонительной стены были почти полностью представлены,

исследованы остатки угловой башни в уч. И-Л/5-7 раскопа (рисунок 3). Её основание было устроено в котловане квадратной формы размером 5 х 5 м, глубиной 0,4-0,6 м. На дне котлована зафиксировано не менее шести больших ям от зарытых «стульев», на которых устанавливался деревянный сруб башни. Котлован со «стульями» и нижними венцами сруба плотно утрамбовывался грунтом, задняя стенка башни 6 с.г. выступала из линии западной оборонительной стены на 2,5 м, выполняя роль бастиона для фланкирующего обстрела ближних подступов к ней.

К северной стенке башни заподлицо примыкала оборонительная стена, шедшая по краю лога речки Сибирки. Она так же, как и западная стена, была построена, чтобы не затрагивать рыхлого основания сгоревшей стены 5 с.г., чуть-чуть отступив от неё вглубь верхней площадки. Основание этой северной стены было устроено в канаве шириной 1,05-1,5 м и глубиной 0,4-0,8 м. То есть эта стена была явно тоньше западной, но считалась, очевидно, её строителями достаточной для обороны и так практически неприступного северного направления. Выбросы грунта, полученного при рытье котлована угловой башни, канав оборонительных стен 6 с.г. надёжно перекрыли остатки сооружений 5 с.г. и позволили им сохраниться до их археологического изучения. Все постройки 6 с.г. уничтожены пожаром, но он никак не был связан со штурмом. И без того недолго просуществовавшая крепость 6 с.г. была оставлена её жителями, унесшими с собой всё сколь-нибудь ценное – этим и объясняется потрясающая бедность на археологические находки сооружений и слоёв этого периода.

6 с.г. соответствует краткой эпохе существования возрождённого Тайбугидского бекства (1585-1588 гг.). Она началась со штурма и сожжения цитадели города Сибир войском антикучумовской татарской оппозиции, пленения царевича Али Шейбанида и гибели семерых его братьев. На месте пожарища была отстроена новая столичная крепость, за стенами которой смог бы укрыться большой гарнизон. Непримируемая тайбугидско-шейбанидская война продолжалась, поскольку существовало враждебное новому государству Сибирское Шейбанидское ханство во главе с Кучум-ханом. Правителей обоих этих татарских государств разделял жестокий обычай кровной мести. И когда летом 1587 г. в 16 км от города Сибир появился русский город Тобольск и течение около одного года эти города сосуществовали, у правителей – «триумвиров» Сейид-Ахмед-бека Тайбугида, Кадыр-Али-бека Джалаира и казахского царевича Ураз-Мухаммеда появилась мысль о заключении антикучумовского союза с русскими. Но тобольские власти почему-то решили, что в татарских союзниках они не нуждаются: на пиру в Тобольске весь татарский триумвират был пленён, все их сопровождающие были перебиты, татарский военный отряд в ходе короткого боя рассеян. В панике жители и гарнизон оставили вновь отстроенную крепость. Сейчас уже неважно, кто сжёг крепость в 1588 г.: татары или русские стрельцы Д. Чулкова. Важно то, что после этого город Сибир уже более не возродился.

Таким образом, раскопки 1988 и 1993 гг. позволили впервые получить объективную цельную археологическую картину городища Искер, которой ранее никогда не было, получить реальную стратиграфию памятника, расчленённую на шесть строительных горизонтов со второй половины XIV – начала XV в. до конца XVI в. Для 1, 2, 5 и 6 с.г. удалось получить объективные планграфические материалы, которые вполне возможно было изложить в виде текстовых описаний, представить на планах и графических реконструкциях (рисунки 2-4). И, наконец, археологические материалы раскопок 1988 и 1993 гг. хорошо согласуются с данными письменных источников по истории города Сибир.

Это отнюдь не означает, что археологам больше нечего делать на городище Искер. Вторая верхняя площадка в 1993 г. была исследована только 3-метровой линией участков раскопа и зачисткой обрыва иртышского берега. Просто большего тогда я сделать не смог. А выявленная на ней археологическая ситуация была настолько интересной, что, конечно же, желательны новые раскопки. Третья площадка и ров в основании отрошка лога речки Сибирки вообще исследовался только зачисткой обрыва. В настоящее время тобольский археолог А.А. Адамов занимается проблемой исследования этого основного искерского оборонительного рва. Но данных по его раскопкам опубликовано пока крайне недостаточно [Адамов, 2013, с. 41, 42. Рисунки 1, 3].

Наконец, пожалуй, самое главное – поиски и раскопки собственно города Сибир на обширных полях западнее и восточнее городища Искер между берегом Иртыша и логом речки Сибирки. Эта работа была намечена ещё В.Н. Пигнатти в 1915 г. [Пигнатти, 1915, с. 15, 16], но даже по прошествии почти 100 лет мы к ней несколько не приблизились. Надеюсь, это станет настоящей задачей будущих поколений археологов.

Источники и литература

Адамов А. А. Археологические исследования 2007-2008 гг. на городище Искер // Историческая судьба Искера : материалы Всероссийской научно-практической конференции «Историческая судьба Искера» (7-8 июня 2013 г., Тобольск). Тобольск : Изд-во «Принт-экспресс», 2013. С. 39-44.

Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. Г. Разведочные работы в устье реки Сибирки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭ СО РАН, 2006. Т. 12. Ч. I. С. 242-248.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XV вв. М. : Изд-во «Наука», 1985. 246 с.

Зыков А. П. Городище Искер: исторические мифы и археологические реальности // Сибирские татары : материалы I-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (14-18 декабря, 1998 г. Тобольск). Омск : Изд-во ОмГПУ, 1998. С. 22-24.

Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и Новое время. Екатеринбург : Изд-во «Уральский рабочий», 2012. 232 с.

Зыков А. П. Земледелие сибирских татар в эпоху позднего средневековья (конец XIV-XVI вв.) // Урал. ист. вестник. 2013. № 2 (39). С. 137-144.

История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней : учебник для старших классов. Екатеринбург : Изд-во «Волот», 2000. 467с.

Пигнатти В. Н. Искер (Кучумово городище) // ЕТГМ. 1915. Вып. XXV. С. 1-36.

Полное собрание русских летописей. Т.36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М. : Изд-во «Наука», 1987. 384 с.

Tallgren A. M. Catalogue de la collection de M. Znamenski. Antiquites dela Siberie Occidentale conserves au Musee Nationl de Finland // Suomen muinaismuis-toyhdistyksen Aikakauskirja. XXIX. Helsinki, Helsingfors, 1922. P. 1-29.

Д.М. Исхаков
г. Казань

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ РАННЕГО УЛУСА ДЖУЧИ

Несмотря на то, что в таком позднем источнике, как «Бахр ал-асрар» Ибн Вали, есть список кланов, входивших в «войско кипчаков», подчинявшихся самому Бату-хану (это 12 кланов: аргун, огуз, кунгурат, керейт, барлас, минг, усун, уйрат, кашчи, найман, карлук, буйрак – см.: [Ахмедов, 1965, с. 163; Кляшторный, Султанов, 2000, с. 207]), этот список, источники которого неизвестны, полного доверия не вызывает. Поэтому для раннего периода Улуса Джучи (XIII в.) мы можем реконструировать клановый состав «народа-войска» Джучидов лишь по уже проанализированным источникам, что позволяет вывить в этом государстве до 26 кланов (аргунан, кунгурат, керейт, минг, уйшын, ойрат, найман, карлук, буйрак, меркит, огуан, джаджират, йисут, татар или алчи-татар, сулдус, тулас, кыйат, буркут / баргут, туман, кингит, сиджиут, хадаркин, кошки, тархан, кыпчак, огуз). Некоторые из этих подразделений имеют «обошающие» наименования (кыпчак, огуз), свидетельствующие о том, что они фактически были составлены из покоренных народов, чьи родо-племенные деления были ликвидированы. А это могло случиться только с течением времени. В других случаях (например, с группами карлук и буйрак) мы имеем дело с ранними этническими группами, существовавшими задолго до монгольского завоевания, но приданными Джучидам, скорее всего, лишь после 1312 г. В реальности в Улусе Джучи клановых подразделений, составлявших «народ» Джучидов в XIII в., могло быть больше, ибо мы ничего не знаем о составе населения владения целого рода Джучидов [Исхаков, Измайлов, 2007, с. 165-167], но не намного. Хотя в дальнейшем могли появиться и новые клановые подразделения – из первоначального «племени ас» могло возникнуть подразделение ширин, в целом уже собранные данные позволяют делать достаточно обоснованное заключение о тюрко-монгольском или татаро-монгольском характере «народа» Джучидов, с течением времени из-за многочисленности в Улусе Джучи тюрок, в особенности, кыпчаков, становившемся все более тюрко-та-

тарским (см. весьма профессиональный анализ проблемы: [История татар, т. III, 2009, с. 338-342]. Это происходило, во-первых, из-за татарского этнического составного у восточных кыпчаков (частично и западных), во-вторых, из-за функционирования в рамках Улуса Джучи особых этносоциальных механизмов, способствовавших закреплению у правящего «народа» этого государства этнонима «татар», вытеснившего, в конце концов, прежнюю двойную этническую маркировку «монголо-татары» у этой этнии.

Очевидно, что за период между началом образования Улуса Джучи (1207-1208 гг.) и серединой XIV в. произошла трансформация «татаро-монгольского» народа Джучи в новый народ «татар», находившийся в подчинении у Джучидов и сложившийся из разных этнических компонентов в результате действия социально-политических механизмов, характерных для Золотой Орды и уже описанных нами ранее [Исхаков, Измайлов, 2007; История, т. III, 2009, с. 344-365]. Далее мы перейдем к их рассмотрению с выделением некоторых нюансов этнических процессов, происходивших в Улусе Джучи в XIII-XIV вв., но не получивших в литературе должного анализа.

Включение кочевых племен, в том числе кыпчаков, в монгольскую улусную и клановую структуру на правах зависимых сопровождалось уничтожением или изгнанием старой родовой элиты, массовыми переселениями народов и разрывом прежних родовых связей. По сути, уже в период завоевания евразийских степей были уничтожены прежние родоплеменные структуры и родовые культы и традиции, введен территориальный принцип военно-административного управления и расселения «народа Улуса Джучи», а также образованы новые улусы и кланы, куда вошли осколки прежних кыпчако-кимакских племен. Археологические памятники из Северо-Евразийских степей дают детальное представление об этих событиях: в XIV в. прекращается кыпчакская традиция установления каменных изваяний, число и разнообразие погребальных комплексов резко увеличиваются, их обрядность демонстрирует появление новых типов, а также смешение и комбинацию старых. Скорее всего, именно тогда в центральной части евразийских степей исчезли старые родовые и племенные кыпчакские этнонимы (*бурчевичи, токсобичи, етебичи, кулобичи* и т.д.) и внедрились новые монгольские (*кыйат, кунгурат, джалаир, барын, уйшын, найман, аргын, ширин* и т.д.). Термин «Дешт-и Кыпчак» продолжал использоваться соседями применительно к восточноевропейским и поволжским степям, но в XIII-XIV вв. он постепенно теряет этническую определенность и переосмысливается как территория государства Джучидов.

Иными словами, по существу, не кыпчаки ассимилировали монголов, а наоборот, на основе новой тюрко(татарско)-монгольской клановой системы произошло растворение кыпчаков, булгар, асов, угров и других народов и внедрение в их среду нового этнополитического, в их элиту – нового этносоциального самосознания.

Расцвет империи Джучидов, развитие городов, становление богатой и

синкретичной золотоордынской культуры, формирование общепонятного городского койне и литературного языка («*поволжский тюрки*»), а также активное перемешивание военно-феодальной знати привели к формированию средневековой золотоордынско-татарской этнополитической общности. Несмотря на довольно хорошо изученные последствия этих процессов, сам механизм такой этнополитической трансформации остается недостаточно выясненным. Однако, судя по современным этнологическим исследованиям и анализу специфики средневековой ментальности, можно полагать, что ключевую роль в этих процессах сыграли идеологические причины, а именно, внедрение новой джучидской этнополитической идентичности, имевшей «татарское» составное.

Не случайно в условиях распада старого самосознания и своеобразной его неустойчивости значительная часть населения, особенно знать, стремилась включиться в новую социальную систему, активно перенимая новую этнополитическую идентификацию. В степях Дешт-и Кыпчака, где происходили подобные процессы распыления племенной структуры кыпчаков и новой консолидации населения степей, стянутого скрепами монгольской административно-политической системы, общим этнонимом стало наименование «татары», не в последнюю очередь из-за присутствия в составе «народа» Улуса Джучи носителей собственно татарской идентичности. Об этом свидетельствует, в частности, Рашид ад-дин: «Вследствие силы и могущества татар... (ныне) в стране киргизов, келаров и башкир в Дашт-и Кыпчаке, в северных (от него) районах, у арабских племен, в Сирии, Египте и Марокко все тюркские племена называют татарами» [Рашид ад-дин, т. I, кн. 1, 2002, с. 103]. Этнокультурным отражением этих процессов может служить пласт новых элементов культуры, связанный, прежде всего, с традициями имперского государственного управления.

Одним из исторических феноменов, возникших на стыке религиозных, политических и этнических процессов золотоордынской эпохи, является формирование идеологии «чингизизма» – политического культа Чингис-хана и его потомков, в первую очередь, его сына Джучи. Его появление и развитие отметило не только своеобразие эпохи, но и направление и тенденции формирования этнополитического самосознания населения Улуса Джучи. Именно формирование системы мифологем, ядром которых был культ Чингис-хана, стало явлением, маркирующим глубинные процессы и механизмы становления и распространения татарской этносоциальной идентификации.

На территории Улуса Джучи в период становления самостоятельного государства эта традиция получила дальнейшее развитие. Ключевым ее элементом стали предопределение появления «Золотого рода Чингис-хана» и передача власти его сыну Джучи в части государства (Улусе Джучи), которая включала «Хорезм и Дешт-и Кыпчак от границ Каялыка до отдаленнейших мест Саксина, Хазара, Булгара, алан, башкир, урусов и черкесов, вплоть до тех мест, куда достигнет копыто татарской лошади». Вот как описывает это историк

XVI в. Утемиш-хаджи: «Йочи-хан был старшим из его (Чингиз-хана) сыновей. Он дал (ему) большое войско и отправил, назначив в вилайет Дашт-и Кыпчака, сказал: «Пусть будет пастбищем для твоих коней». Дал (ему также) вилайет Хорезма» [Утемиш-хаджи, 1992, с. 91]. Версия Абуль-Гази очень похожа: «...Джучи с приданными ему нукерами из Ургенча пошел в Дешт-и Кыпчак. Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил (всех) попавших (ему) в руки кыпчаков... Кыпчаки, обитавшие между Итилем и Тином, рассеялись на (все) четыре стороны... Джучи-хан, взяв в плен кыпчакскую молодежь, поселился в кыпчакском юрте. Из могольской (страны) он переселил сюда свою семью (ой) и все или, которые дал (ему) отец. Из каждого уруга узбеков были переселенцы в кыпчакский юрт» [Кононов, 1958, с. 44]. Таким образом, Джучи выступает здесь в двух ипостасях – как наследник харизмы Чингиз-хана и как основатель и создатель на завоеванных землях своего Джучиева Улуса («в этих странах он утвердился на престоле ханства и троне правления»).

Сюжетная линия, связанная с Джучи, не только определяет включение фигуры Чингиз-хана в джучидский политический пантеон, но и знаменует формирование золотоордынской этнополитической мифологемы. В дальнейшем развитие тюркской исторической традиции Улуса Джучи происходит уже в рамках этой повествовательной парадигмы. Основой ее являлись генеалогия определенного потомка Джучи с краткой характеристикой предшествующих поколений и более подробное описание биографии хана (Джанибек, Орду - иджен, Урус, Абулхайр и др.) или знатного карачи-бека (Мамай, Идегей).

Тенденцией развития этой традиции является постепенное насыщение ее мусульманскими элементами (особенно в XV-XVI вв.) посредством кратких экскурсов (сведения о принятии ислама ханами Берке и Узбеком, биографии святых и т.д.) и возведение генеалогии ханов и карачи-беков (Идегей) к святым пророкам. Постепенно данная традиция была встроена в мусульманскую картину мира и историографии. Распространению этой традиции и внедрению ее в сознание тюркского населения способствовали ее близость к фольклорным, эпическим системам и четкая локализация каждого клана внутри империи Джучидов. Другой тенденцией стала «коренизация» истории государства, подчеркивание ее местных традиций и корней. Достигалось это за счет включения в государственную историографию историй племен и кланов, местных святых и популярных героев легенд и преданий.

Создание джучидской (татарской) исторической традиции явилось важнейшим фактором формирования ментального универсума и сплочения различных тюркских народов и выработки «татарской» этнополитической идентичности. Добившись независимости от Монгольской империи, Улус Джучи получил необходимые рычаги для выработки и конструирования собственной державной исторической традиции, а после официального принятия ислама в качестве государственной религии приобрел и опору в богатых возможностях

мусульманской историографической и философской традиции, обогатившись новыми мотивами и символами. В отличие от целого ряда других тюркских государств с расплывчатой социальной структурой и неразвитой государственной традицией, золотоордынская державная идеология стала всплеском тюрко-татарского самосознания. Ее парадигма оказалась настолько авторитетной, что растворила менее приспособленные и более слабые мифологемы предшествующих эпох или, частично переработав, поглотила их, определив на многие века дальнейшее развитие тюркской историко-политической мысли позднесредневековых государств и народов Евразии. Средневековая татарская историческая традиция оказалась настолько сильной, что после распада Улуса Джучи вошла составной частью в локальные исторические традиции различных татарских государств XV-XVIII вв. [История татар, т. III, 2009, с. 359-362].

Таким образом, активное формирование слоя военно-феодальной знати, создание материальных и духовных символов надплеменного имперского единства, а также государственной идеологии, использование как традиционных (тюркских и монгольских) мифологем, так и исламских идей и символики, привели к формированию на территории Улуса Джучи новой этнополитической общности с собственной идентичностью. По мере усложнения этнополитической структуры общества содержание термина «татары» изменялось, приобретая новые семантические оттенки. В XIV-XV вв. он укоряется и активно используется, имея многозначную семантику, которую можно свести к нескольким смысловым блокам.

1 *Улус Джучи (Золотая Орда) – как государство татар.* В этом смысле его употребляют арабские авторы («государство татар», «царство северных татар»), русские летописи и европейские путешественники, а также народный эпос «Идегей». Такое стойкое употребление названия страны в разных, в том числе и аутентичных, источниках заставляет считать, что оно передает одно из названий страны и служит определением ее и живущего здесь народа по правящей татарской этносоциальной элите. Следует подчеркнуть, что, судя по сведениям ряда путешественников, татарами они называли как кочевое, так и оседлое, городское и сельское население.

2 *Татары как слой военно-феодальной знати.* Доказательством такой семантики, кроме вышеуказанных свидетельств Рашид ад-дина и западно-европейских путешественников и купцов, служат также сведения арабских источников, сообщающих о прибытии в Египет в период правления Бейбарса (1269-1277 гг.) значительного числа кыпчакских эмиров, которых они называют «татарами». Характерен факт, когда арабский филолог, объясняя название знатного кыпчакского рода «токсоба», пишет, что это «племя из кыпчакских татар» [Наджиб, 1989, с. 86], то есть тут имеется в виду «знатный род выходцев из Дешт-и Кыпчака», происходящих из среды собственно восточных кыпчаков-кимаков. Об этом же свидетельствует историк Ибн-Халдун: «племя токсоба из татар» [ЗОВИ, т. 1, 2003, с. 241].

Важно отметить, что уже в конце XIII в. имя одного из самих известных кыпчакских родов даже в среде, где вроде бы эти старые этнонимы должны были активно использоваться, требует объяснения, что свидетельствует о вытеснении старого самосознания новым татарским и подчеркивает принадлежность знати к более важной на тот период общности. Эти же процессы были характерны и для оседлых областей Улуса Джучи.

Начальный этап формирования этого слоя фиксируют источники XIII в., когда целые племена, попадая под власть монголов, становились их вассалами. Так, например, в позднейшей династийной истории кунгуратов описывается их история и указывается, что 30 тыс. кунгуратов «сопровожились» 100 тыс. «других тюрок», видимо, кыпчаков [Bregel, 1982, p. 366]. Однако по мере укрепления и расцвета улусной системы и происходило расслоение внутри прежних племен и выделялась имперская военно-служилая аристократия, которая, скорее всего, активно использовала социально-престижное имя татар, как это вытекает, в частности, из труда Рашид ад-Дина. Несомненно также, что именно в этой среде вырабатывается особая сословная рыцарская культура, имевшая надэтничный характер. Она включала в себя сходные типы и виды вооружения, конского снаряжения, геральдику, образ жизни и генеалогию, одним из элементов которой являлось наличие среди легендарных предков Татара. Разумеется, конкретные элементы этой культуры требуют еще специального изучения, но уже сейчас ясно, что в XIV-XV вв. и позднее эта культура, как и употребление самоназвания «татар», имела надэтничный характер, не сводимый к этноязыковому единству ее носителей, тем более, что правящая ханская верхушка Улуса вплоть до середины XIV в. оставалась монгольской и частично монголоязычной.

Судя по этим данным, подобное этносоциальное татарское самосознание опиралось, в первую очередь, на принадлежность к военно-феодальному сословию, служащему Джучидам и имеющему свой определенный этос, к мусульманской цивилизации и к кочевому, как правило, образу жизни. Подобное самоопределение, скреплявшее единство золотоордынской элиты, не исчезло с распадом государства, а сохранилось в качестве социального термина «служилые татары».

3 *Татары как кочевой, преимущественно тюркоязычный народ.* Этот вариант употребления термина «татар» близок к предыдущему, хотя скорее всего не отражает самоназвание народа, а является экзоэтнонимом. Вполне возможно, что знаменитая злая инвектива Мухаммедъяра (середина XVI в.), образованного поэта и мусульманина, против татар как раз подразумевает не этнос, а кочевников-скотоводов, чей образ жизни явно не внушал симпатий просвещенному горожанину. Кроме того, в эпосе «Идегей» несколько раз говорится о «народе татар» как о населении степей Улуса Джучи. Вообще кочевников причерноморских и поволжских степей называли татарами практически все европейские источники XV-XVII вв.

Следует отметить, что подобное наименование страны и народа по названию господствующей элиты или правящего рода было весьма характерным для средневековых обществ Средней и Центральной Азии. Наиболее показателен в этом смысле термин «Чагатай», который обозначал государство – Улус Чагадая и его кочевую знать. Такое название от военно-дружинной терминологии получили казахи, узбеки и моголы. Внедрение этих имен в сознание народа имеет характер закономерности, механизм которой определяется функционированием социальной структуры общества, развитием его культуры и формированием этнополитического и этносоциального самосознания. Именно поэтому динамика этих процессов в Восточной Европе в XIV-XV вв. зависела от усложнения этнополитической организации Улуса Джучи.

Можно отметить несколько этапов употребления в источниках термина «татарь». В предмонгольский период (XII в.) он употреблялся в основном в степях Центральной Азии в отношении разных этносов, входивших в орбиту политики или контактировавших с могущественным союзом татарских племен, имевших весьма древнее происхождение и тесно связанных со знатной, элитной частью Тюркского и Кимаковского каганатов. После разгрома татар Чингис-ханом и включения их в Монгольское государство это имя все же сохраняет престижность и распространяется среди других завоеванных монголами народов. В степях Восточной Европы, где после монгольского завоевания были уничтожены правящие роды кыпчаков, разорваны границы государств, перемешаны племена и народы, установлена новая улусная система, этноним «татарь», сохранившийся среди восточных кыпчаков – кимаков, активно внедряется в сознание народа, особенно военно-служилой знати. Позднее, в XIV-XV вв., этот термин употребляется уже в качестве синонима Улуса Джучи, как обозначение господствующей элиты и кочевого народа вообще, противопоставляя его носителей (кочевников, мусульман и вассалов рода Джучи) остальным народам. Основное же тюркское население страны в Булгарском вилаете, Хорезме, как оседлое, так и кочевое, скорее всего, называло себя по конфессиональному признаку мусульманами.

Источники и литература

- Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские источники. М., 2003.
- Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1-2; т. II – т. III. М. : НИЦ «Ладомир», 2002.
- Утемиш-хаджи. Чингис-наме / факс., перев., транскрип., текст. прим. и исследование В. П. Юдина ; подготовка к изд. Ю. Г. Баронова ; коммент. и указ. М. Х. Абусейтовой. Алма-Ата : Гылым, 1992.
- Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.
- История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII-середина XV в. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009.
- Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар (III–середина XVI вв.). Научное издание. Казань : РИЦ «Школа», 2007.
- Кляшторный С. Г., Султанов Г. И. Государство и народы евразийских степей. Древность

и средневековье. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2000.

Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази хана хивинского. М. ; Л., 1958.

Наджиб Э. Н. Исследования по истории тюркских языков XI-XIV вв. М., 1989.

Bregel Yuri/ Tribal tradition and dynastic history: the early rulers of the qongrats according to Minis // Asian and African Studies, 16, 1982, pp.357-398

*Г.Б. Карсакова
г. Кокшетау*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В начале XV в. в процессе распада Золотой Орды образовалось Сибирское ханство, центром которого первоначально была Чимга-Тура (Тюмень). После монгольских походов XIII века территория татар сибирских входила в Золотоордынское государство, образованное ханом Батыем. Наиболее ранние государственные образования сибирских татар – Тюменское ханство (в XIV веке с центром в Чимге-Туре, на месте современной Тюмени), в конце XV – начале XVI вв. – Сибирское ханство (по названию поселения Сибирь или Кашлык). Ханство объединило многие тюркоязычные народы, сплотившиеся в его рамках в народность сибирских татар. Рост хозяйственных и культурных связей, родственность языков и другие факторы приводили к возникновению новых надплеменных этнических общностей. В XIV-XVI веках сложились основные группы сибирских татар. Татары сибирские (самоназвание), народ в России (около 190 тыс. человек в Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской областях) [Бакиева, 2009, с. 30]. Живут также в Казахстане, некоторых странах Средней Азии и Турции (всего около 20 тыс. человек). Этнические группы – тоболо-иртышская (включает курдакско-саргатских, тарских, тобольских, тюменских и ясколбинских татар), барабинская (включает барабинско-туражских, любейско-тунусских и теренинско-чойских татар), томская (включает калмаков, чатов и зуштинцев). В наиболее общем виде этногенез татар сибирских представляется в настоящее время как процесс смешения угорских, самодийских, тюркских и отчасти монгольских племён и народностей, вошедших в состав разных групп этой этнической общности. Проникновение тюрков в эти районы происходило в основном двумя путями – с востока из Минусинской котловины и с юга из Средней Азии и Алтая. Видимо, первоначально территорию заселения татар сибирских заняли древние тюрки Тюркских каганатов. В Томском Приобье определённую роль в формировании тюркоязычного населения сыграли кыргызские и телесские племена. Автохтонными тюркскими племенами в составе татар сибирских

считаются аялы, курдаки, туралы, тукузы, саргаты и др. Возможно, именно древнетюркские племена, а не кыпчаки, появившиеся позднее (в XI-XII веках), составили основной этнический компонент на первом этапе этногенеза татар сибирских [Исхаков, 2002, с.13]. В IX-X веках на территорию Томского Приобья продвигались кимаки – носители сросткинской археологической культуры. Из их среды вышли кыпчакские племена и народности. В составе татар сибирских зафиксированы племена и роды хатанов, кара-кыпчаков, нугаев. Наличие в тоболо-иртышской группе племён мрассы и кондомы указывает на их этногенетическую связь с шорскими племенами. Позднее в состав татар сибирских вливались жёлтые уйгуры, бухарцы-узбеки, телеуты (в тарскую, барабинскую и томскую группы), казанские татары, мишари, башкиры, казахи. Они за исключением жёлтых уйгуров и усилили кыпчакский компонент в составе татар Западной Сибири. Подавляющую массу сибирских бухарцев составляли узбеки и таджики. Кроме того, в их составе встречались уйгуры, казахи, туркмены и, видимо, каракалпаки, а в Сибири в них вливались в отдельных случаях сибирские и казанские татары.

Сибирь с незапамятных времен населяли тюркские, угрофинские и самодийские племена. В дореволюционной российской и особенно в советской историографии утвердилось представление, что до прихода русских Западная Сибирь была малонаселенной, чуть ли не пустовала. К примеру, вот как освещает этот вопрос один из известных советских исследователей населения этого края З.Я. Бояршинова. «Население Западной Сибири, – пишет она, – до прихода сюда русских было редким, разбросанным по берегам многочисленных рек, озер, пестрым по этническому составу и языку» [Бояршинова, 1960, с. 21]. До боли знакомый тезис, не правда ли? Сибирь до прихода русских полупустовала, «население было редким», разбросанным по берегам рек и озер, к тому же оно было пестрым по этническому составу и языку. Данный тезис повторяется у всех русскоязычных исследователей Сибири за редким, конечно, исключением. К числу последних относятся труды Г.Ф. Миллера и Л.Р. Кызласова.

Разоблачая нехитрые уловки историков, современный русский исследователь Д. Верхотуров пишет: «Вот этот момент тщательно скрывается историками. Практически ни в какой работе по истории Сибири нельзя найти открытого и четкого признания того, что в XVI да и в XVII веке местное население преобладало над русскими» [Верхотуров, 2005, с. 33]. В XVI в. в Западной Сибири в зоне тундры, лесотундры и частично в лесной полосе жили самодийцы. Их южными соседями были угроязычные племена, селькупы и кеты.

Основным их занятием были морской промысел, рыболовство, охота и оленеводство. В отдельных районах на склонах Уральских гор и в лесном Приобье угроязычные племена хантов и манси занимались наряду с охотой рыболовством и скотоводством, а кое-где и земледелием. У последних была хорошо развита обработка кожи, меха, дерева. У этих народов в XVI в. были свои

племенные объединения, известные из русских источников как «княжества». В южной части лесной полосы Западной Сибири, в лесостепи Прииртышья, степях Барабы, среднем и верхнем Приобье, в бассейнах Томи, Чулыма, Тобола и Ишима, на Алтае жили тюркоязычные племена, известные у русских под собирательным названием сибирские татары, хотя к татарам никакого отношения они не имели. Исследователи также отмечают, что XIV-XVI вв. под влиянием южных соседей многие селькупские племена подверглись тюркизации и известны как томские татары, обские татары. Их основным занятием были охота, рыболовство и скотоводство.

Тюркоязычное население Северного Алтая, верхнего течения Кии, притока Чулыма занималось скотоводством и земледелием. Население южной полосы Сибири в основном вело кочевой и полукочевой образ жизни, занималось главным образом скотоводством. Жители таежных районов вели оседлый и полuosедлый образ жизни. Таким образом, у тюркоязычного населения Западной Сибири кочевое скотоводческое хозяйство сочеталось с оседлыми поселениями и развитием кустарной промышленности и ремесла. В южной части края было множество мелких поселений и городов.

В начале XIII в. тюркоязычное население Западной Сибири пополнилось за счет народов и племен, переместившихся сюда под напором завоевательных походов Чингисхана. В результате монгольских завоеваний Западная Сибирь вошла в состав улуса Джучи, старшего сына Чингисхана. Сибирские татары, населяющие сельские местности южной части Тюменской и Томской и северные части Омской областей, частично города Западной Сибири подразделяются на тобольских, тюменских, томских, барабинцев, чулымцев и др. в соответствии с местом расселения. Язык сибирских татар относится к кыпчакской группе тюркских языков; он распадается на ряд диалектов и говоров. В культурном отношении сибирские татары близки казанским татарам. В этногенезе сибирских татар главную роль сыграли кыпчакские тюркоязычные кочевые племена, смешавшиеся с аборигенным самодийским и угорским населением Западной Сибири [Савинов, 1984, с. 120]. В XV-XVI вв. составляли основное население Сибирского ханства, после падения которого в 1598 г. часть племен продвинулась на восток в районы современного Томска. С сибирскими татарами смешались переселенцы из Средней Азии – так называемые сибирские бухарцы, а также часть переселившихся в Сибирь казанских татар. Этническая история татар сибирских в рамках Русского государства была непростой. Это связано с огромной территорией расселения их в Западной Сибири, определённой разобщённостью, контактами со многими народами, со сложным социальным составом и многими другими факторами. Постепенно стабилизировались этнические территории татар сибирских, хотя отдельные их перемещения наблюдались в конце XIX-XX вв. Несмотря на возникновение у них территориальной разобщённости в составе Российского государства, существовала взаимосвязанность тоболо-иртышских, барабинских и томско-

обских тюркоязычных групп, которая создавала возможность для развития консолидационных процессов татар сибирских. Татары сибирские расселены в основном в средней и южной частях Западной Сибири от Урала и почти до Енисея. Селения их разбросаны среди русских деревень, часть русских проживает в самих татарских селениях и составляет в них порой 15-30% всего населения. Значительные группы татар сибирских живут в Тюмени, Тобольске, Омске, Таре, Новосибирске, Томске и др. Былая компактность их расселения в городах в татарских слободах исчезла. В городах Западной Сибири осели и многие волго-уральские татары. Все тюркские группы, относившиеся к татарам сибирским, в конце XVII века насчитывали 16 тыс. [Сибирские татары, 2007, с. 330]. В бывшем СССР этническая структура татар сибирских мало изменилась. У барабинцев исчезло представление о делении их на группы и племена, лишь в отдельных селениях сохраняются знания о тугумах – генеалогических группах. У тоболо-иртышских и томских татар ослабли, но полностью не исчезли представления о делении на субэтнические группы.

По мнению одних учёных, татары сибирские – самостоятельный народ, другие учёные указывают на незавершённость их консолидации в единый этнос, считая, что они представляют собой, скорее всего, не вполне сформировавшуюся этническую общность. Сибирские бухарцы окончательно вошли в состав татар сибирских к середине XX века. В 1960-80-е годы имели место активные процессы сближения и частичного смешения татар сибирских с волго-уральскими татарами. Во всех переписях населения страны в бывшем СССР татары сибирские включались в состав татар.

Источники и литература

- Бакиева Г. Т. Сибирские татары в составе Российского государства в XVII-XVIII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства / отв. ред. И. К. Загидуллин. Казань, 2009. С. 29-33.
- Исхаков Д. М. О методологических аспектах исследования проблемы становления сибирско-татарской этнической общности // Сибирские татары. Казань : Институт истории АН Республики Татарстан, 2002. С. 13-14.
- Бояршинова З. Я. Западная Сибирь накануне присоединения к России (вместо автореферата). Томск, 1967.
- Верхотуров Д. Покорение Сибири: мифы и реальность. М., 2005.
- Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л. : Изд-во ЛГУ, 1984.
- Сибирские татары // Сибирь. Атлас Азиатской России. М. : Топ-книга, Феория, Дизайн. Информация. Картография, 2007.

**ПОИМЕННЫЕ СПИСКИ СОРАТНИКОВ
ХАНА АБУ-Л-ХАЙРА КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XV В.**

В последние годы значительно вырос интерес к истории становления на юге Западной Сибири и в Северном Казахстане Узбекского ханства Абу-л-Хайра (в историографии принято называть «Государство кочевых узбеков»). Появление данного политического объединения на основе улуса Шибана стало логичным продолжением войн между Шибанидами за власть на указанных территориях. При этом оно хорошо вписывается в общую картину позднезолотоордынского мира, когда на смену единого пространства улуса Джучи приходят отдельные ханства во главе с представителями различных ветвей Джучидов. Исследователи не только обращают внимание на политическую историю этого государства, но и, привлекая поименные списки соратников хана, реконструируют клановую систему. Данная работа проведена Д.М. Исхаковым и И.А. Мустакимовым, со значительной частью их выводов согласен и автор данной статьи. Особняком стоит работа Ж.М. Сабитова, который, привлекая в том числе статистические методы, попытался пересмотреть хронологию некоторых событий в истории этого государства [Сабитов, 2009, с. 166-180]. Поскольку автор данной работы не во всем согласен с полученными выводами, он был вынужден также пойти по пути составления таблиц соратников.

Проведенный в таблице 1 сравнительный анализ списка представителей аристократии, поддержавших избрание Абу-л-Хайра ханом в 1430 г. (?), приведенного Кухистани в «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» (1540-е гг.), со списками соратников хана в более ранних источниках («Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» (около 1502-1504 гг.) и «Шейбани-наме» (около 1504-1510 гг.)) не только показывает наличие заимствований между источниками, о чем уже говорилось в историографии, но и выявляет весьма интересные расхождения [Материалы по истории Казахских ханств..., с. 16-17, 96-97, 143-144]. Для упрощения работы и выявления добавлений списки соратников, присоединившихся в период казачества или могущества, объединены, хотя в источниках каждый из этих списков разделен на два.

Таблица 1 – Сравнительный анализ списков представителей аристократии, поддержавших избрание Абу-л-Хайра ханом

«Таварих» Бинаи	«Шейбани-наме»	«Тарих-и Абу-л-Хайр-хани»
<p>Казачество: Бахшибек-бахадур Кутлук-Бука-бахадур Йа'куб-Кара-Гадай-бек-дурман Шайх-Суфи-найман Кирни-Таринчак-бахадур-дурман Илин-Ходжа-ички Суфра-ходжа-ички Йа'куб-ходжа Йусуф-ходжа Кара-Камыш-Бахрам-ходжа Йункачук-Толун-ходжа Кылыч-бай-бахадур-тюмень Бурджи-Кара-Даулат-ходжа-бахадур-тюмень Йабагу-Йахши-ходжа-уйгур Инка-ходжа-дурман Йумадук-дурман (тубай) Дарвиш-бахадур-тубай (тюмень) Шайх-Мухаммад-бахадур-ушун Кудагай-Усман-Бахадур-ушун Инак-Йаглы-ходжа-конграт Уруш-бахадур-конграт Период могущества: Бузанджар-бек-кыйат Мухаммад-бек-конграт Тангри-Берди-бек-тюмень Ваккас-бек-мангыт Мурут-Суфи-бек-утарчи Хаджи-Суфи-бек-чат Йабагу-бек-масит Кирай-ходжа-бек-масит Умар-бахадур-найман Абу-Бакр-найман Усман-бахадур-найман Мурут-Суфи-оглан-тангкут Шайх-Суфи-оглан-боал Хусайн-бек-оглан-чимбай Идель-оглан-шункарлы Балх-оглан-шахбахтлык Бишкенд-оглан-иджанлик Хизр-Шайх-оглан-иджанлик</p>	<p>Казачество: Йахши-бек-бахадур Кутлук-Бука-бахадур Йа'куб-Кара-Кирай Шайх-Суфи-бек Кирайли-Тирчак-бахадур-дурман Имин-ходжа-ички Сафар-ходжа-ички Йа'куб-ходжа-ички Йусуф-ходжа-ички Кырк-Беш-Бахрам-ходжа-ички Тункачук-н-Тулун-ходжа-ички Кылыч-бахадур-тюмень Йоджи-Кара-Даулат-ходжа-тюмень Йапагу-Бахти-ходжа-уйгур Инка-ходжа-дурман Йумадук-дурман Дарвиш-бахадур-дурман Шайх-Мухаммад-дурман Карагай-Усман-бахадур-дурман Инак-Йаглы-ходжа-конграт Урус-бахадур-конграт Период могущества Бузунджар-бек-кыйат Мухаммад-бек-конграт Тангри-Берды-бек-тюмень (Идику-бек и Казы-бек) Мурад-Суфи-бек Хаджи-Суфи-бек Йапагу-бек Кирай-ходжа-бек-хитай Умар-бек-найман Абу Бакр-бек-найман Усман-бек-найман Мурад Суфи-оглан-танкут Шайх-Суфи-оглан-танкут Хусайн-оглан-чинбай Иди-Суфи-оглан-шункарлы [Балх]-оглан-шадбаклы Бишкант-оглан-иджанлик Хизр-Шайх-оглан-иджанлик</p>	<p>Кутлук-Бука-тархан Йа'куб-Кара-Гадай дурман Шайх-Суфи найман Тирчик (Кирай)-бий дурман Ходжа-Амин-ички-мангыт Сафар-Ходжа-ички Йусуф-Ходжа украш-найман Бирим-Ходжа-бахадур уйгур Тунгачук-Тулу-Ходжа найман Кылыч-бай-бахадур уйшин Даулат-Ходжа Йурчи-Кара Бахти-Ходжа уйгур Инка-ходжа дурман Джумадук-бахадур тубай Мумин-дервиш тубай Шайх-Мухаммад бахадур уйшин Кудагай-Усман-бахадур уйшин Йаглы-Ходжа конграт Урус конграт Бузунджар-бий кыйат Тангри-Берди-тюмень Ваккас-бий мангыт Мурад-Суфи-утарчи Хаджи-мирза-чат \ Суфи-бек-чат Кирай-Ходжа-бахадур таймас Умар найман Аба-Бакр украш-найман Сарыг-Усман украш-найман Мурад-Суфи-оглан тангут / ийджан Шайх-Суфи-оглан Хасан-оглан чинбай Даулат-Суфи-оглан каанбайлы Шад-Бахт-оглан Ташбект (Беш-игит)-оглан иджан (Хизр)-Мухаммад-бий-ийджан Тули-Хаджи-бий кушчи Даулат-Ходжа-(диван) кушчи Кара-Усман найман Ак-Суфи найман Акча-Урус кушчи Ходжа-Лак курлаут Сабур-Шайх тубай (кушчи) Йадгар-бахадур тубай (кушчи)</p>

	<p>Ранее не встреченные Казачество (2) Али-Хаджи-кушчи Даулат-ходжа-кушчи Кара-Усман-найман Суфи-бек-найман Акча-Урус-найман Ходжа-Лак-бахадур-уйгур Йумадук-бахадур-курлаут Сабур-Шайх-бахадур-курлаут Йадгар-бахадур-курлаут Могущество: Шадман-бек-хитай Али-бек-найман</p>	<p>Ранее не встреченные Кул-Мухаммад-саййид Кара-Саййид Тимур-оглан Сагуг-бий Суйунч-бий Барак-оглан-каанбайлы Худай-Берди-тархан Кунгур-бай кушчи Абеке-бахадур хытай Кепек-бий кушчи Ходжа-бахадур барак Фуладак-бахадур хытай (дурман) Кичик-бий уйгур Хасан-бий уйгур (дурман) Ички-Йабагу-диван уйгур Бай-Шайх уйгур Абд ал-Малик карлук Хаким-Шайх кушчи Тимур-Шайх-бахадур кенегес Тулкуджи-бий тубай Сарыг-Шиман мангыт Толун-ходжа-туман минг Толун-ходжа найман</p>
--	--	---

Таким образом, два ранних произведения практически дословно повторяют списки соратников, подразделяя их на две части – тех, кто был с будущим ханом «во время казачества» и тех, кто пришел, «когда он достиг могущества». При этом в некоторых случаях изменяется клановая / племенная принадлежность участников при сохранении их имени. В различных списках произведений племенная принадлежность некоторых из соратников хана также имеет неоднозначную трактовку (при этом относительно первого произведения за основу брался перевод В.П. Юдина, а в скобках указан вариант перевода И.А. Мустакимова). Таких случаев зафиксировано 10. Наиболее часто (5 случаев) это происходит среди представителей омаков (кланов) тюмень, дурман, уйшин, тубай. На взгляд автора, в данном случае речь идет о представителях родственных кланов, что и могло привести к путанице. При этом все они связаны именно с западно-сибирскими или уже зауральскими территориями и, скорее всего, в дальнейшем вошли в состав табынцев [Этнокультурная история..., 2012, с. 26 и далее; Мустакимов, 2011, с. 237-239]. Именно лидеры или представители этих кланов входили в число тех, кто поддерживал молодого хана еще в период его казачества, что отчасти объясняет длительное существование нового политического объединения именно на севере степной зоны.

Два раза представители курлаутов становятся тубаями, и один раз пред-

ставитель уйгуров превращается в курлаута. С учетом того, что Рашид ад-Дин указывает на родство курлаутов с баргутами (буркутами) и конгратами [Рашид ад-Дин, 1952, с. 117], это также может говорить о связи данного омака с населением зауральских степей и юга Западной Сибири. При этом И.А. Мустакимов предположил, что слово «уйгур» может обозначать не только племенную, но и религиозную (буддистскую) принадлежность [Мустакимов, 2011, с. 240-241]. В таком случае речь идет также о представителе клана курлаут. Несколько реже (2 случая) принадлежность к найманам заменяется на более узкую, к украш-найманам. Наиболее сложный случай коснулся Кирай-Ходжа-бека, который фиксируется в первом документе как масит, во втором уже как хитай, а в третьем – как таймас. Как мне кажется, смена клановой принадлежности требует отдельного внимания исследователей, поскольку она, в частности, способна дать некоторые дополнительные объяснения родства племен на юге Западной Сибири в первой половине XV века.

Уже в «Шейбани-наме» список расширяется за счет присоединения 11 имен представителей кланов кушчи, найманов, конгратов, уйгуров и курлаутов, которые играли значительную роль в дальнейшей истории этого ханства. Автор «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» не просто заимствует именно этот расширенный список (вопреки мнению Ж.М. Сабитова о копировании списка из Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме [Сабитов, 2009, с. 173]), он частично корректирует его. Кухистани убирает 8 имен, в том числе Мухаммад-бека конграта. Однако при этом добавляет 23 имени, в том числе фигуры важных для легитимизации хана в исламском мире Кул-Мухаммад-сейида и Кара-сейида. Возникает вопрос о том, каким образом формируется список этих добавленных имен. Сравнение с последующими перечнями участников различных походов хана, проведенное в таблице 3, выявляет, что, кроме 5 случаев, все они были автоматически записаны в интересующий нас список именно из них, за счет чего было достигнуто расширение изначального списка соратников [Материалы по истории Казахских ханств..., 1969, с. 143-144, 146, 149, 153-154, 156-157, 159, 164, 168]. Это должно было показать максимально широкую поддержку нового хана уже в первые годы его правления. По всей видимости, такое допущение можно сделать и для сейидов, которые непосредственного участия в выборах не принимали, а присоединились к Абу-л-Хайру в ходе расширения его владений за счет городов на Сырдарье уже в 1430-е годы. Конструирование списка в произведении Кухистани можно подтвердить не только добавлениями имен сейидов, которые не известны авторам более ранних источников, но и тем, что на первом месте в голосовании также поставлены огланы из различных родов Чингизидов, в то время как в ранних источниках они показаны как присоединившиеся в период могущества.

Отсутствие сейидов при дворе нового хана еще не означало индифферентности к исламу как доминирующей религии в объединениях Чингизидов позднего средневековья. Вероятно, более показательными в этом отношении

могли быть приставки «Суфи», «Дервиш» и «Шайх», которые тоже встречаются среди имен сподвижников хана. По всей видимости, они были близки по смыслу и обозначали непосредственную принадлежность именно к суфийским тарикатам (скорее всего, в условиях первой половины XV века это был тарикат Ясавийа). Трое из них упоминаются в окружении Абу-л-Хайра еще периода его казачества (Шайх-Суфи найман, Мумин-дервиш тубай, Ак-Суфи найман). Еще шестеро присоединились в период могущества хана, то есть после восшествия на престол, причем среди них было трое огланов, один которых имеет сложное имя Шайх-Суфи.

Несомненно, что более осторожно необходимо относиться к наличию приставки «ходжа» как у одного из лидеров общины Чинги-Туры буркута Кепек-Ходжи-бека, так и у лидеров таких кочевых племен или кланов, как уйгур, найман, конграт, тюмень, дурман, кушчи, ички из окружения Абу-л-Хайра. Всего эта приставка указана у 16 представителей разных племен, причем из них 8 в списке тех, кто казаковал с будущим ханом. В историографии существует мнение о том, что термин «ходжа» является синонимом понятия «сейид». Однако «в текстах XIII-XIV вв. чаще всего встречается значение «чиновник»; с этим словом совпала персидская передача тюркского слова «коджа» старик; в собственных именах оно часто не имеет никакого значения» [Сборник материалов по истории Золотой Орды, 1941, с. 305]. По всей видимости, именно в русле этого уважительного обращения следует рассматривать наличие этой приставки в первой половине XV века. Тем более, что в окружении Абу-л-Хайра в документах упоминаются, прежде всего, лидеры кочевых племен. При этом несомненно, что у кочевников появление этой части имени связано с исламским влиянием. Можно предположить, что в среде кочевой элиты начала XV века могло происходить постепенное наложение смысла «ходжа» как хозяин, владелец, господин, и «хаджи», то есть совершивший хадж, хотя даже в современных татарских именах обе эти части имени используются независимо.

За пределами этого перечня присутствовавших на церемонии у Кухистани остается всего 14 имен, в том числе значимых для дальнейших событий представителей буркутов и конгратов, а также ряд огланов из числа Чингизидов, которые с очевидностью присоединились к хану именно в ходе последующих событий. Все это показывает значительную авторскую правку имеющегося списка степной аристократии, проведенную Кухистани, а не просто механическое заимствование. Кстати, любопытно, что во время выборов Абу-л-Хайра огланы стоят сразу за сеидами, Бузанджаром-кыйатом и Ваккасом-мангыгом, подтверждая тем самым легитимность церемонии. Однако во время военных действий они (за исключением Бахтийара-султана как руководителя авангарда и сына самого хана Ахмада-султана) могут стоять и вслед за предводителями племен, сила и значение которых, видимо, были больше. Явные исключения из этого общего правила наблюдаются в столкновениях Абу-л-Хайра с другими Чингизидами (Махмуд и Ахмад, Мустафа), а также в таких значимых походах, как захват Сыгнака и битва с калмыками.

В данном случае частый выход на первое место именно племенной аристократии показывает ее большее значение в поддержании ханской власти, что позволяло нарушить в перечнях своеобразный степной «табель о рангах». При этом известный американский антрополог Эдвард Оллворт отмечал, что часть ханских ритуалов и форм поведения Абу-л-Хайра были в значительной степени ориентированы именно на кочевых лидеров [Allworth, 1990, p. 26].

Не менее интересен перечень тех кланов, которые наиболее часто упоминаются на первом месте среди сподвижников Абу-л-Хайра. Д.М. Исхаков и И.Л. Измайлов неоднократно указывали, что в позднесредневековых государствах, в том числе в ханстве Абу-л-Хайра, существовала не только крыльевая структура, но и система карача-беев, которая «остается не раскрытой». Однако, по мнению авторов, она, скорее всего, была схожа с аналогичными структурами иных постоордынских государств и состояла из четырех человек, возглавлявших крупнейшие кланы [Исхаков, 2001, с. 120-121; Исхаков, 2006, с. 108-143; Исхаков, 2011, с. 52-58].

Прежде всего, обратим внимание, что в имеющихся упоминаниях левое крыло однозначно рассматривается как более почетное в сравнении с правым. При этом в восьми имеющихся перечнях военных соратников на первых 4 местах, если убрать сейидов и огланов, в 5 и более случаях стоят представители кыйятов, конгратов и кушчи. К ним в 3 случаях добавляются буркуты и мангыты, в 2 случаях – дурманы, найманы, уйшуны и уйгуры. Таким образом, связь с реконструированной по аналогиям системой карача-беев здесь не ясна, возможно, что либо она находилась лишь в стадии становления, либо состав совета был гораздо шире и не ограничивался лишь четырьмя беками. Хотя, несомненно, сам совет карачей существовал к концу правления хана и при его наследниках [Материалы по истории Казахских ханств..., 1969, с. 19]. Возможно, при распределении войск отнесение беков к совету карачей не играло значимой роли, а более важным было распределение по крыльям.

Лишь в двух случаях источник не только фиксирует четкое деление на правое и левое крыло, но и описывает племенных лидеров в соответствии с этим делением. Однако распределение представителей кланов по этим крыльям крайне неравномерно и не позволяет судить о степени совпадения с реконструируемым авторами крыльевым делением, характерным для государств Шибанидов. На правое крыло в первом случае Кухистани ставит, помимо представителей трех племен, значительное число военных подразделений огланов и сейидов, а во втором случае огланы распределены между крыльями [Материалы по истории Казахских ханств..., 1969, с. 146, 164]. Мунис в своем произведении «Фирдаус ал-икбал» указывает применительно к элю хана Йадгара, что «... по монгольскому обычаю левая сторона более почетна, чем правая». При этом, когда хана посадили на престол, на левой стороне, «...выказав уважение и честь...», были размещены уйгурские и найманские беки [Материалы по истории Казахских ханств..., 1969, с. 436], хотя в рассмо-

тренном нами случае уйгуры находятся чаще в правом крыле. По различным источникам известно два независимых списка племен, изначально подчиненных Шибану. В первый входят представители кунгратов, буркутов, тюменей (уйшунов) и кыйятов, а во второй – кушчи, найманы, карлуки и буйраки [Исхаков, 2011, с. 56]. В принципе именно эти кланы, кроме двух последних, сохраняют Исхаков свое значение и при дворе узбекского хана.

Очевидно, сам принцип крыльевого деления был одним из политических наследий Золотой Орды, а шире – и Монгольской империи. А.К. Кушкумбаев пишет, что «крыльевой способ организации военно-административной власти в золотоордынской державе выполнял функции управления и распределения подчиненных территорий и людских ресурсов среди властвующей династии Чингизидов». Кроме того, автор указывает, что такой принцип сохранялся до начала XV века, а в дальнейшем существовал, например, у ногаев. При этом уже с XIV века ведущую роль в крыльях начинают играть племенные беки степных кланов [Кушкумбаев, 2012, с. 153-154], что, по всей видимости, наблюдается и в ханстве Абу-л-Хайра.

Отметим, что в рассматриваемом нами случае не ясен вопрос о степени совпадения между административными крыльями и делением на крылья самого войска конкретно в Узбекском ханстве. В идеале процедура рассаживания во время церемоний по левую или правую руку от хана, собственно административное и военное деление должны были совпадать, но, как показывает приведенная таблица 2, беки одного и того же клана в разных битвах могли оказываться как в составе правого, так и левого крыла. Кроме того, в одном случае уйшины были в составе обоих крыльев. Очевидно, что расположение на том или ином крыле должно было отражать конкретный политический статус клановых лидеров, а переход между крыльями говорил об определенных политических тенденциях. Например, в 1431 г. дурманы были на правом крыле, а в 1451 г. перешли на левое, в то время как мангыты оказались в строго обратной ситуации. Причем произошло это после смерти ногайского бия Ваккаса, которая произошла около 1447 года [Трепавлов, 2002, с. 100] Аналогичная ситуация со сменами крыльев была уже в войсках Тохтамыша в 1395 году, что свидетельствовало о постепенном упадке улусно-крыльевой системы [Кушкумбаев, 2012, с. 149].

Высокий статус, или, по крайней мере, необходимость получения поддержки буркутов, мангытов и конгратов подчеркивались и выбором ханских жен именно из этих кланов [Материалы по истории Казахских ханств..., 1969, с. 354]. Очевидно, что в средневековье выбор жен предопределялся именно политической целью брака, предполагавшей дальнейшие союзнические отношения с кланами, поддержка которых была необходима в вопросах войны и мира. Это особенно важно было для степных династий, которые, по всей видимости, в значительной степени зависели именно от поддержки клановых лидеров. Полученный список ведущих кланов в окружении Абу-л-Хайра близок к аналогичному перечню, реконструированному Т.И. Султановым по сочинению

Мухаммада Салиха: сихиут, кыйат, конграт, буркут, мангыт, найман, дурман, ушун (уйсун), кушчи [Султанов, 1982, с. 10]. По сути, при сопоставлении этих списков мы видим только два не совпадающих названия – уйгуры и сиджиуты (сихиуты) [Исхаков, 2001, с. 121].

Политическая структура «Государства кочевых узбеков» хорошо реконструирована Б.А. Ахмедовым [Ахмедов, 1965, с. 98-102]. Одним из наиболее спорных проблем в изучении системы государственной власти этого ханства – это определение фигуры беклярибека, который был вторым лицом в системе управления. В историографии сложилось мнение, аргументированное В.В. Трепавловым, о том, что этот пост занимал лидер мангытов Ваккас [Трепавлов, 2002, с. 91-92]. Однако анализ перечней показывает, что он упоминается у Кухистани всего три раза: при возведении Абу-л-Хайра на престол (на 2 месте) и на 1 месте в походах на Сыгнак и ханов Махмуда и Ахмада. Между этими событиями Ваккас в окружении хана вообще не упоминается. По моему мнению, место того или иного степного аристократа в перечне показательное с точки зрения определения могущества как его самого, так и представляемого им омака (племени). Фактически столько же раз, но на первых местах, упоминаются представители буркутов (Умар-бий и Адад-бек). Однако чаще всего (4 раза) почетное первое место занимает Бузанджар-бий кыйат, уступая главенство лишь два раза буркутам и два раза Ваккасу. При этом Бузанджар упоминается в абсолютно всех мероприятиях хана. Тогда, когда в перечне его оттесняют с первого места, он в 3 случаях упоминается на втором и лишь в одном – на третьем месте (после мангытов и буркутов). Возможно, что за долгое правление Абу-л-Хайра беклярибек неоднократно сменялся, однако имевшийся выбор омаков оставался сравнительно ограниченным (мангыты, буркуты, кыйаты).

Предпочтение кыйатов в лице Бузанджара могло объясняться их ранними связями с Шибанидами, в частности в период Западного похода среди нукеров Шибана первым упоминается Бурулдай из кыйатов [Мустакимов, 2011, с. 231], а также в ходе реформ Узбека [Утемиш-хаджи, 1992, с. 93]. Представители этого клана были и в объединениях во главе с Шибанидами на протяжении XV века, даже после постепенного уменьшения их влияния в иных постзолотоордынских государствах [Исхаков, 2006, с. 132-133; Schamiloglu, 1986, p. 202-203]. Конграты, кушчи, найманы, буркуты, тюмени и некоторые другие также присутствуют в изначальном окружении Шибана [Абулгази, 1768, с. 120; Мустакимов, 2011, с. 231].

В управлении войском большое значение имел племянник хана Бахтийяр-султан, что напоминает более позднюю ситуацию в Тюменском ханстве с положением Мамука при его брате Ибаке или в Сибирском ханстве с определением места Мамет-Кула при дяде хане Кучуме. Во всех этих случаях мы видим, что для Шибанидов характерно выдвижение на первое место в военной структуре именно своих родственников. При Абу-л-Хайре именно Бахтийяр во всех известных нам случаях руководил авангардом.

Список позволяет выявить и руководителей дивана (канцелярии), которые назначались ханом. В начале правления таковым был Ички-Йабагу-диван уйгур, который участвует только в выборах хана, а в событиях 1440-х гг. упоминается уже без приставки «диван». Еще один уйгур Бай-Шайх-кукельташ был атальком (воспитателем) наследника хана Шах-Будаг-султана, а затем ему были поручены на воспитание дети султана, в том числе будущий хан Мухаммад Шейбани [Материалы по истории Казахских ханств..., 1969, с. 97]. Кстати, как мне кажется, случай Бай-Шайха показывает, что не все указанные участники выборов на самом деле были таковыми. Еще одним примером этого является присутствие в списке выборов Сарыг-Шиман-мангыта. Он был одним из лидеров заговора против Джумадук-хана, и именно у него провел осень 1429 года будущий узбекский лидер. По этой причине он был записан и как участник выборов. Без учета конструирования именно этого списка мы должны допустить крайне длительную для степной аристократии (по крайней мере, для 14 ее представителей) продолжительность жизни, позволявшую им принимать активное участие как в событиях 1430-х гг., так и самого конца 1450-х гг. При этом уже в первых событиях указанные в списках беки должны были представлять интересы племен или кланов.

Скорее всего, новым руководителем дивана стал Даулат-Ходжа-диван кушчи, что также подчеркивало и значение этого клана в составе нового государства. Причем по другим источникам известно, что он был еще и кукельташем молодого хана [Материалы по истории Казахских ханств..., 1969, с. 98]. Должность аталька также была доверена ханом Хаким-Шайх-бахадур из кушчи. Возможно, это назначение произошло непосредственно после разгрома основного конкурента в лице другого представителя династии Шибанидов, хана Махмуд-Ходжи весной-летом 1431 г. В ходе него именно кушчи Хаким-Шайх-бахадур и Кунгур-бай, чьи подвиги на поле боя также отмечены в битве против Махмада и Ахмада, произвели нападение и убили Мухаммад-Гази-султана и Судайдаш-султана [Материалы по истории Казахских ханств..., 1969, с. 148]. Если личность первого на данный момент автору не удалось идентифицировать, то второй однозначно может быть реконструирован как Сузандж-султан, третий сын хана Махмуд-Ходжи. Убийство огланов Чингизидов показало личную преданность кушчи новому хану и подняло или укрепило их статус среди лидеров прочих кланов.

Именно после этого под властью молодого хана оказалась собрана значительная часть бывшего улуса Шибана. Кухистани об этом событии писал: «Всех высокопоставленных султанов и славных эмиров он отличил и [возвысил] вещами, поясом и высокими должностями» [Материалы по истории Казахских ханств..., 1969, с. 149]. Кипчак-хан в более краткой форме указывал: «Хан-и Бузург вернулся победителем и устроил большой той» [Материалы по истории Казахских ханств..., 1969, с. 391]. В данном случае речь, скорее всего, идет об общем пиршестве, возможно, совмещенном с курултаем, на котором

представители степной аристократии, поддержавшие хана, получали символы власти в виде халатов, поясов и связанных с ними должностей. Эти раздачи явно продолжали подобные ритуалы периода Монгольской империи и Золотой Орды. Значение таких советов степной аристократии при хане подчеркивается не только их сбором после какого-либо события для раздач подарков, которые часто носят статусно-символический характер, но и тем, что они проводятся перед началом военных действий. Например, перед походом на Хорезм хан «вызвал для совещания и совета вождей войска и отважных [предводителей] победоносной рати, сливки сейидов... и других предводителей победоносного войска» [Материалы по истории Казахских ханств..., 1969, с. 149]. Аналогичное событие произошло и перед походом на Махмад и Ахмада: «...хан после своего с [эмирами и предводителями войска]...» [Материалы по истории Казахских ханств..., 1969, с. 153]. В условиях степных войн и роста роли в них клановых вождей без их поддержки ханы не только не могли проводить свою политику, но и вообще удержаться у власти, что и могло привести к реставрации более ранних институтов, как курултай.

Обратим внимание на еще один момент – принцип формирования имен. На первом месте всегда стоит личное имя, далее идет указание на социальный или политический статус, и лишь после этого указывается принадлежность к клану. На личных именах мы уже частично останавливались выше. В качестве второй составляющей чаще всего указывается «бек», «бий», «бахадур», «ходжа», «оглан» и «диван». В историографии в качестве таких терминов также упоминается «тархан» [Материалы по истории Казахских ханств..., 1969, с. 137]. Однако с этими терминами не все так просто. В частности, понятие «тархан» также известно как указание на племенную принадлежность [Мустакимов, 2011, с. 238]. По крайней мере, в двух случаях в более ранних из рассматриваемых источников к именам представителей этого клана идет указание на то, что они были бахадурами, то есть в полностью имя могло бы выглядеть так: «Кутлук-Бука-бахадур-тархан».

Наиболее сложная ситуация возникла с понятием «ички», которое также может пониматься как указание на клановую или социальную принадлежность. В последнем случае ички – это находившиеся при хане доверенные лица, имевшие право входить к нему и руководившие жизнью ставки и двора [Материалы по истории Казахских ханств..., 1969, с. 493]. Таковых в рассмотренных перечнях известно четверо [Ходжа-Амин-ички-мангыт, Сафар-Ходжа-ички, Йа'куб-ходжа-ички, Йусуф-Ходжа-ички украш-найман]. Причем все они имеют почетную приставку «ходжа» и упоминаются только в процедуре возведения Абу-л-Хайра на престол, в дальнейших военных действиях участия не принимают.

Обращаю внимание на этот момент специально, поскольку среди представителей ичкинских татар в последнее время популярна версия о том, что уже со времени правления Абу-л-Хайра представители ичкинцев фиксируются на юге Западной Сибири именно в качестве отдельного племени. Они прожи-

вали в среднем Притоболье и Нижнем Приисетье, и им было передано управление Чинги-Турой [Байрамова, 2013, с. 213-214]. Тем самым аргументируется точка зрения о том, что современные ичкинцы являются исконным населением этого региона. И.А. Мустакимов в новом переводе «Таварих-и гузида» также придерживается трактовки ички как племени [Мустакимов, 2011, с. 233]. Отрицать сам факт присутствия ички на юге Западной Сибири в период формирования государства Абу-л-Хайра оснований нет. Однако при сравнительном анализе трех списков соратников ситуация с трактовкой самого термина не так очевидна. В отличие от более ранних источников, Кухистани указывает для ички дополнительную клановую принадлежность (двое из них относятся к омаку мангыт и украш-найман).

Еще более спорная ситуация о передаче именно ички в числе представителей иных кланов управления Чимги-Турой. Именно такого прочтения источников среди исследователей позднесредневековой истории Западной Сибири придерживается А.В. Парунин [Парунин, 2012, с. 137]. Однако И.А. Мустакимов считает, что заголовок «Рассказ о пожаловании должности даруг Чимги-Туры» касается не расположенного ниже перечня, а как раз ранее указанных четырех человек из числа тарханов, дурменов и найманов [Мустакимов, 2011, с. 233]. В ниже приведенной таблице 3 они указаны на первых четырех местах. Кажется весьма симптоматичным совпадение числа новых даруг с числом карачи-беков, характерным для постордынских государств. Возможно, здесь и надо искать некие политические реалии совета карачей. Таким образом, в целом преувеличивать значение представителей ички в политических событиях этого времени и тем более рассматривать их как предков ичкинских татар весомого основания нет.

Аналогичная таблица была составлена в уже указанной выше работе Ж.М. Сабитовым, в том числе как один из аргументов для пересмотра хронологии событий в истории этого политического объединения (критика большинства положений этой версии была предложена нами в [Маслюженко, 2012, с. 76-88]). При этом исследователь исключил тех соратников, которые в списках упомянуты лишь один раз. Очевидно, что составленная таблица, с учетом конструирования Кухистани первого списка и неполноты последующих (многие заканчиваются словами «и другие великие», «и другие витязи», «и других предводителей»), не может быть аргументом в споре о хронологии. Она лишь показывает преимущественное значение тех или иных беков и огланов в ходе конкретных военных столкновений и отсутствие их в иных военных действиях по неизвестным нам причинам (в том числе и смерти).

Таким образом, предпринятый анализ поименных списков соратников хана Абу-л-Хайра позволяет выявить не только список кланов, поддержавших его избрание, но и уточнить ряд спорных моментов в источниковедении этого государства и реконструкции его клановой, социальной и политической структуры.

Таблица 3 – Списки участников военных походов Абу-л-Хайри

Перечень	Выборы 1430	Махмуд- Ходжа 1431	Хорезм 1435-6	Мустафа 1446	Сыгнак 1446	Махмуд/Ахмад 1447-9	Самарканд 1451	Капмыки 1457
Казахество:								
Йахши-бек тархан	-	-	+	-	-	+	+	-
Қутлук-Бука-гархан	+	-	-	+	-	+	+	-
Йакуб-Кара-Гадай дурман	+	+	-	+	-	+	+	+
Шайх-Суфи найман	+	+	+	+	-	-	-	-
Тирчик-бий дурман	+	-	-	-	-	-	-	-
Ходжа-Амин-ички-мангыт	+	-	-	-	-	-	-	-
Сафар-Ходжа-ички	+	-	-	-	-	-	-	-
Йусуф-Ходжа-ички украш-найман	+	-	-	-	-	-	+	-
Бирим-Ходжа-бахадур уйгур	+	-	-	-	-	-	-	-
Тунгачук-Тулу-Ходжа найман	+	-	-	-	-	-	+	-
Кылыч-бай-бахадур уйшин	+	-	+	+	+	+	+	-
Йурчи-Кара-Даулат-Ходжа тюмень	+	-	-	-	-	-	-	-
Бахти-Ходжа уйгур	+	-	-	-	-	-	+	-
Инка-ходжа дурман	+	+	-	-	-	-	+	-
Джумадук-бахадур тубай	+	-	-	-	-	-	+	-
Мумин-дервиш тубай	+	+	-	-	-	-	+	-
Шайх-Мухаммад бахадур уйшин	+	+	-	-	-	+	-	-
Қудагай Усман-бахадур уйшин	+	-	-	-	-	-	+	-
Йағлы-Ходжа контраг	+	+	+	-	-	+	+	-
Урус-бахадур контраг	+	+	-	-	-	-	+	-
Казахество (2)								
Тули-Халжи-бий кушчи	+	+	+	+	-	+	+	+
Даулат-Ходжа-диван кушчи	+	+	+	-	+	+	+	+
Кара-Усман найман	+	-	-	-	-	-	-	-
Ак-Суфи найман	+	+	-	-	-	-	+	-
Ақча-Урус кушчи	+	+	+	-	+	-	+	-
Ходжа-Лак курлаут	+	-	+	-	+	-	+	-
Сабур-Шайх тубай	+	+	-	-	+	-	-	-
Йадгар-бахадур тубай	+	+	-	-	-	-	+	-

Продолжение таблицы 3

Кара-Аранджик дурман		+								+		
Дулагак-бий дурман	-	+	-			-				+		-
Бахтияр-султан	-	-	+			+				+		+
Адал-бек буркут	-	-	+			-				+		-
Хан-кули найман	-	-	+			-				-		-
Мане-оглан табуг	-	-	-			+				-		-
Хамда-оглан	-	-	-			-				+		-
Тимур-Ходжа-мангыт	-	-	-			-				+		-
Мустафа-оглан	-	-	-			-				-		+
Йангилжар	-	-	-			-				-		+

Источники и литература

- Абулгази Баядур-хан. Родословная история о татарах. СПб., 1768. Т. II.
- Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М. : Наука, 1965. 181 с.
- Байрамова Ф. Ф. Степная Атлантида или История ичкинских татар. Казань : Аяз, 2013. 344 с.
- Исхаков Д. М. Этнополитические и демографические процессы в XV-XX вв. // Татары / отв. ред. Р. К. Уразманова, С. В. Чешко. М. : Наука, 2001. С. 101-161.
- Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Клановая структура улуса Джучи // История и культура Улуса Джучи. 2006. Бертольд Шпулер «Золотая Орда»: традиция изучения и современность. Казань : Фэн, 2007. С. 108-143.
- Исхаков Д. М. Позднесолотоордынская государственность тюрко-татар Сибирского региона: в поисках социально-политических основ // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы международной конференции. Курган : Изд-во Курганского государственного университета, 2011. С. 52-58.
- Кушкумбаев А. К. Крыльевая модель в военно-политической организации империи Джучидов // Военное дело улуса Джучи и его наследников. Астана : Фолиант, 2012. С. 109-164.
- Маслюженко Д. Н. Политическая история становления ханства Абу-л-Хайра на юге Западной Сибири // Тюрко-татарские государства. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани, 2012. Вып. 4. С. 76-88.
- Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / сост. С. К. Ибрагимов и др. Алма-Ата : Изд-во «Наука» КазССР, 1969. 652 с.
- Мустакимов И. А. Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009-2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2011. С. 228-248.
- Парунин А. В. Клан баргут/буркут в политической истории чингизидских государств XIII-XVI вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани, 2012. Вып. 4. С. 131-143.
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М. ; Л. : Академия наук СССР, 1952. Т. I. Кн. 1. 197 с.
- Сабитов Ж. М. Тарихи Абулхайр-хани как источник по истории ханства Абулхайр-хана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. № 2. С. 166-180.
- Сборник материалов по истории Золотой Орды. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. Т. II. 309 с.
- Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории). М. : Наука, 1982. 133 с.
- Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.
- Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / факсим., пер., транскр., текстолог. примеч., исслед. В. П. Юдина ; коммент. и указат. М. Х. Абусейтовой. Алма-Ата : Гылым, 1992. 296 с.
- Этнокультурная история населения Сафакулевского района (с древнейших времен до начала XX века) / под ред. Д. Н. Маслюженко. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2012. 102 с.
- Allworth A. E. The Modern Uzbeks. From the Fourteenth Century to the Present. A Cultural History. Stanford: Hoover Institution Press, 1990.
- Schamiloğlu U. Tribal politics and social organization in the Golden Horde. Columbia University, 1986.

О ЛОКАЛИЗАЦИИ ЛЕТОПИСНОЙ ЮГРЫ

Среди вопросов, касающихся процесса колонизации северо-западной Сибири, едва ли не самым дискуссионным был и остается вопрос о локализации летописной Югры. Споры в научной литературе привели к формированию двух точек зрения:

1) территория Югры изначально локализуется в нижнем течении р. Оби и по ее притокам [Напольских, 2006, с. 74; Оксенов, 1891, с. 246]. Такое расположение впервые было показано на карте С. Герберштейна 1546 г. [Кордт, 1899, рисунок 11]. В защиту этой версии говорит не только обзор источников, но и обширный лингвистический материал.

2) Югра изначально могла находиться на западе от Урала, в течении р. Сев. Двина и Печора, и лишь вследствие продвижения новгородцев на восток в XII-XIV вв. начинает перемещаться в Зауралье [Бушен, 1855, с. 199; Загоскин, 1910, с. 161; Плигузов, 1993, с. 46]. В действительности первая точная локализация Югры в русских источниках в Зауралье датируется 1364 г., когда новгородская дружина под предводительством А. Аввакумовича совершила рейд по Оби [ПСРЛ, т. IV, 1848, с. 64]. Кроме того, вызывает сомнение, что новгородцы вообще могли достигать столь отдаленных территорий в ранний период.

Следует оговориться, что, на наш взгляд, точная локализация народов, населяющих просторы севера Евразии, является весьма условной и трудно достижимой. Для средневековья очень сложно идентифицировать подобные наименования, они могут обозначать как территории, так и народы, проживавшие здесь. Такая позиция обусловлена особенностями мировосприятия средневековых обществ. Кроме того, говоря об Югре, Вису, Арсе или Бьярмаланде, мы имеем в виду не государственные образования, а ойконимы (этнонимы-топонимы), относящиеся к полукочевым народам. В любом случае мы будем иметь дело не с конкретным ареалом расселения, а с неким образом народа-территории, сложившимся в сознании путешественников, торговцев, летописцев или географов средневековья.

Впервые Югра появляется на страницах русских летописей в 1118 г. [Лихачев, 1996, с. 346] в «рассказе Гуряты Роговича», повествующем о походе 1094/95 г. (в летописи вошел под 1096 г.). Здесь под Югрой понимается некий народ, говорящий на неизвестном языке («Югра людие есть язык нем»). В то же время незнание языка никак не мешает «отроку» Гуряты наладить контакт с туземцами, а соответственно контакты с Югрой уже имели место. Отрок свободно общается с югричами, которые не только «дают дань», но и рассказывают о диве дивном и странном народе, живущем в горах. Следующий момент, который следует осветить – географическая привязка: «Седят с самоядью на

полуношных странах <...> суть горы заидуче Буку моря. имже высота ако до небе. и в горах тех кличь велик и говор. и секут гору хотящее высечися. и в горы тои просечено оконце мало и туда молвят <...> есть же путь до гор тех непроходим пропастьми снегом и лесом» [ПСРЛ, т. 1, 1926, с. 263].

Возможно, под горами понимается именно Урал, а путь к горам пролегал через Югру, соответственно Югра здесь расположена в Предуралье. Под «полуночными странами», вероятно, понимаются территории крайнего севера, где существует явление полярной ночи. Летописец дополняет повествование красочным и популярным для русской летописной традиции рассказом о народе, запертом в горах во время похода Александра Македонского, заимствованного из «Откровения Мефодия Патарского». К этому народу «югра» и предлагает пройти отроку Гуряте. Несмотря на мифологичность сюжета, мы можем подчерпнуть полезные сведения, касающиеся нашего вопроса.

«Рассказ» недвусмысленно дает понять, что главной целью похода новгородцев является пушнина. К тому же в рассматриваемый период произошло сразу два значительных события. Во-первых, Новгород вступил в период противостояния Киеву, и последний, объявив торговую блокаду, отрезал север от своих товаров. И, во-вторых, в силу начавшегося «серебряного кризиса» на Русь перестало поступать арабское серебро, и новгородцам пришлось искать новые источники драгоценного металла. Серебром русский север могла обеспечить торговля с западом, и именно пушнина стала движущей силой русских на восток. Однако следует заметить, что в рассматриваемый период Новгород вполне мог обходиться и собственными внутренними источниками ценного товара, к тому же в Европе большими спросом пока пользовался беличий мех. Скорее всего, помимо самой пушнины новгородцы вывозят из Югры и серебро, ввозимое на эту территорию арабами еще с X в. (Югра присутствует в трудах многих арабских путешественников, посетивших Волжскую Булгарию, начиная с Ибн-Фадлана). Поэтому логично будет обратиться именно к этим замечаниям.

В записках Ал-Гарнати, посетившего Булгар примерно в 1150 г., сообщается: «За сраной Вису на море Мраков есть область, известная под названием Йура. Летом день у них бывает очень длинным. Так, что говорят купцы, солнце не заходит сорок дней, а зимой ночь бывает такой же длинной...» [Ал-Гарнати, т. III, 2009, с. 141]. Судя по замечаниям арабского географа в стране Йура много соболей и меда, «огромные деревья и леса, в которых много меда, и соболей у них очень много, а мясо соболей они едят», а главным товаром, который туда ввозят, являются мечи (заметим, что в рассказе Гуряты Роговича пушнина обменивалась также на оружие из железа «нож или секира»). Соответственно Югра находится в таежной зоне. Дальнейшее описание народа Йура крайне необычно: «красного цвета, с голубыми глазами, волосы их белы, как лен, и в токай холод они носят льняные одежды. А на некоторых из них бывают шубы из превосходных шкурок бобров, мех этих бобров повернут наружу. И пьют

они ячменный напиток, кислый, как уксус, он подходит им из-за горячности их темперамента, объясняющегося тем, что они едят бобровое и беличье мясо и мед» [Ал-Гарнати, т. III, 2009, с. 141]. Крайне затруднительно представить коренных жителей Европейского Северо-Востока голубоглазыми, употребляющими такие напитки. Традицию употребления пива могли принести новгородцы, правда, мы не располагаем источниками, подтверждающими такой вывод. Конечно, как бы эта версия не казалась маловероятной, мы не будем ее полностью отвергать. Более вероятно, что Ал-Гарнати спутал Йуру с отрядом скандинавов, торгующих в Булгаре. В скандинавских сагах присутствуют упоминания о Бьярмаланде, с населением которого викинги торгуют и время от времени воюют вплоть до середины XII в. В саге, посвященной Олову Святому, вставлен сюжет с ограблением храма божества Йомали, в коленях идола которого находилась серебряная чаша, наполненная монетами [Стурлусон, 1980, с. 283-285]. Вероятно, чаша некогда была привезена на север арабами. Дискуссия относительно расположения племени Бьярмов привела к тому, что большинство исследователей приняло мнение, по которому Бьярмаландом определялась вся часть Русского севера от побережья Белого моря до Урала. Нам близок тезис, в основу которого легло понимание о Бьярмаланде как о «крайней земле», территория которой может расширяться. В рассматриваемой саге есть упоминание, благодаря которому возможно более точно локализовать Бьярмаланд по течению р. Вина (Сев. Двина).

Не пытаясь отождествить бьярмов с Югрой, мы лишь заметим, что арабский географ назвал их именно югричами. Даже если мы примем, что Ал-Гарнати ошибся и действительно видел скандинавов, следует считать, что югричи действительно посещали Булгар. В пользу этого говорит и то, что сам автор знал о них лишь понаслышке, а в сочинении он оставил такое замечание: «Жителям Вису и Йура запрещено летом вступать в страну Болгар, потому что когда в эти области вступает кто-нибудь из них, даже в самую сильную жару, то воздух и вода холодают, как зимой, а у людей гниют посевы. Это у них проверено» [Ал-Гарнати, т. III, 2009, с. 141]. И еще один момент: если югричи действительно могли посещать Булгар, скорее всего мы имеем дело с населением Приуралья.

Следующий, очень важный момент – описание маршрута: «А дорога к ним по земле, с которой никогда сходит снег; и люди делают для ног доски и обстругивают их; длина каждой доски – ба, а ширина – пядь. а мечи, которые привозят из стран ислама в Булгар, приносят большую прибыль. Затем болгарцы везут их в Вису, где водятся бобры, затем жители Вису везут их в Йуру, и ее жители покупают их за соболиные шкуры, и за невольниц, и невольников. А каждому человеку, живущему там, нужен каждый год меч, что бы бросить его в море Мраков. И когда они бросят мечи, то Аллах выводит им из моря рыбу в роде огромной горы...» [Ал-Гарнати, т. III, 2009, с. 141].

К сожалению, локализация страны Вису также вызывает споры, но,

исходя из описания, она расположена севернее Булгара, условно обозначим эти территории как Верхнекамские. Ареал распространения соболя совпадает с Печорским бассейном. Кроме того, существуют основания говорить о смещении леса к северу в рассматриваемый период [Федорова, 2002, с. 94]. Следовательно, мы можем говорить, что Югра занимала обширную территорию всего северного Приуралья вплоть до Карского моря.

Вновь вернемся к «Рассказу» Гуряты, где говорится «горы заидуче Буку моря», т.е. горы, расположенные за Югрой, пролегают вплоть до залива. Если взять во внимание тезис, что описанные в этих отрывках пространства находятся на западе от Урала, то под заливом вполне могла пониматься Байдарацкая губа.

Арабский путешественник I-й пол. XIV в. Аль-Омари оставил следующее замечание: «Купцы наших стран, говорил Номан, не забираются дальше города Булгара; купцы Булгарские ездят до Чульмана, а Чульманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера» [Сборник материалов, т. I, 1884, с. 240]. Под «купцами Чульманскими», судя по всему, понимаются купцы из городов нижнего Прикамья и Поволжья, прежде всего, Казани [Напольских, 2006, с. 74]. Если взять во внимание это замечание, то путь в Югру мог пролегать по Каме, а сама Югра локализуется по течению Печоры. Заметим, что в заметках нет ни слова о переходе через горы, что в случае Приобского расположения Югры кажется странным. Вспомним, что арабские товары в середине XI в. также везлись сначала до Булгара, а затем через Вису до Югры. Из этого сообщения можно сделать вывод, что о территории Югры восточные купцы знают от чульманов [Сборник материалов, т. I, 1884, с. 240]. Югра находится на краю севера, за ней уже ничего нет. Сибирские и Чульманские земли находятся в «сердце севера», в них сильная стужа, а зима продолжается по 6 месяцев [Сборник материалов, т. I, 1884, с. 238]. Исходя из всего этого, путь в Югру мог пролегать по Каме, а сама Югра локализуется по течению Печоры, причем вплоть до крайнего севера.

У русских термин «Югра» использовался вплоть до XVII века для обозначения населения Западной Сибири. В.В. Напольских показал, что Югра восходит к общепермскому «jēgra» [Напольских, 1997, с. 70], а следовательно, угры (манси), к которым это обозначение и применяется, имели непосредственные контакты с населением Коми и удмуртами. Возможно, мы действительно имеем дело с постепенным движением Югры на восток. Напомним, что впервые р. Обь упоминается в 1364 г. Но в таком случае возникает вопрос, насколько продвижение новгородцев способствовало такому перемещению. Действительно, в русских летописях часто упоминаются военные столкновения (1034, 1187, 1364, 1445 гг.). На наш взгляд, Югра, формально являясь подчиненной Новгороду территорией, время от времени подвергалась военной агрессии со стороны новгородцев. Причины такой агрессии видятся в экономических и политических кризисах внутри республики. В обычное время, когда Новгород обходился продуктами торговли с Югрой и, возможно, неболь-

шой пушной данью, то в периоды упадка ему требовались новые источники ресурсов, что, на наш взгляд, и заставляло новгородцев продвигаться далее на восток. Именно такие походы, в отличие от простых торговых экспедиций, и попадали в летописи. Интересно, что после поражения и потери независимости Новгорода эти территории продолжали приписываться к новгородским, хотя такое подчинение кажется формальным: сборщики дани постоянно сталкивались с сопротивлением, «югра» ведет активную торговлю с Булгарией, а через нее и с арабскими государствами, а ее князья по возможности стремятся избавиться от новгородского покровительства, строят города и создают свою иерархию.

Особенно интересно замечание, вписанное в летопись под 1187 г., об «избиение Печорском и Югорском в Печерских землях» [ПСРЛ, т. III, 1888, с. 161], из чего видно, что Югра находится в Предуралье. Новгородцы военной ватагой совершали поход за «данью», в ходе которого столкнулись с сопротивлением местных народов. Впечатляет количество новгородцев (100 человек только погибло), соответственно мы имеем дело с широкомасштабной операцией. Заметим, что новгородцы не дошли до Югры, но столкнулись с «данниками». Складывается впечатление, что на территории Печоры были организованы пункты сбора дани, в которые, по словам летописца, стекалось подвластное население. Авторы летописей не упускают возможности подчеркнуть степень зависимости Югры от Новгорода, хотя еще раз заметим, что это кажется маловероятным. Интересно замечание «а друзии за Волоком», которое позволяет судить о том, что поход все же не был ограничен посещением только Печоры. Возможно, здесь и имеется в виду Югра. В таком случае мы имеем дело с конкретным военным вторжением сразу на две территории, а не с привычным процессом уплаты дани на погостах.

Остается только вопрос, откуда в Печоре появились «Югорские данники». Конечно, нет оснований полагать, что сама Югра находилась в Печорской волости (по крайней мере, летописец об этом не говорит и всегда подчеркивает, что эти территории (и/или народы) не тождественны). Вспомним арабские источники, говорившие о торговле населения Вису (возможно, Прикамского) и Югры. Таким образом, новгородцы вполне могли наткнуться на югорских купцов. Русские письменные источники повествуют о Печоре и Югре как о двух соседних территориях, причем современной наукой не установлена их языковая принадлежность. Впрочем, если мы практически не имеем географической привязки к «Югре», то локализация «Печоры» вполне ясна, и нельзя не заметить, что кажется маловероятной отдаленность югорских территорий от Печоры. Скорее всего, Югорская земля граничит с Печерской волостью на севере и располагается, таким образом, в Предуралье. Но если вспомнить замечания в скандинавских сагах и арабские источники (в которых, впрочем, нет упоминания Печоры), то вполне возможно, что в понимании новгородцев Югра – это вообще вся территория крайнего севера от Сев. Двины до Урала.

Однако, как можно полагать, такие военные акции являлись частным случаем, и по большей мере обе стороны довольствовались торговлей (такой, как описано в «Рассказе Гуряты Роговича»). Об интенсивной торговле можно говорить по находкам таких предметов, как русские ювелирные украшения, лунинцы, перстни. Есть основание полагать, что сюда ввозились ткани [Федорова, 2002а, с. 93]. С другой стороны, крайне интересными находками на обширной территории от Прикамья до Оби являются Византийские и арабские серебряные чаши. На одной из таких, предположительно найденной в г. Березово или, в крайнем случае, на р. Сев. Сосьва, есть надпись на русском, гласящая, что чаша весит (или стоит) 35 гривен серебра [Федорова, 2002б, с. 4]. Эта чаша, безусловно попавшая на Урал из Руси, является следствием не только военных, но и вполне мирных отношений (возможно, она попала сюда в качестве посольского дара). Все эти артефакты наталкивают на вывод, что под Югрой могли пониматься вообще все земли к северо-востоку от Новгорода.

Интересная информация содержится в описании похода 1193 г., где говорится о выкупе серебром: «и высылаху к ним Югра, льстьюю рекуще тако, яко «копим сребро и соболи и на узорчья, а не губите своих смер и своей дани» [ПСРЛ, т. III, 1888, с. 166]. Скорее всего, серебро было представлено ломом сосудов, вышедших из употребления. Интересен сюжет, связанный со сговором одного из новгородцев с «князем Югорским»: «Потом рече Савка князю Югорскому: «аще, княже, не убиешь еще Яковца Прокшиница, а живого пустиши вои сомо, и землю твою пусту сотворит». И призвавши князь Яковца Савици: «брате! Судить ти Бог и святая Софья, аще еси подумаль на кровь братьи своей; и станеша с нами пред Богом, и отвъщаеши за кровь нашу». И то ему рекошу, убиень бысть: те бо Савица перевът держаще отай се князем Югорскимъ» [ПСРЛ, т. III, 1888, с. 169].

Во-первых, мы находим информацию о князьях Югры. Насколько это замечание соответствует истине, судить сложно, но мы можем говорить о наличии в какой-то степени устойчивой иерархии, причем Савка, судя по всему, обратился к князю для решения своих проблем, так как о его пленении нет ни слова. Во-вторых, в Югру отправлялись не только официальные новгородские рати, но и посторонние люди, такие как Савка. Кем именно является Савка, неизвестно, летописец не оставил упоминания, что он являлся участником похода. Возможно, Савка был новгородским купцом, посещавшим Югру во время похода. Если это так, то наш тезис об использовании югричей для решения личных проблем новгородцев кажется оправданным. Кроме того, из всего этого следует, что официальное продвижение новгородских войск и агрессия со стороны Новгорода лишь частный случай. Купцы и простые новгородцы посещали Югру и имели вполне дружеские деловые отношения с Югорской политической элитой.

Маловероятно, что такая ситуация смогла спровоцировать Югру на исход из родных мест. Кроме того, в этот период начинается постепенное освоение и

заселение русскими Предуральских территорий, которое естественно приводило к тесным контактам с местным населением (возможно, и с Югрой), причем мы можем говорить о высокой степени комплиментарности и сотрудничестве.

Не меньшая путаница возникает, если попытаться разобраться в этом вопросе, привлекая данные карт XVI в. Так, на картах А. Вида (1537 г.) [Кордт, 1899, рисунок 6] и Г. Меркатора (1594 г.) (Кордт, 1899, рисунок 24) Югра локализуется по течению р. Мезень, в то время как на карте С. Герберштейна (1546 г.) по течению Оби [Кордт, 1899, рисунок 11]. Причем в первых двух картах есть пояснение «*Iugra Iuhra ex qua Hungari*» (Югория, откуда вышли венгры). В «Записках о Московии» также упоминается, что современные автору венгры вышли из Югры («Это та Югра, из которой некогда вышли венгры и заняли Паннонию») [Герберштейн, 1988, с. 163]. Возможно, такая ситуация появилась вследствие разных информаторов, так как Герберштейну было известно о двух путях в Югру (условно назовем их новгородским и московским). В тексте «Югорского дорожника» С. Герберштейна был описан маршрут в Югру, более длинный и тяжелый, чем тот, который использовали в XVI вв. [Герберштейн, 1988, с. 157]. Сам посол был проинформирован о том, что москвичи пользуются другой, «весьма торной и кратчайшей дорогой», однако в его расположении был только этот маршрут. Напомним, что саму Югру Герберштейн расположил в Приобье, следовательно, о Югре его информировали москвичи, а маршрутник составлен либо со слов новгородцев, либо москвичи специально путали автора. А.И. Плигузов на основе «Югорского дорожника» доказал, что маршруты новгородцев сознательно не менялись с XIII-XIV века вплоть до XVI века [Плигузов, 1993, с. 19]. В тексте «О неизвестных человецех в Восточной стране» «самоядь» расположена за территорией Югры [Плигузов, 1993, с. 28], а так как в «Сказании» самоеды расселены на Приобских пространствах [Плигузов, 1993, с. 80-81], можно локализовать Югру в пределах Приполярного Урала. Следовательно, разные информаторы под Югрой могли понимать совершенно различные территории. В дальнейшем рассуждении будем отталкиваться именно от этого тезиса, который, правда, не объясняет преемственность политики Москвы от Новгорода, в чем вряд ли можно усомниться.

Археологические материалы, связанные с торговлей Новгорода в северо-восточной части Европы, убедительно показывают, что основная торговля с коренными народами севера шла на территории Предуралья. Большая часть русских материалов происходит именно с этой территории. Кроме того, мы можем судить о начале заселения Приуральской территории русскими [Археология, 1997, рисунки 675-678]. Особого внимания здесь заслуживают предметы христианского культа (такие, как нательные кресты) и орудия земледелия, безусловно, подтверждающие русское продвижение.

В.В. Напольских установил, что Югра X-XV вв. – население неизвестной этноязыковой принадлежности, которое не относится ни к обским уграм, ни к коренным пермякам, ни к ненцам [Напольских. URL: www.udmurtology].

narod.ru/library/napolskikh]. Этим же автором была сделана попытка поставить окончательную точку в споре о локализации Югры. Проведя ряд экспедиций, он не обнаружил ни одного югорского топонима на территории Предуралья, из чего делал вывод о том, что Югра изначально локализовалась в Приобье. Также следует оговориться, что, несмотря на конкретное определение ареала Югры, Напольских аккуратно замечает, что в силу тесных контактов этноним «Югра» мог использоваться после установления родственных связей и населением Прикамья. Вследствие тесных контактов древних пермян с обскими уграми первые вполне могли перенять родовое название «Югра».

Русские источники разделяют племена вогулов (манси), остяков (ханты) и югричей, соответственно «Югра», скорее всего, не относится к предкам обских угров. Таким образом, Югра вполне самостоятельное политическое и, видимо, этническое образование, которое исчезает из источников в XVI-XVII вв. Причиной исчезновения могло стать изменение в политической доминанте данного региона, вызванное его подчинением Московской Руси. С другой стороны, «Югрой» мог именоваться народ, проживающий в Предуралье и перенявший это название от угров, точно так же, как и сами обитатели Приобья могли перенять на себя этот этноним.

Таким образом, в русских летописях Югрой вполне могла именоваться территория и Прикамья, и Приобья. Учитывая археологические данные, кажется маловероятным проникновение Новгородцев на территорию Приобья в XI-XIII вв. Следовательно, новгородские летописи содержат информацию о Прикамских территориях, которые, впрочем, не являются искомой Югрой.

Возвращаясь к картам средневековых путешественников, а заметим, что все они составлялись в период доминирования Москвы, и Югра, по сути, прекращает свое существование, следует освятить последний момент. Во всех замечаниях об Югре говорится как о территории, являющейся прародиной венгров. Историческая память лишь отчасти сохранила драматургию событий, а сходство югра (Jugria) – венгры (Hungri) вполне могло стать причиной ошибки, ставшей предметом спора целых поколений историков.

Мы можем констатировать, что реальная Югра, скорее всего, находилась в пределах Приобья. Возможно, в более ранний период югричи имели прародину в Предуралье, но на момент попадания в летописи они уже ушли с родных мест. Тем не менее, память об общей прародине и тесные связи с Предуральским населением могли стать поводом перехода родового названия «Югра» и к Прикумскому населению. В таком случае летописная Югра вполне могла находиться и в Предуралье, а новгородцы в процессе колонизации столкнулись именно с ней, из-за чего и случилась данная путаница. Возможно, под Югрой понимался некий политический союз, что объясняет исчезновение Югры из источников в процессе освоения Уральских территорий русским, уже московским, государством. Такая ситуация позволила новгородцам именовать Югрой все территории к востоку от Печоры (вспомним, что эти территории

находились по соседству). Далее на восток и север ареал Югры в сознании «колонизаторов» расширялся.

В период возвышения Московского княжества и противостояния его с Новгородом Дмитрий Иванович аннексирует «новгородские волости Пермь и Печора» (1364 г.) [Историко-филологический сборник, вып. 4, 1958, с. 261]. Примерно в этот же период в летописях впервые появляется упоминание об Оби. Соответственно теперь территория Югры расширилась и включила в себя Зауралье. Вспоминая о волоке, можно предположить, что в Обь новгородцы попали через Сев. Сосьву (приток Оби). В источнике это отображено следующим образом: «Той зимы с Югры приехали дети боярские и люди молодья с воеводами Александром Аввакумовичем и Степаном Ляпою, воевали по Оби реке до моря, а другая половина рати на верх по Оби воеваша; а двиняне стали против них полком, но были разбиты» [ПСРЛ, т. IV, 1848, с. 64]. Осведомленность летописца позволяет судить, что об Оби новгородцам уже было известно и до этого. Вспомним, что в «Рассказе» Гуряты Роговича Югра рассказала о пути до странного народа, находящегося за горами. Действительно, из Печоры в Сев. Сосьву путь совсем не большой, и волок не должен был занять много времени. В то же время летописец обособляет поход по Оби от основного похода, намекая тем самым на исключительность действий в Зауралье. С этого момента территория Югры официально расширяется, захватывает Приобье и, судя по всему, местное иноязычное население, которое и могло являться истинной Югрой (учтем, что по одной из версий Югра изначально локализовалась в Приобье).

В 1445 г. совершается последний поход новгородцев в Югру [ПСРЛ, т. III, 1888, с. 426], впрочем, Обь в данном замечании не упоминается, хотя говорится о действиях сразу на двух реках. Из этого делается вывод о том, что Приобье окончательно стало ассоциироваться с Югрой. Новгороду, занятому феодальной войной, не удалось установить окончательный контроль над Югорскими землями, и вскоре он теряет свой суверенитет.

В 1465 году Великий князь Иван Васильевич приказал Василию Скрыбе совершить поход на Югру [ПСРЛ, т. XXXVII, 1982, с. 46]. С этого времени Югорская Земля входит в зону интересов Московского княжества, однако важно заметить, что москвичи имели дело уже не с Предуральем, а с территориями Урала и Приобья. В 1499 г. великий князь московский Иван Васильевич направил своих воевод на Урал с целью захвата добычи в Кодском и Югорском княжествах. Интересно то, что, несмотря на потерю независимости Новгорода, эти земли не перестают именоваться новгородскими [ПСРЛ, т. XXVI, 1959, с. 291]. Традиционное сознание сохранило условный статус подчинения коренных народов Урала. Однако если Югра для Новгорода – это все пространства крайнего Северо-Востока Европы и Оби, то для Москвы – конкретное княжество на территории северного Урала и Приобья, причем отдельное от вогулов, остяков и пелымчан и локализованное в территориальных рамках

XV в. Чуть позже Югра исчезла с политической арены, а название было присвоено Зауральской территории, населенной иным этносом. Следовательно, Югра более выступает ментальным конструктом, служащим для обозначения далеких территорий, формально входящих в состав Новгорода, а после – Москвы.

Источники и литература

- Ал-Гарнаги. Ясное изложение некоторых чудес Магриба, или выборка воспоминаний о чудесах стран // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2009. Т. III.
- Археология республики Коми / отв. ред. Э. А. Савельева. М. : Дик, 1997.
- Бушен А. Б. Опыт исследования о древней Югре // Вестник Русского географического общества. СПб., 1855. Т. 4.
- Герберштейн С. Записки о Московии. М. : Изд-во МГУ, 1988.
- Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело в допетровский период. Казань, 1910.
- Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4.
- Кордт В. Материалы по истории русской картографии. Вып. I. Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века. Киев, 1899.
- Лихачев Д. С. «Повесть временных лет» (историко-литературный очерк) // Повесть временных лет / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. СПб. : Наука, 1996.
- Напольских В. В. Ведение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997.
- Напольских В. В. Вятка, Джулман, Югра и Сибирь в арабском источнике первой половины XIV в. // Вопросы ономастики. 2006. № 3.
- Напольских В. В. Географическая привязка и этноязыковая идентификация летописной Югры. Библиография В. В. Напольских. URL: <http://www.udmurtology.narod.ru/library/napolskikh>.
- Оксенов А. В. Политические отношения Московского государства к Югорской земле // Журнал Министерства народного просвещения. Ч.273, январь. СПб., 1891.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. I: Повесть временных лет. 2-е изд. Л. : Изд-во Академии Наук СССР, 1926.
- ПСРЛ. Т. III. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. Издание Археографической комиссии. СПб., 1888.
- ПСРЛ. Т. IV. Новгородская IV летопись. Издание Археографической комиссии. СПб., 1848.
- ПСРЛ Т. XXVI. Вологодско-пермская летопись / под ред. М. Н. Тихомирова. М. : Издательство Академии наук СССР, 1959.
- ПСРЛ. Т. XXXVII. Устюжские и Вологодские летописи XVI-XVIII вв. Л. : Наука, 1982.
- Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М., 1993.
- Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды В. Г. Тизенгаузена. Т.I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
- Стурлусон С. Круг Земной. М. : Наука, 1980.
- Федорова Н. В. Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: история взаимодействия на торговых путях // Археология, этнография и антропология Евразии. 4(12). Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2002а.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТОРГОВЛИ В ПОГРАНИЧНЫХ КРЕПОСТЯХ НА ЮЖНОЙ ГРАНИЦЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVIII ВЕКЕ

Известные из Ипатьевской летописи ранние торговые связи с Югрой свидетельствуют о значении восточных рынков в экономике Новгородской Руси. Эти связи в дальнейшем были унаследованы Московским государством, которое всегда тянулось к рынкам Востока и Средней Азии. Включение в состав Российской империи новых земель на юге Зауралья и Западной Сибири, способствовавшее приближению её к восточным рынкам, имело глобальное значение для дальнейшего развития торговых связей.

В отечественной историографии вопрос о развитии торговли в Сибири в разные периоды истории были рассмотрены следующими исследователями: Г.Ф. Миллером, П. Словцовым, Г.Н. Потаниным, С.В. Бахрушиным, О.Н. Вилковым, Н.Г. Аполловой, А.Д. Колесниковым, Б.И. Оглы, А.И. Юхтом. Такие исследователи ближнего зарубежья, как Г.Т. Каженова, А.Б. Кушпаева, также обращались к данной проблеме в контексте участия казахов в торговых операциях на российской границе. Наша задача состоит в выявлении особенностей развития торговли в городах-крепостях на юго-восточной границе империи и места татар, башкир, казахов в этом процессе.

Торговля, являясь одним из самых ранних хозяйственных занятий русско-го населения Сибири, в городах преобладала над промышленностью. Она была тесно связана не только с промысловым освоением края, но и политическим интересами государства на юго-восточном направлении (решала некоторые вопросы внешней политики России).

Ключевыми пунктами торговых сообщений с Востоком до сооружения городов-крепостей на Оренбургской и Сибирской пограничных линиях были города Астрахань, Уфа, Тобольск, Тара [Буканова, 1997, с. 191].

Не секрет, что развитие этих городов, как торговых центров, было тесно связано с их выгодным географическим местоположением – у больших рек, которые являлись главными транспортными артериями, а также на месте пересечения давно уже известных и развитых караванных путей. Именно поэтому первые города Сибири – Тюмень, Тобольск, Верхотурье, Енисейск, Томск – сравнительно быстро превратились в центры торговли и ремесла.

Реки долгое время играли роль главной транспортной артерии в сообщениях европейской части России и Сибири. Со времен Новгородской Руси вплоть до конца XVII века купцы в Сибири в основном пользовались водными путями. Зимой по ним шли санные дороги (рисунок 1). В первое время не было необходимости в организации специальных дорог. Ясак собирали один раз в

году, в начале зимы и везли по зимнику на санях. Самые ранние сибирские дороги – вьючные, и название у них было татарское – сакма (тропа) [Казаркин, 2002, с. 15].

Рисунок 1 – Обозы по реке из Тобольска идут на Ирбитскую ярмарку¹

Государственные нужды привели к необходимости организации почтовой связи с Сибирью. В 1689 году была учреждена государственная почта от Москвы через Тобольск до Нерчинска, а через Якутск – на Камчатку. Пользовались гужевыми дорогами, вьючными тропами, а в период короткого северного лета плыли по рекам.

Исследователь С.Н. Пивень считает, что к 30-м годам XVIII века в Западной Сибири закончился первый этап освоения сухопутных дорог. С 30-х гг. XVIII до конца XVIII в. – второй этап развития сухопутных дорог. Устроенным по инициативе властей, сухопутным почтовым трактом начинают пользоваться купцы для транзитной перевозки своих кладей. Из-за отсутствия пограничных укрепленных линий и частых грабительских вторжений джунгар

¹ Обозы из Тобольска по реке идут на ярмарку в Ирбит. URL: <http://irbeya.ru/gallery?a=32>

и казахов это предприятие было небезопасным для купцов. Но, тем не менее, купцы активно стали использовать этот путь для своих торговых передвижений [Пивень, 2005, с. 47-48].

Разумеется, сухопутные дороги были разные: почтовые, проселочные. Но главным в Сибири был, по единодушному мнению современников, Московский тракт. В Сибирь из Европейской России вели три главные дороги: Ирбитская, Екатеринбургская и Шадринская, которые затем в районе Тюмени сливались в один Московско-Сибирский тракт. Он шел от Тюмени на Тобольск, Омск, Каинск, Колывань, Томск, Ачинск, Красноярск, Нижнеудинск, Иркутск. Наиболее трудным был Кругоморский (Кругобайкальский) участок тракта. Здесь приходилось преодолевать крутую горную дорогу. Отсюда шли два направления: на Верхнеудинск и Нерчинск – к востоку и на Кяхту – к югу. Впоследствии появилось и северное ответвление на Якутск, а затем к Охотску. Торговое движение по Московско-Сибирскому тракту было круглогодичным [История Сибири..., 1968, с. 285].

Нельзя сказать, что тракт шел одной линией. В западной её части можно было найти ответвления в разные стороны. А вот восточная часть тракта, с Томска, шла одной линией. Не на всех участках тракт был коммерческим. На некоторых участках он служил лишь государственным почтовым целям [Курилов, 2005, с. 98-100.]. Тем не менее, Московский тракт облегчил транспортировку товаров, ускорил обороты торгового капитала и, в конечном счете, способствовал развитию связей и вступлению Сибири в систему всероссийского рынка [История Сибири..., 1968, с. 285].

* * *

Главной помехой для активного развития торговли в XVII – начале XVIII в. являлись опасности, обусловленные непредсказуемостью поведения южных соседей – казахов, калмыков. Они создавали проблемы и растущему посадскому и крестьянскому населению на юге Сибири: в результате столкновения окраинных крестьянских поселений с кочевниками не только разорялись хозяйства, чем наносился убыток казне, но и их население уходило к северу, подальше от степи. Все эти факты ставили перед правительством новые задачи по организации охраны южных рубежей.

Эти помехи начали устранять ещё во времена Петра I, но окончательно проблемы разрешились только более чем через век. Экспедиции И.И. Бухольца и И.И. Лихарева, план И.К. Кирилова, строительство Оренбургской и Сибирских линий – все это предпринималось для укрепления экономической мощи государства через формирование торговых связей с восточными соседями.

Вопросы о стремлении России в первой четверти XVIII века к господству на главных водных путях, ведущих в страны Средней Азии, Китай и Индию, о сохранении и дальнейшем развитии торговых отношений в этом регионе ре-

шались привычным для Русского государства путем – строительством городов-крепостей и вовлечением новых земель в экономический оборот государства. Именно экспедиции Бухолца и Лихарева положили начало освоению территории Верхнего Прииртышья через основание верхиртышских крепостей: Ямышевской, Омской, Семипалатинской, Убинской, Железинской, Долонской и Усть-Каменогорской.

Строительство русских крепостей повлияло на охлаждение политических отношений России и Джунгарии. Всё это грозило отрицательно отразиться на успешном установлении посреднических торговых отношений между Востоком и Западом, где Россия желала играть ключевую роль. Постоянные требования Джунгарского контайши возвращения земель около Иртыша и враждебные отношения с казахами ещё более затрудняли положение дел.

Прекрасно прочувствовав сложившуюся ситуацию, Петр I 19 января 1721 г. велел для разрядки обстановки некоторые крепости убрать, оставшиеся укрепить. В Тобольск писали: «Крепость Ямышевскую укрепить и оселить, а прочие разорить новые, кроме Омской. С контайшею сделать мир, и завести купечество с ним, также и к китайским городам Селим и Дабы, также и к жилищу Далай ламы». Из сибирской губернской канцелярии отписали по этому поводу, что крепости не были сняты, так как «в то время получили известие о приходе посланцев» в верхиртышские укрепления. После прибытия из верховьев Иртыша Ивана Чередова с калмыками в Тобольск был послан указ о снятии Долонской и Убинской крепостей и о распределении людей и провианта и всяких припасов в другие крепости [Муратова, 2007, с. 31-32].

В этих обстоятельствах Петр I стал требовать, чтобы «с пограничными поступать во всем по именному его Государя указу». В следующем месяце, 17 февраля, Петр I указывает из новопостроенных крепостей, кроме Омской, военных и прочих людей, и артиллерию вывести в Тобольск, «или куда пристойно». Он был обеспокоен тем, что из сибирской губернии не отписывают о получении и исполнении указов [Муратова, 2007, с. 32].

Вслед за этими событиями начинается постепенное возобновление торговых отношений с джунгарами, что их караваны стали «значительным внешним фактором сибирских рынков, Ирбитской ярмарки». Тобольск и занятые Россией окрестности оз. Ямыш в тот период вновь стали местами сосредоточения торговли джунгарских купцов. Рынки России были привлекательными для джунгар, потому как им разрешалось здесь торговать беспошлинно. С ростом объема товарооборота российские власти пришли к выводу, что отсутствие пошлин более выгодно джунгарам, чем русским купцам, и начали произвольно взимать таможенный сбор с джунгарских товаров. Попытка заключить через делегацию майора Л. Угримова, направленного в 1733 г. ко двору Галдан Церена, договор об ограничении беспошлинной торговли Семипалатинской и Ямышевской крепостями не увенчалась успехом. Беспошлинная торговля была подтверждена договорами с Джунгарией «О коммерции и торге» в 1733 и 1742 гг.

Дружественные отношения с Джунгарией способствовали тому, что наши отечественные купцы имели возможность посещать Кульджу, Тарбагатай, Урумчи [Азаренко, 2001].

На налаженные торговые отношения с Джунгарией повлияла война: с 1755 по 1758 год в верхнем Приобье шла китайско-джунгарская война. Цинская империя, воспользовавшись возникшей в Джунгарии междоусобицей, напала на эту страну и развернула войну за её порабощение. Война закончилась полным разгромом Джунгарии. Тревожная обстановка на границе актуализировала необходимость обозначения и укрепления границ государства. Поэтому именно на этот период приходится строительство системы пограничных укреплений на юге Западной Сибири, состоящей из отдельных фортификационных единиц, среди которых крепости не только имели оборонительное значение, но и стали средоточиями притяжения торговых людей, формирования центров меновой торговли. К таким можно отнести следующие крепости: на Тоболо-Ишимской линии – Св. Петра, на Иртышской линии – Железинская, Ямышевская, Семипалатинская, Усть-Каменогорская.

Первая таможня появилась в 1720 г. в Ямышевской крепости. В 1733 г. в Семипалатинскую крепость был назначен таможенный комиссар (с 1728 г. – таможенный смотритель). Увеличение торгового потока через Семипалатинскую таможню выявило необходимость постройки Гостиного двора в 1748 г. [Нурбаев, 2007, С. 54]. В 1752 году для торга в Семипалатинскую крепость прибыли из Большой Урги калмыки и бухарцы при четырех старшинах: Аблаи Зайсан, Кареды Хужемьяров, Аширмет Кульмаметьев, Барат Сафар. И с ними 485 человек. Привезли с собой «иркетские» и прочие товары [РГВИА, Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 428. Лл. 17-20] (таблица 1).

Уже в 1754 г. в Семипалатинской крепости появилась пограничная таможня. Проблемы в Джунгарии привели в середине века к уменьшению торговли в Ямышевской крепости и необходимости переориентации торговли в Семипалатинской крепости на казахов [Нурбаев, 2007, с. 54].

Отношения с другим соседом России – казахами – в течение XVI-XVIII вв. складывались по-разному. Когда в начале XVII в. и XVIII в. группы племен стали угрожать землям казахов, они начинали искать помощи у более могущественного соседа, а именно в России. В такие тревожные времена (к примеру, в XVII в.) торговые караваны в Среднюю Азию отправлялись лишь с большим риском. Об опасностях, связанных с передвижением торговых караванов по территории Казахстана, в XVII веке сообщал Тобольский воевода [Доннелли, 1995, с. 77].

Политика же российского государства с начала XVIII века в отношении казахских жузов – Младшего, Старшего и Среднего – была направлена на их включение в состав империи. В свою очередь, казахи, спасаясь от джунгар, надеялись обрести в лице России сильного союзника и защитника. Поэтому обе стороны были заинтересованы друг в друге. Строительство крепостей в

верховьях Иртыша только усилило эту связь и способствовало установлению тесных экономических связей. Само присоединение земель Казахстана, начавшееся в начале XVIII века, было номинальным.

Таблица 1 – Реестр товаров привезенных калмыками и бухарцами в Семипалатинск 1753 г.*

№п/п	Название товаров	Количество (в шт.)
Из оружия:		
1.	Турок	98
2.	Пороху и свинца на каждую выстрелов по	20
3.	Панцырей	3
4.	Сайдаков	53
5.	При них стрел	1060
6.	Сабель	45
Разных иркутских товаров		Количество (в шт.)
7.	Иркутских разных товаров	140000
8.	Лисиц	250
9.	Волков	250
10.	Нашатырь	15
Скота		Количество (голов)
11.	Верблюдов	755
12.	Лошадей	729

* РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 428. Л. 40об.

До строительства Сибирских линий большую роль в развитии торговли России на юго-восточном направлении сыграла реализация проекта И.К. Кирилова и его Оренбургская экспедиция. В результате этой экспедиции была возведена Оренбургская укрепленная линия и главная крепость – Оренбург, который должен был стать центром притяжения торговли с казахами.

Исследователь Г.Т. Каженова считает, что казахи в этот период искали нового партнера для сбыта сельскохозяйственной продукции, покупки жизненно важных предметов: чая, сахара, тканей, изделий ремесленников и т.д. Такого необходимого партнера они нашли в лице России. Поэтому принято считать, что Оренбург на пограничной линии был построен именно для организации торговли с казахами [Каженова, 2007, с. 56].

Хотя в начале XVIII в. русское правительство не рассматривало казахов-кочевников в качестве серьезных торговых партнеров. Для России Казахская Степь являлась, прежде всего, торговым путем в Среднюю Азию. Однако после открытия торговых пунктов российские власти обратили внимание, что торговля с казахами приносит значительную выгоду. С конца 40-х годов та-

моженные пошлины, собираемые в Оренбурге с казахских товаров, почти в два раза превышали аналогичный сбор с товаров из Средней Азии [Каженова, 2007, с. 57]. Прибыльность торговли с казахами отмечал дореволюционный исследователь А. Левшин. Он писал, что потери от частых нападений «киргизов» на пограничные территории восполняются торговлей, и это «делает их соседство выгодным как для Китая, так и для России» [Левшин, 1832, с. 215].

Несомненно, следует связывать тенденции роста русско-казахской и русско-среднеазиатской торговли с построением крепости Оренбург. По свидетельству оренбургского губернатора И. Неплюева, сюда съезжались купцы с разных городов, а также из Хивы и Бухары, что было выгоднее и отечественным торговым людям, потому как необходимые им товары восточные купцы сами привозили, и не было необходимости ехать за ними, преодолевая опасности через казахские степи [Сулеманов, Басин, 1981, с. 101].

Казахские и среднеазиатские купцы охотно покупали «кармазинные сукна, бобры русские и немецкие, краски брусковую и коншенель и протчее». Некоторые казахи стали покупать телеги «и оные у себя в орде употреблять». В 1759 г. А. Тевкелев и П. Рычков в Коллегию иностранных дел писали: «казахи в торг уже влюбились, часто случается в один день человек от семи до осьмисот, а иногда и до тысячи на здешний меновой двор приезжают, и редко находится в них такой, чтоб чем-нибудь сам не торговал» [Сулейманов, Басин, 1981, с. 101].

Казахстан для России стал не только рынком сбыта собственной продукции, но и источником дешевого сырья. Анализируя товарообмен Казахстана и России, исследователь А.Б. Кушпаева пишет: «Забота об укреплении торгового могущества побуждала Российскую империю предпринимать меры не только по овладению рынками сбыта своей промышленной и сельскохозяйственной продукции. Перспективные планы шли намного дальше: удовлетворение насущной потребности в источниках ценного сырья» [Кушпаева, 2011, с. 25].

Поэтому, чтобы стимулировать торговлю с казахами, российское правительство проводило поощрительные акции. Так, Указом Коллегии иностранных дел и Коммерц-коллегии от 22 декабря 1747 г. казахам Среднего жуза, бухарцам и джунгарам было разрешено вести меновую торговлю с русскими купцами «без осмотра и беспошлинно». По этому указу «велено было пошлины брать с российских купцов, которые эти товары у казахов на границе выменивали или ввозили» [Каженова, 2007, с. 56-57]. Специальными мерами, которые должны были оживить внутренний и внешний рынок, были отмена внутренних пошлин, установление протекционистских таможенных тарифов для внешней торговли. Все эти меры повлияли на рост роли купеческих компаний, в результате некоторые из них в 1751 г. получили право монопольного торга в сибирских городах и на среднеазиатских рынках [История Казахской ССР, 1956, с. 246].

Будет ошибкой считать, что торг с казахами на границе велся только лишь

через Оренбург. Правильнее будет утверждать, что Оренбург имел большое значение для казахов Младшего жуза. А представители Среднего и Страшного жузов просили правительство разрешить торговать в крепостях Сибирских линий, так как им было удобнее с товарами проехать именно в эти крепости. В меновой торговле на Сибирских линиях нуждались гарнизоны форпостов и крепостей, крестьяне, поселившиеся в приграничной зоне. Об этом в 1754 г. И. Крафт писал в Коллегию иностранных дел: «Близ той линии немалое кочевье имеют киргиз-кайсаки, ... и для мены пригоняют скот и просят о торгу». Коллегия дала согласие на организацию торговли в Петропавловской крепости, с условием, что она не помешает оренбургской торговле и не повлечет за собой уменьшения пошлинных сборов в Оренбурге. С целью развития торговли на Тоболо-Ишимской линии Коллегия предложила не брать с русских купцов пошлин в течении пяти лет [Аполлова, 1960, с. 318].

В 1754 г. Крафт писал в Коллегию иностранных дел, что новая линия крепостей (*то есть Тоболо-Ишимская линия – прим. С.М.*) будет закончена в 1755 г. и просил учредить в крепости Св. Петра торг русских купцов с казахами, «ибо ис того немалая в казне прибыль, а военным людям в харчеве припасах удовольствие может быть». В свою очередь, султан Абылай и старшина Среднего жуза Кулсары батыр неоднократно просили бригадира К.Л. фон Фрауендорфа учредить на новой линии сатовку. Только в 1759 году разрешили начать торг в Петропавловской крепости. К.Л. Фрауендорф писал Абылаю и Кулсары батыру приглашая торговать в Петропавловской крепости. Уже в 1760 г. для торга туда прибыли бухарцы [Нурбаев, 2007, с. 54].

Постепенно крепость Св. Петра стала главным пунктом меновой торговли с Хивой, Бухарой и Ташкентом и мало-помалу, на луговой части берега р. Ишима осело смешанное население из переселившихся в пределы России бухарцев, ташкентцев и наехавших из внутренней части губернии татар, среди которых русские первоначально составляли только военный отряд. Число жителей быстро возрастало, расширялась торговля. Вскоре при крепости Св. Петра была учреждена пограничная таможня. К концу XVIII века здесь образовался главный пограничный торговый пункт по сношениям России и Сибири со Средней Азией, по размерам своих торговых оборотов уступавший лишь Кяхте. Самой важной отраслью торговли был скот, громадными табунами пригонявшийся из степи [Кузнецов, 1913, с. 3-4].

Известно, что султан Абулфеиз просил императора Петра Федоровича (прошение от 21 января 1762 г.) о разрешении казахам Среднего жуза торговать в Семипалатинской крепости. Абулфеиз обращает внимание царя на то, что его улусам, а также представителям Старшего жуза из-за их отдаленности от Троицка намного удобнее торговать в Семипалатинской крепости [Казахско-русские отношения, 1961, с. 635-638]. Этот вопрос был решен при только Екатерине II, 5 августа 1762 г. ею был подписан указ, удовлетворявший просьбу султана Абулфеиза об учреждении торговли в Семипалатинской

крепости. Об этом пишет в Коллегию иностранных дел в своем рапорте командир сибирских войск генерал-поручик И. Шпрингер. Он указывает на то, что генерал-майор Фрауендорф предлагал Тобольских купцов заинтересовать. Для этого он просит выдать одному или двум купцам из казны 1 или 2 тысячи денег на покупку товаров, имеющих спрос у «киргизцев» и «бухарцев», и отправить их в Семипалатинскую крепость для торга. Фрауендорф просит Сибирского губернатора Чичерина в этом помочь ему и заняться организацией этой торговли. Отечественные купцы, привычные к уже известным рынкам в Оренбурге, Тобольске, Троицке, не спешили в пограничные города-крепости, поэтому казахские торговцы, прибыв в приграничные крепости, не видя российских купцов, возвращались в свои улусы и обращались с жалобами к командиру Сибирской линии генерал-майору К.Л. фон Фрауендорфу. Они настаивали на присылке в Семипалатинск российских купцов, обещая обеспечить им безопасность и прибытие туда не только казахских, но и бухарских купцов. Фрауендорф 20 января 1763 г. просил сибирского губернатора Д.И. Чечерина направить для опыта несколько караванов российских купцов в Семипалатинск [Казахско-русские отношения, 1961, с. 663- 665].

Оживление торговли в приграничных крепостях сибирских линий привело к необходимости учреждения во многих из них меновых дворов. В 1757 г. меновой двор был открыт в Усть-Кменогорской крепости, в 1759 г. – в Петропавловской, в 1764 г. в Железинской крепости, а также при Елисаветинском маяке, недалеко от Омской крепости [Нурбаев, 2007, с. 54]. Известно, что меры по организации торговли в Омске были безуспешными. А.Д. Колесников отмечал, что с 1782 г. по 1795 г. количество купцов и мещан уменьшилось, что переведенные в Омск купцы разорялись и уезжали в другие города. Объясняет автор это обстоятельство тем, что город стоял в стороне от торговых путей [Колесников, 1977, с. 232].

Меновой двор в Семипалатинске находился в 15 верстах от крепости. По мере развития обмена он обрастал жилыми домами, хозяйственными постройками, в то время как крепость почти не росла. В 1776 г. город был перенесен от крепости к меновому двору [История Казахской ССР, 1956, с. 251].

В Семипалатинской крепости торг разрешали при пограничной таможне, в меновой слободке, построенной в 400 саж. от крепости. Сюда приходили караваны из Ташкента, Бухары, Киргиз-кайсацкой степи, а иногда и из Китайских городов, как Аксуй, Кашкар. Ташкинцы и Бухарцы привозили разные шелковые материи: канфы, фанзы, бархаты, бязи, занавески, халаты; шкуры зверей: барса, льва, медведя, волков, лисицы, куницы, зайцев. Киргизы поставляли на рынок лошадей, овец и коз и т.п. Русские купцы приезжали из Казани, Тобольска, Тюмени, Тары, Курска и Оренбурга. Они везли сахар, выдру и бобров немецких, кожи красные и черные, жемчуг, золото, воск, оловянную и медную посуду, железные котлы, таганы, капканы, ножи, топоры, и прочее. Российские купцы купленные товары увозили отсюда в Ирбитскую

и Макарьевскую ярмарки. К примеру, выменянный у киргизцев скот большими партиями продавали Саратовским, Курским и Екатеринбургским купцам [Мурагова, 2007, с. 56-57].

Российское правительство было заинтересовано в развитии заграничной торговли. К примеру, на просьбу купца Ивана Курбанова из города Нежина, высказанную им в начале 1770 г. о разрешении ему торговать в Кашгаре, правительство отреагировало положительно. Джунгарский Кашгар уже с середины XVIII века был в китайском владении. Отношения на южной границе были напряженными, и правительство опасалось китайского влияния среди «киргизской Орды», проживающей на пути из Кашгара в Усть-Каменогорскую крепость. Тем не менее, правительство в лице императрицы Екатерины II, считало выгодным развитие дружеских отношений с китайцами через организацию торговли в Усть-Каменогорской крепости. Купцу Курбанову было дано разрешение [РГВИА, Ф.20. Лл. 28-31об., 33-35].

В то же время русские нравы всячески чинили препятствия спокойному развитию торговли. Коменданты крепостей постоянно вмешивались в торговые дела, злоупотребляя своим служебным положением. В 1760 г. директор Ямышевской таможни жаловался, что комендант крепости Св. Петра Лесток стесняет свободу торговли в пользу своих дворовых людей. Приехавшим купцам, Быкову и Голубину, Лесток запретил прямые сношения с киргиз-кайсаками, а также лишил их переводчиков. Таким образом, торговля в крепости Св. Петра оказалась в руках военных чиновников и дворовых людей Лестока, которые выменивали лошадей у киргизов на товары, взятые у тех же купцов, Быкова и Голубина: из 118 лошадей 45 было выменяно дворовыми людьми. По ходатайству Бушуева, вместо Лестока был отправлен Тюменев, который за те же погрешности был вскоре отстранен от должности [Потанин, 1868, с. 69].

* * *

Основное население линейных крепостей составляли военные. Их гарнизоны комплектовались служилыми казаками, ряды которых пополнялись за счет «приписки» к ним крестьян и ссыльных. Эти казаки служили бессрочно, «доколе в силах», за небольшое денежное и хлебное жалованье. Казаки получали земельные наделы, которые в большинстве случаев являлись главным источником их доходов. Дома сибирских казаков находились в слободах у крепостей, форпостов и редутов. Уже в 60-70 гг. XVIII в. некоторые крепости стали центрами оживленной торговли. Особенно быстро росли форштадты – поселения у крепостей, где жили торговцы, отставные солдаты, крестьяне и казаки с семьями. Так, если в Петропавловской крепости в 70-х годах насчитывалось немногим более 170 дворов, то в форштадте при ней было 200 дворов. В описании Ишимской линии, составленной в 1780 г., отмечалось, что на Петропавловский меновой двор «киргизцы приходят всегда на торг каравана-

ми... Они пригоняют больше всего лошадей, убойных быков и широкохвостых баранов, да сверх того привозят овчины, мерлушки и по несколько мехов. Все сие обменивают они на железные котлы, вертелы, сукна, шелковые материи, платки, позументы, иглы, нитки, бисер, огнива и другие подобные товары» [История Казахской ССР, 1956, с. 49-50].

Государству в приграничной зоне свою политику пришлось решать именно через служилых людей. Даже исследователь торговли в Сибири XVII века О.Н. Вилков пришел к выводу, что в Сибири в основном торговой деятельностью занимались чаще служилые люди, чем посадские и др. [Вилков, 1967, с. 129-183]. В подтверждение выше упомянутому С.В. Бахрушин утверждал, что в Сибири торговым человеком мог быть любой член «тяглового чина»: то есть не только представители высших торговых корпораций, но и посадские люди, тяглецы черных и дворцовых слобод, черносошенные и частновладельческие крестьяне. Поэтому он пришел к выводу, что термин «торговый человек» скорее определял занятие, чем звание, и не имел сословного содержания [Бахрушин, 1954, т. 2. с. 118, 119; т. 3. Ч.1. с. 300].

Современные исследователи также отмечают, что в Сибири в отличие от европейской части России купечество, как особая сословная группа, появляется только в середине XVIII в. При этом состав купцов-сибиряков выглядел довольно пестро. Так, в 1-й гильдии числились как владельцы крупных по тем временам капиталов (10-20 тыс. руб.), так и мелкие торговцы (100-200 руб.). Среди записанных во 2-ю и 3-ю гильдии были такие, которых собственно купцами было трудно назвать, поскольку они не только не занимались торгово-промышленной деятельностью, но даже не в состоянии были выплачивать за себя подушную подать [Скубневский, Гончаров, 2004] К примеру, среди торговых людей, записанных в журнале Железинского менового двора, кроме купцов, можно отметить, мещан и отставных служилых татар и др. [ГБУТО ГАТ. Ф.696, Лл. 1-7 об.].

Исследователь Н.Б. Голикова пришла к выводу, что термин «купец» долгое время не имел социального содержания, да и род занятий отражал далеко не всегда. Термин «купечество», по её мнению, означал торговую деятельность, но не использовался для обозначения группы людей, занимающихся торговлей. К тому же в учетно-финансовых материалах этот термин встречался только в сочетании с глаголом «иметь»: «имеет купечество» или «купечества не имеет» [Голикова, 1980, с. 40]. Поэтому Н.Б. Голикова считает, что купеческие корпорации и посадские люди в начале XVIII века не являлись единственной категорией торгового населения России [Голикова, 1980, с. 65].

Тесную связь с торговлей сибирских служилых татар уже с XVII века отметили в своих исследованиях С.В. Бахрушин, З.А. Тычинских [Бахрушин С.В., 1955, с. 171; Тычинских З.А., 2010, с. 208-209]. Они указывают на то, что сибирско-татарская служилая знать была заинтересована в торговле с калмыками, ходатайствовала о разрешении вести беспощинную торговлю с ними, а

также участвовала в вывозе восточных товаров в европейскую часть России и ввозе товаров из европейской части в Сибирь.

При начальнике Сибирских укрепленных линий И.И. Шпрингере в 1763 г. казакам Сибирских линий было дано разрешение на ведение беспошлинной торговли. Известно, что им было дозволено торговать с пограничными народами «меною одних только мелких товаров». В 1798 г. это право попытались оспорить Военная и Коммерц коллегии, но Сенат дал понять, что эту привилегию, данную казакам, он отменять не будет [История Казачества Азиатской России, 1995, с. 176; Нурбаев, 2007, с. 55-56].

Среди казаков, служивших на границе, были и представители сибирских татар. Об активном вовлечении сибирских служилых татар в торговлю свидетельствует факт поручения в 1681 году Авазбакею Кульмаметову покупка и мена китайских товаров. З.А. Тычинских отмечает, что на включение сибирских служилых татар в торговую деятельность повлияла как возможность дальних поездок, связанная с особенностями службы, так и очевидная «безыгодность» казачьей службы [Тычинских, 2010, с. 209].

* * *

В XVIII в. происходят существенные изменения в отношении российского правительства к мусульманам Поволжья, Южного Урала и Сибири. Российское правительство все чаще начинает привлекать мусульман к участию не только в торговых делах, но и в решении внешнеполитических задач. Кроме того, во второй половине XVIII в. наблюдаются проявления лояльного отношения к исламу и признания его как одной из основной религий нерусских народов России.

Начинается активное привлечение татарских и башкирских купцов в процесс установления торговых отношений России с Востоком. Большое значение здесь имел религиозный фактор, знание языка и культуры. Многие купцы из татар и башкир, которые выезжали для торга в страны Среднего Востока знали язык местного населения, преимущественно говорившего на тюркском и персидском наречиях. Это давало им значительные преимущества перед купцами других национальностей. «Да и на меновых дворах Оренбурга, Троицка, Орска мусульманам было намного легче договориться с восточными гостями о ценах, нежели русским» [Игдавлетов, 2013, с. 16].

Известный историк М.А. Терентьев об этом писал: «...Мусульманское население Средней Азии относилось к христианским купцам весьма враждебно ...наши купцы всегда старались заполучить в компанию какого-нибудь татарина или доверяли караваны приказчикам из татар. Так одно имя какого-нибудь Абдуллы или Мат-Нияза служило талисманом и способно было охранить караван в кочевьях дикарей». Ислам в торговом общении с мусульманским Востоком превращался и в особый экономический фактор, так как купцы-христиане в среднеазиатских ханствах платили налог-зьякт в размере 1/20

со стоимости товара (или 5%), а купцы-мусульмане – только 1/40 (или 2,5%). [Игдавлетов, 2013, с. 123].

Из дневника А.И. Тевкелева известно, что ещё до основания Оренбургской крепости башкиры вели оживленную торговлю со странами Средней Азии. Он сообщал, что во время пребывания русского посольства в «урочище Бурсуки» «приехал к переводчику Тевкелеву один башкирец, называемой Коум Топаров, которой прислан от уфимского воеводы г-на Кошелева к нему, Тевкелеву, с письмами. И с ним Коумом, было купеческих башкирцов с товарами 10 человек», но этих торговых людей казахи ограбили [Казахско-русские отношения, 1961, с. 80]. Исследователь торговли России с восточными странами А. И. Юхт также отмечает, что помимо астраханцев со Средней Азией торговали купцы Москвы, Воронежа, яицкие казаки и башкиры [Юхт, 1994, с. 157; Игдавлетов, 2013, с. 121].

Башкиры торговали скотом, преимущественно лошадьми, продуктами скотоводства, бортничества, промысловой охоты и рыболовства: мясом, сырой кожей, шерстью, медом, воском, салом, пушниной, рыбой. Покупали они ремесленные изделия. Крупные башкирские феодалы-скотовладельцы были постоянными участниками Макарьевской и Ирбитской ярмарок, где продавали тысячи голов лошадей [История Башкортостана, 2007, с. 203].

Башкортостан со времени строительства Оренбурга занял важное место в транзитной торговле страны с казахами и ханствами Средней Азии. Во второй половине XVIII века крупными торговыми центрами стали Оренбург, Каргалинская слобода, Троицк, Уфа и Мензелинск. Здесь за монополию в проведении торговых операций боролись оренбургские и уфимские купцы, каргалинские торговые татары. По этому поводу высказывали свое недовольство мелкие служилые люди, а также башкиры и татары. Известно, что во время работы Уложенной комиссии 1767-1768 гг. за право торговать на местах продукцией собственного хозяйства выступили депутаты от башкир, казахов и татар. Выше упомянутые торговые центры русские купцы привозили мануфактуру, выделенные кожи, изделия русской промышленности. Казахи здесь продавали скот, среднеазиатские купцы привозили шелковые и хлопчатобумажные ткани, изюм, рис, хлопок, ювелирные изделия [История Башкортостана, 2007, с. 204].

* * *

Строительство Сибирских укрепленных линий и развитие в приграничной зоне торговли способствовало перемещению русского крестьянства из северного таежного района к югу, богатому сенокосными и пастбищными угодьями, и дальнейшему эффективному развитию здесь скотоводства наряду с земледелием. Обеспеченность крестьян скотом в среднем в Западной Сибири, особенно Ишимском и Ялуторовском округах, была выше, чем в европейской части страны [Очерки..., 1994, с. 65].

В дальнейшем в приграничной зоне на юге Западной Сибири возник во-

прос сохранения выменянного «у азиатцев» на Сибирских линиях «разного рода скота». Правительство эту проблему решило указом Сената о клеймении скота на границе, так как часто приобретенный россиянами скот впоследствии при набегах тех же киргиз-кайсаков уводился за линию, чем наносился ущерб крестьянским хозяйствам. Казенная палата на основании этого указа принуждала все таможенные заставы и пограничные ведомства рекомендовать российским торговцам клеймить выменянный «у азиатцев» на границе скот. Казенная палата со своей стороны должна была донести этот сенатский указ до пограничных таможен и меновых дворов Кольванской губернии [ГБУТО ГАТ. Ф.696, Лл. 6-6об.].

Нередко казахи и калмыки (называемые в русских документах киргиз-кайсаками и зенгорцами) нарушали договоренности и крали во время проезда с целью торговли скот или людей. К примеру, в 1751 г. в Ямышевской крепости производившие торг «киргиз-кайсаки» связали и увезли в степи толмача из сибирских служилых татар Бекбаула Тляуметова. Но впоследствии отпустили из-за страха, что их не допустят до торгов [РГВИА, Ф. 20, Лл. 4-10 об.].

Российская таможня в Сибири в то время работала с перебоями, не всегда вовремя доставлялись в государственную коммерц-коллегию ведомости с указанием товаров, реализованных на пограничных таможнях и собранных пошлинах. К примеру, в 80-е годы XVIII в. такие ведомости своевременно доставлялись от Ямышевской таможни, чего нельзя было сказать о Семипалатинской таможне, Усть-Каменогорской и Железинской меновых дворах [ГБУТО ГАТ. Ф.696, Лл. 5-5об.].

В середине XVIII века по предложению графа П.И. Шувалова были внесены изменения в существовавшую тогда таможенную систему. В декабре 1753 года был опубликован именной манифест Елизаветы Петровны «Об уничтожении внутренних таможен и мелочных сборов». Внутренние таможенные пошлины объявлялись препятствующими «умножению благополучия и силы Государства и народа», вследствие чего повелевалось все таможни, кроме портовых и пограничных, имеющиеся внутри государства, уничтожить. В дальнейшем была перестроена пограничная таможенная система по юго-западной и южной границе государства. 1 декабря 1755 г. был принят новый таможенный устав России.

В документах было зафиксировано, что при пропуске российских купцов из одного города в другой на таможнях не всегда руководствовались едиными правилами. Чаще всего осматривали крупногабаритные грузы, мелкие же товары не фиксировались. Купцы, не зная порядков и проезжая по форпостам и приграничным крепостям, продавали этот неучтенный товар казакам и их командирам. Последние востребованный у «азиатов» товар выменивали у них на лошадей, рогатый скот и другие восточные товары и тем же купцам перепродавали по низкой цене. Это было в ущерб как государственной казне, так и в убыток купцам. Поэтому государство старалось преодолеть эти злоупотреб-

бления, вводя систему штрафов для лиц, не исполняющих таможенные законы на границе. В деле наказания предписывалось руководствоваться морским пошлинным регламентом и таможенным уставом.

Для облегчения налогообложения и «лучшего распространения торговли» по указу императорского величества и согласно таможенному уставу было велено с купцов взыскивать пошлины не помесечно, а три раза в год. Чтобы заплатить таможенные пошлины и провести товар, купцы вынуждены были продавать часть товара по низким ценам. Это было не выгодно как продавцам, так и казне. Поэтому было решено давать отсрочку в платеже пошлин с начислением процентов. В данном случае купцы, провозя свои товары через таможню, продавали по выгодной цене, что и преследовала казенная палата. Отсрочку по оплате пошлины давали «с надежной порукой». Если поручиться было некому, то купцы в залог должны были оставлять товары «те, которые от лежания не портятся». Возвращали товары при уплате пошлины. Если в первую половину года купцы выплачивали половину пошлины, то им возвращали только $\frac{1}{2}$ часть взятых в залог товаров. Если же купцы не успевали выплатить пошлину в срок, то товар продавался с аукциона. Из вырученных денег выплачивалась пошлина в казну, а остальные деньги возвращали владельцу товара [ГБУТО ГАТ. Ф.696, Лл. 20-22 об.].

Подводя итог, следует отметить, что российскому правительству, которое, покровительствуя торговле, продолжая политику меркантилизма и протекционизма начала XVIII в., предстояло преодолеть сложности хитросплетений развития меновой торговли на Сибирских линиях и особенности её организации и т.д., Для этого были приняты следующие меры. Во-первых, для приведения таможенных дел в порядок и надзора были отправлены представители коммерц-коллегии. К примеру, в Усть-Каменогорскую крепость был назначен коллежский ассесор фон Бинау, в Ямышевскую – подпоручик Доронин. Во-вторых: в крепостях, где находятся таможни и меновые дворы, с пограничной стороны должны были учредить только один проезд с обеспечением достаточного количества караула. В-третьих, иностранные купцы, желающие торговать своими товарами на других крепостях, пропускались с «билетами», где указывалось количество товара и таможня, в которую они пропущены для ведения торга или сатовки. К ним для контроля и охраны «под видом приставов или провожатых» из команды крепостей определялись сопровождающие. Все эти меры должны были способствовать искоренению злоупотреблений и нарушений в таможнях и меновых дворах Сибирских укрепленных линий.

Таким образом, торговые операции российских и иностранных купцов при линейных крепостях по реализации и обмену своих товаров имели свои особенности. Они способствовали дальнейшему развитию сибирского рынка внутри сложившегося всероссийского рынка, влияли на формирование социальной инфраструктуры приграничной территории края. Необходимость расширения торговых связей со странами Азии, Китаем, Индией стала и одной

из причин основания городов-крепостей на границе с Казахстаном. Развитие крепостей в города – центры торговли и торговых отношений способствовала сформированная торгово-транспортная инфраструктура: караванные пути, тракты, речное сообщение. Торговля на пограничных линиях была представлена меновыми и гостиными дворами, ярмарками. В торговые операции в приграничных крепостях были вовлечены не только купечество, но и служилые люди, отставные военные и другие категории населения. Большим подспорьем в складывании добрососедских отношений с иностранными купцами с Востока и развитии с ними торговых отношений сыграли мусульмане Южного Урала, Поволжья и Сибири.

Источники и литература

Неопубликованные источники

РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 428. Лл. 4-10 об.; Лл. 17-20.

РГВИА Ф.20. Оп. 1/47. Д. 902. Лл. 28-31 об., 33-35.

ГБУТО ГАТ. Ф.696.Оп. 1. Д.6, Лл. 1-7 об.

ГБУТО ГАТ. Ф.696.Оп. 1. Д.1., Л. 2. Лл. 20-22 об.; Д.4, Лл. 5-5об.

ГБУТО ГАТ. Ф.696.Оп. 1. Д.1,

Литература

Азаренко Ю. А. Русско-ойратская торговля XVII – первой половины XVIII в. (как пример евразийских связей). Сибирская заимка: История Сибири в научных публикациях // Освоение Сибири. 2001. № 5. URL: http://zaimka.ru/to_sun/azarenko1.shtml (дата обращения 28.10.2011).

Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX века. М., 1960. 456 с.

Бахрушин С. В. Научные труды : в 4 т., в 5 кн. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 2. 380 с.

Бахрушин С. В. Научные труды : в 4 т., в 5 кн. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1955, Т. 3. Ч.1. 376 с.

Бахрушин С. В. Научные труды : в 4 т., в 5 кн. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т.3. Ч. 2. С. 153-175.

Буканова Р. Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа : Китап, 1997. 256 с.

Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М. : Наука, 1967. 324 с.

Голикова Н. Б. К вопросу о составе русского купечества во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. // Русский город. Проблемы градообразования. М. : МГУ, 1980. Вып. 3. С. 37-65.

Доннелли А. С. Завоевание Башкирии Россией в 1552-1740-х годах. Уфа, 1995. 287 с.

Игдавлетов И. С. Торговая и дипломатическая деятельность мусульман Урало-Поволжья в XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук. Уфа : БашГУ, 2013. 196 с.

История Башкортостана с древнейших времен до наших дней : в 2 т. / И. Г. Акманов, Н. М. Кулбахтин, А. З. Асфандияров и др. ; под ред. И. Г. Акманова. Т.1 : История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX века. Уфа : Китап, 2007. 488 с.

История казачества Азиатской России. Т.1. XVI – первая половина XIX века. Екатеринбург : УрО РАН, 1995. С. 176.

- История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. Сибирь в составе феодальной России. М., 1968. Т. II. 538 с.
- История Казахской ССР. Алма-Ата : Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1956. Т.1. 609 с.
- Каженова Г. Т. Развитие торговых связей между казахами и сибирскими линейными казаками (XVIII-XIX вв.) // Вестник Карагандинского университета. Серия История. Философия. Право. 2007. № 1 (45). С. 56-62.
- Казаркин Т. А. Из истории Московско-сибирского тракта // Труды Томского областного краеведческого музея : сб. статей / отв. ред. Л. И. Боженко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. XII. С. 15-21.
- Казахско-русские отношения XVI-XVIII вв. : сб. док. и материалов. Алма-Ата, 1961. 741 с.
- Колесников А. Д. Рост, сословный состав и занятость населения дореволюционного Омска // История городов Сибири: досоветского периода (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 231-252.
- Кузнецов А. А. Краткий исторический очерк г. Петропавловска Акмолинской области. Петропавловск, 1913. 92 с.
- Курилов В. Н. Расселение русских старожилов Западной Сибири в середине XIX в. Новосибирск : ПреПресс Студии, 2005. 222 с.
- Кушпаева А. Б. Из истории торговли со среднеазиатскими ханствами // Южный Урал : история, историография, источники. Уфа, 2011. Вып.3. С. 24-30.
- Левшин А. Описание киргиз-кайсацких степей. СПб., 1832. Ч. 3. 304 с.
- Муратова С. Р. На старже рубежей Сибири: Строительство Сибирских укреплённых линий. Тобольск : ТГПИ им. Д. И. Менделеева, 2007. 176 с.
- Нурбаев К. Ж. Особенности развития казахско-русских торгово-экономических связей в северо-восточном регионе Казахстана в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2007. Вып. 301. С. 54-57.
- Пивень С. Н. Влияние Московско-Сибирского тракта на жизнь населения Западной Сибири в XVIII-XIX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Томск : Томский государственный университет, 2005. 265 с.
- Потанин Г. Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии. М., 1868 г. С.69.
- Очерки истории Тюменской области / отв. ред. В. М. Кружинов. Тюмень, 1994. 271 с.
- Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Купечество Сибири второй половины XIX в. // Сибирская ЗАИМКА. 2004. № 1. URL: http://www.zaimka.ru/01_2004/skubnevsky_merchants/ (дата обращения 07.07.2011).
- Сулейманов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе России: в XVIII – нач. XX века. Алма-Ата : Наука ; КазССР, 1981. 247 с.
- Тычинских З. А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII-XIXвв.). Казань : Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. 288 с.
- Юхт А. И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20-60-е годы XVIII века). М., 1994. 261 с.

«ПУТЕШЕСТВИЕ» ИОГАННА ШИЛЬТБЕРГЕРА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XV ВЕКА

Баварский солдат Иоганн Шильтбергер, участвовавший в организованном в 1396 году крестовом походе против турок-османов и попавший в плен к последним, провел, по его собственному выражению, «32 года среди язычников» [Шильтбергер, 1984, с. 70]. Итогом его странствий явился историко-этнографический и исторический труд, в котором подробно описаны многие события конца XIV – начала XV в., происходившие в различных частях Европы и Азии.

В нашем распоряжении имеются два перевода труда Шильтбергера. Издание Ф. Бруна, осуществленное в 1867 году. Как отмечает автор, перевод выполнен с основной рукописи со старонемецкого языка. Более ранний перевод 1814 года, выполненный Пенцелем, был осуществлен с ныне утраченного издания. Вместе с тем он оказался менее полным [Брун, 1867, с. IV]. Перевод Ф. Бруна был переиздан З.М. Буниятовым в 1984 году с небольшими сокращениями. По сравнению с работой Бруна были сокращены многочисленные примечания и «бесконечные суждения схоластического порядка, много славословий в адрес католической церкви» [Шильтбергер, 1984, с. 5]. Помимо уже имеющихся также был использован перевод, выполненный профессором К.Ф. Нейманом в 1859 году и опубликованный 20 лет спустя. Сам перевод не содержит каких-либо отличительных черт по сравнению с изданием Ф. Бруна, однако издателем Дж. Тэфлером было подготовлено обширное предисловие, в состав которого вошли все публикации «Путешествия», начиная с 1473 по 1866 гг. [Tefler, 1879, р. X-XIV]. Можно отметить наличие одной основной рукописи, использованной при переводе Ф. Бруном и К.Ф. Нейманом, и дополнительной, утраченной при неизвестных обстоятельствах. В любом случае перевод Пенцела был критично воспринят другими исследователями и не является для нас определяющим [Tefler, 1879, р. II].

Само же издание имеет 60 параграфов (английское – 67), из которых:

1-11 посвящены рассказам о турках в целом и деятельности султана Баязида, в частности;

12-24 о жизни Тимура и его сыновей;

25-27 о Эдиге, Чекре и золотоордынских ханах;

28-44 о различных странах, местностях, городах с упоминанием занимательных историй;

45-59 посвящены рассказам о религиозных обрядах язычников и мусульман;

60-й параграф посвящен перипетиям возвращения домой.

Таким образом, историческая часть «Путешествия» содержится в параграфах 1-27 и 60, в то время как все остальные изобилуют подробными этнографическими деталями.

Для нас же представляет особый интерес глава 26 «Каким образом сменялись владетели». Приведем его полностью:

«После покорения Сибири Едигей и Чакра вступили в Булгарию, которая ими также была завоевана. После этого возвратились восвояси.

Примерно в это же время в Татарии королем был некто по имени Шадибек-хан (слово «хан» по-татарски означает «король»). Когда он узнал, что приближается Едигей, он обратился в бегство и погиб в стычке с людьми, посланными за ним в погоню Едигеем. Едигей затем возвел на престол короля по имени Пулад, который царствовал полтора года и был изгнан другим [претендентом] по имени Джалал ад-Дин, который был низвергнут братом Пулада Тимуром. Последний, однако, царствовал не более 14 месяцев и погиб в борьбе с возвратившимся Джалал ад-Дином. Этот последний, царствовавший 14 месяцев, был убит в войне с родным братом Кепеком, который, однако, должен был уступить престол другому брату Керим-Берди. Последний после 5-месячного царствования должен был уступить место брату Джабару. Этот же был изгнан Едигеем и моим господином Чакарой, который был возведен на престол согласно обещанию Едигея.

Однако уже через девять месяцев им пришлось бороться с новым претендентом на престол по имени Мухаммад. Чакра был вынужден бежать в страну, называемую Дешти-Кыпчак, и Мухаммад воссел на престол.

Свергнутый Бараком Мухаммад, собравшись с силами в свою очередь изгнал его, однако затем сам был изгнан Девлет-Берди, который после трехдневного царствования, был вынужден уступить престол Бараку. Последний затем погиб в борьбе с моим господином Мухаммадом, снова овладевшим престолом. Мой господин Чакра, который хотел низвергнуть Мухаммада, сам погиб в борьбе с ним» [Шильтбергер, 1984, с. 35-36].

Именно этот отрывок всегда обращал на себя внимание исследователей, изучавших золотоордынскую тематику. Еще В.Д. Смирнов обратил внимание на фантастичность утверждения о трехдневном сроке правления Девлет-берди [Смирнов, 2011, с. 154]. М.Г. Сафаргалиев подверг сомнению упомянутое девятимесячное правление Чекре на основе известных ему нумизматических данных [Сафаргалиев, 1960, с. 191]. Отмечая противостояние Барака и «Мухаммеда», исследователь счел возможным отождествить последнего с шибанидом Хаджи-Мухаммедом [Сафаргалиев, 1960, с. 204]. Этот же эпизод был рассмотрен С.Г. Кляшторным и Т.И. Султановым. По мнению исследователей, Барак-хан «погиб в Дешт-и-Кипчаке в борьбе с Улуг-Мухаммедом» [Кляшторный, Султанов, 1992, с. 209]. «Ценным» сочинение Шильтбергера маркировал В.В. Трепавлов, обратив, прежде всего, внимание на поход Эдиге и Чекре в Сибирь [Трепавлов, 2002, с. 41].

Подробно затронул проблемы хронологии Д.Н. Маслюженко. Автор отметил возможное наличие в «Путешествии» двух Мухаммедов [Маслюженко, 2011, с. 95-96]. При этом была проанализирована хронология сибирского похода немца с Эдиге и Чекре и его вероятная датировка. Отмечено также и возможное участие Чекре в междоусобицах в начале 1420-х гг. [Маслюженко, с. 96-97]. Отдельно проблеме Чекре-хана и «Мухаммеда» посвящена статья Ж.М. Сабитова [Сабитов, 2011, с. 98-103]. Он также уделил внимание проблеме отождествления «господина Мухаммеда»; автор счел возможным видеть в данном случае одного из тохтамьшевичей, у которого Шильтбергер мог служить до перехода к эмиру Чекре Маншуку. Под сыном Тохтамьша Ж.М. Сабитов полагает Кучук-Мухаммеда.

Сведения Шильтбергера рассмотрены Р.Ю. Почекаевым. Очевидно, на основе главы 25, заключающей в себе описание путешествия в Сибирь, исследователь предположил, что Чекре возглавил Тюменский юрт [Почекаев, 2012, с. 225]. Им же был рассмотрен и эпизод с трехдневным правлением Девлет-Берди и последующим возвращением в Поволжье Барак-хана [Почекаев, 2012, с. 231].

Рассмотрев историографический аспект, коснемся вопроса хронологии правления.

«Путешествие» Шильтбергера: Шадибек – Пулад – Джалал-ад-Дин – Кепек – Чекре – Мухаммад – Барак – Мухаммад – Девлет-берди – Мухаммад.

Проследим упомянутую цепочку в сравнительном аспекте.

«Та'рих-и арба' улус» мирзы Улугбека: Шадибек – Пулад – Тимур – Джалал-ад-Дин – Карим-берди – Кийик – Чакар – Джаббар-берди – Саййид-Ахмад – Дарвиш – Мухаммад – Даулат-берди – Барак – Гийас ад-дин – Мухаммад-хан (Кучук-Мухаммед) [Из «Та'рих-и арба' улус», 2007, с. 108-112].

Абд ар-Раззак Самарканди: Шадибек – Пулад – Тимур – Джалал-ад-Дин – Чингиз-оглан – Джаббар-берди – Мухаммад-хан – Барак [История Казахстана, 2006, с. 368-374].

Также стоит отметить и последовательность правления, составленную неизвестным автором: Мамай – Токтамьш – Идики – Мухаммад – Даулатбирди [История Казахстана, 2005, с. 298, прим. 7].

Таким образом, хронология правления, указанная у Шильтбергера, фактически не противоречит (за небольшим исключением) восточным авторам.

Еще одной актуальной проблемой является отождествление Шильтбергера с очевидцем упомянутых им событий. В данном случае не все столь очевидно, как кажется. Отметим характерные черты.

Повествуя о коллизиях своей жизни, баварский солдат неизменно подчеркивает в них свое участие. К примеру, в 6-й главе «Как шестьдесят христиан сговорились бежать» автор сообщает: «Когда Баязид узнал о нашем побеге, он послал за нами 500 всадников. Они настигли нас в одном ущелье и стали кричать, чтобы мы сдались» [Шильтбергер, 1984, с. 6-7]. Иллюстрируя свои

путешествия в войске Тамерлана, Шильтбергер сообщает: «Все, что я до этого места написал и изложил, случилось во время моей шестилетней службы у Тамерлана» [Шильтбергер, 1984, с. 31]. Аналогичная ситуация и при походе при Чекре и Эдиге в Сибирь [Шильтбергер, 1984, с. 33-35]. Шильтбергер не только сообщает характерные подробности путешествия, но и специально оговаривает в них свое участие.

Исключение составляет рассматриваемая 26-я глава. В ней сухо перечислены друг друга сменяющие «короли Татарии»; повествование характеризуется сжатостью; автор не указывает типичные для прошлых глав подтверждения своего участия. При этом 27-я глава, в которой немец сообщает «об одной языческой даме» [Шильтбергер, 1984, с. 36] сюжетно ближе к 25-й. При этом характерно, что Шильтбергер вновь проявляет себя как участник событий: «Когда двоюродный брат короля, убившего ее мужа, будучи взятым в плен в сражении с Чакрой, был отведен к ней, она приказала ему стать на колени, обнажила меч и одним ударом отсекла ему голову, говоря: "Теперь я отомстила!". Это случилось в моем присутствии, и я говорю здесь об этом как очевидец» [Шильтбергер, 1984, с. 36].

Наша гипотеза состоит в том, что Иоганн Шильтбергер не был очевидцем событий, описанных им в 26-й главе. Этим фактом удовлетворительно объясняется лаконичность повествования, отсутствие характерных мелких деталей повествования, никак не обозначена смерть «сановника, который назначает и низвергает королей», т.е. Едигея. Все это вполне можно объяснить тем, что вышеуказанную информацию автор мог получить уже постфактум, при составлении и обобщении своих заметок.

При этом 26-я глава не совсем вписывается в контекст повествования, как бы разрывая его. Шильтбергер рассказывает, по сути, о повседневной жизни Едигея, затем резко переходит на краткое содержание истории Золотой Орды; 27-я глава – вновь повседневность, на этот раз описание мести «одной татарской дамы», и на этом фактически историческая часть оканчивается. Можно предположить, что интересующий нас фрагмент стал своего рода исторической сноской, где автор изложил доступные ему сведения.

Все это подводит нас к вопросу о местонахождении Шильтбергера сразу же после сибирского похода и вплоть до попадания его к советнику Чекре Маншуку. Ж.М. Сабитов предположил, что немец мог провести некоторое время у некоего Мухаммеда, упомянутого впоследствии как «господин» [Сабитов, 2011, с. 98-103]. Однако проблема состоит в том, что сам Шильтбергер не упоминает никаких промежуточных хозяев между Чекре и Маншуком, фактически иллюстрируя это таким образом: «После упомянутого мною выше поражения Чакры, я попал к господину по имени Маншук, который был советником Чакры» [Шильтбергер, 1984, с. 68]. Логично предположить, что если бы в жизни Шильтбергера был еще один значительный «господин», он поведал о нем подробнее, как было с Чекре, Тамерланом и Баязидом.

Все эти факты возвращают нас к отправной точке, а именно – поражению Чекре. Согласно самому Шильтбергеру, Чекре спустя девять месяцев после занятия престола, изгоняется «новым претендентом на престол по имени Мухаммад». В действительности здесь представлена неполная информация, так как отсутствуют Джаббар-берди, Саид-Ахмед и Дервиш. Вероятно, Мухаммад (здесь понимается Улуг-Мухаммед – *А.П.*) заявил о своем праве на престол в 1419-м году [Почекаев, 2012, с. 229], что вполне определенно подводит нас к мысли о новом участии Чекре в междоусобицах, на этот раз уже без помощи Эдиге. На этот факт глухо указывается ал-Айни: «В 824 году (1421) государем земель Дештских был Мухаммедхан, но между ним и Боракханом и Беркеханом (вероятно Чекреханом) происходили смуты и войны, и дела не улаживались» [История Казахстана, 2005, с. 375]. Остается неясным вопрос: следует ли под «Беркеханом» понимать Чекре?

Обращается к теме противостояния Чекре и Мухаммада Натанзи:

«Правление Джалал ад-дин султана, сына Токтамыша... Вследствие этого в недолгое время произошло много несчастий, и дела, пришедшие в порядок, расстроились. Так как в его заседаниях у таджиков была полная власть, монгольские эмиры оказались стеснены и соблазняли его брата Султан-Мухаммада до тех пор, пока в фантазии его не возникла мысль о царстве. Подстрекаемый эмирами, он высунул голову из воротника смуты. После того как брат его провел один год, он в полночь неожиданно захватил его на троне и безжалостно убил. После этого Чакире-оглан, который долгое время проводил жизнь в орде Тимура, а после смерти его величества некоторое время находился при Худайдаде, сыне Хусайна, и еще некоторое время под покровительством Шайх Нур ад-дина, сына Сары-Буки, стал устраивать большие смуты и в последний раз бросился в Хорезм. После убийства Джалал ад-дин султана ему в голову запало стремление и жажда узбекского улуса... До его прибытия Султан-Мухаммад стал самостоятельным (государем), выступил против него и в первой же стычке обратил его со всеми последователями и окружающими в пух и прах. Теперь это широкое и пространное государство находится в его (Султан-Мухаммада) владении, а Чакире-оглан по-прежнему проводит жизнь в тех краях в бедствии, без крова и дома» [История Казахстана, 2006, с. 264-265].

Обращает на себя внимание некоторая схожесть в сообщении Натанзи и Шильтбергера. В обоих случаях мы имеем факт противостояния Чекре и Мухаммеда и поражение первого. Однако в действительности после Джалал ад-дина правили Карим-берди и Кепек [Из «Та'рих-и арба' улус», 2007, с. 109]. Сместил же Чекре еще один сын Тохтамыша Джаббар-берди [История Казахстана, 2006, с. 372]. Вряд ли в сочинении Натанзи речь идет о противостоянии Чекре с Улуг-Мухаммедом, поскольку обе имеющиеся рукописи датируются 1413-1414 гг. [История Казахстана, 2006, с. 248-249]. К сожалению, рассмотренный выше абзац трудно поддается объяснению. Можно предположить, что автор «Анонима Искандера» попросту не знал хронологию правле-

ния всех золотоордынских ханов его эпохи, воспользовавшись при этом наиболее употребляемым именем «Мухаммад», либо же автор, верно изложивший местонахождение Чекре «в орде Тимура», спутал детей Тохтамыша.

Проблема отождествления «Мухаммада» Шильтбергера с реальным чингизидом нашла свое отражение в исследовательской литературе [Маслюженко, 2011, с. 96-97; Парунин, 2012, с. 226; Сабитов, 2011, с. 98-103]. Между тем очевидно, что борьба Мухаммада и Чекре протекала уже в начале 1420-х. Этот факт, а также междоусобная борьба Барак-хана, Девлет-берди и Мухаммада свидетельствует все же в пользу Улуг-Мухаммеда, поскольку все вышесказанные факты удачно вписываются в контекст золотоордынской истории 1420-х гг. Ряд деталей (в частности, трехдневное правление Девлет-берди, обозначение Шильтбергером Улуг-Мухаммеда как «господина») можно объяснить как не вполне достоверные, ставшие известными много позднее, после возвращения немца на родину.

Здесь же встает вопрос и о возможных источниках 26-й главы в сочинении Шильтбергера. Отметим, что в начале XV века нам известны два крупных описания Золотой Орды, в частности, и региона в целом. Это «книга познания мира» архиепископа Иоанна III (де Галонифонтибуса), составленная им по возвращении в Европу из державы Тимура, и дневник испанского посольства в Самарканд ко двору Тимура, в состав которого вошел Руи Гонсалес де Клавихо. Немало ценных сведений оставил Гильбер де-Ланноа, побывавший с дипломатическими миссиями в Восточной Европе в 1413-1414 и 1421 гг. Француз оставил ценные сведения о крымских татарах. Полезные сведения о Золотой Орде оставил и дипломат Иосафат Барбаро во время своего долго визита в Тану (1436-1452). В частности, он сообщил, что в 1438-м г. Кучук-Мухаммеду было 22 года. Суммируя сказанное, отметим неослабевающий интерес Европы к восточным странам, выражавшийся, прежде всего, в отправке дипломатических миссий, отчеты которых являлись важным описательным материалом, позволяющим использовать их для анализа рассматриваемого времени. Схожими сведениями мог пользоваться и Шильтбергер.

Еще одна важная деталь, ускользнувшая от внимания специалистов (кроме уже цитировавшейся работы Ж.М. Сабитова), содержится в 60-й главе, подробно излагавшей этапы возвращения Шильтбергера в Европу [Шильтбергер, 1984, с. 67-70]. Отметим, что этот процесс отнюдь не был одномоментен; он занял несколько лет. К примеру, Маншук вместе с Шильтбергером провел пять месяцев в Каффе, полгода в земле черкесов. Немаловажно и то, когда именно попадает пленный немец к советнику. Фраза «после упомянутого мною выше поражения Чакры» не является определяющей; нам непонятно: это происходит сразу же после разгрома царевича либо спустя несколько времени. Очевидно, путешествие с Маншуком начинается в 1420-х годах и заканчивается уже прибытием Шильтбергера на родину в 1427-м году.

Все вышесказанное позволяет сформировать несколько важных выводов.

1 Сведения Шильтбергера относительно золотоордынской истории первой четверти XV века не противоречат иным источникам. Пропуск нескольких династий, а также требующая временной локализации борьба Чекре и Мухаммеда, Мухаммеда, Барак-хана и Девлет-берди не может служить поводом для приписывания путешественнику неточностей или анахронизмов. Отметим, что история Золотой Орды 1420-х гг. нигде не отражена достаточно полно.

2 Рассматриваемая 26-я глава является своего рода исторической сноской, ибо по характеру составления и размещения материала она выделяется среди прочих, касающихся именно исторической части. Помимо этого указанная глава как бы разрывает сюжетный ход, в ней описывается деятельность Эдиге. Все это наводит на мысль о возможных источниках, используемых впоследствии Шильтбергером при составлении его «Путешествия». Это могли быть отчеты купцов, отправлявшихся в восточные страны, или результаты дипломатических миссий, подобных путешествию Гилльбера де-Ланноа в 1413-1414 и 1421 гг.

3 Не совсем ясно, где находился Шильтбергер после сибирского похода. Если предположить, что при Чекре, тогда остается вопрос о деталях правления последнего, ибо неясна его продолжительность и аспекты свержения с престола. Не отмечен и такой важный факт, как смерть Эдиге, бывшего также «господином» немца. Возможно, ответ кроется в главах 28-44, где автором подробно изложены перипетии его путешествий по городам и областям Европы и Азии. Это бы объяснило неучастие Шильтбергера в татарских делах, но географические очерки не заключают в себе отличительных черт и каких-либо дат, а описанные путешествия вполне могли быть совершены в составе турецкого войска либо во время нахождения при Тимуре и его сыновьях.

4 «Господин Мухаммед» может быть идентифицирован с Улуг-Мухаммедом, занявшим престол в 1420 г., впоследствии смещенным пришедшим из Средней Азии Барак-ханом. Этапы противостояния двух чингизидов раскрыты в хрониках ал-Айни и Абд ар-Раззака Самарканди. Кроме того, русские летописи отмечают также участие царевича Худайдата. Сочинение мирзы Улугбека и заметка неизвестного автора повествует о ханстве Гийас ад-Дина и Девлет-берди. Отметим, что и в летописи ал-Дженнаби описано вероятное возведение на престол малолетнего Кучук-Мухаммеда, очевидно, в начале 1420-х гг. [История Казахстана, 2005, с. 384]. Отметим также и приведенный М.Г. Сафаргалиевым отрывок из письма Витовта магистру ордена от 1 января 1425 года, где сообщается, что «татарское государство раздвоено и разделено, так что там теперь шесть государей» [Сафаргалиев, 1960, с. 199]. Это сообщение отлично иллюстрирует всю пестроту политической ситуации в Золотой Орде в рассматриваемое время, где выдвижение любого чингизида не рассматривалось как сепаратизм.

5 Возвращение Иоганна Шильтбергера на родину затянулось на несколь-

ко лет. Отправной точкой для возврата стал переход баварца от Чекре вследствие его поражения к сановнику Маншуку. Под поражением автор разумеет описанную им междоусобицу его бывшего господина и Мухаммеда. Вполне допустимо предположение, что упомянутое событие могло происходить в начале 1420-х гг. Оно не противоречит в целом хронологии 60-й главы и увязывается с постоянными войнами за престол в Золотой Орде.

Источники и литература

Брун Ф. Путешествия Ивана Шильдбергера по Европе, Азии и Африке, от 1394 года по 1427 год // Записки Императорского Новороссийского университета. Год первый. Одесса, 1867. Т.1. 162 с.

Из «Та'рих-и арба' улус» Мирза Улугбека // История Казахстана в персидских источниках. Т.V. Извлечения из сочинений XIII-XIX вв. / отв. ред. и сост. М. Х. Абусейтова. Алматы : Дайк-Пресс, 2007. С. 88-112.

История Казахстана в арабских источниках. Т. I. : сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном / под ред. Б. Е. Кумекоев, А. К. Муминов. Алматы : Дайк-Пресс, 2005. 711 с.

История Казахстана в персидских источниках. Т. IV. : сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным / отв. ред. М. Х. Абусейтова. Алматы : Дайк-Пресс, 2006. 620 с.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. 378 с.

Масложенко Д. Н. Ханы Махмуд-Ходжа и Хаджи-Мухаммед, или «Улус Шибана» в первой четверти XV в. // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды : сборник научных статей, посвященных памяти В. П. Костюкова / отв. ред. и сост. Д. В. Марыксин, Д. В. Васильев. Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2011. С. 88-101.

Парунин А. В. Смерть Барак-хана: опыт реконструкции // Проблемы этнической истории тюркского населения Западной Сибири : сборник научных трудов. Астана : Изд-во «Мастер ПО», 2012. С. 225-236.

Почекаев Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб. : Евразия, 2012. 464 с.

Сабитов Ж. М. Чекре-хан и Мухаммед-хан // Зертеуші. 2011. № 3-4. С. 98-103.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск : Мордовское книжное изд-во, 1960. 279 с.

Смирнов В. Д. Крымское ханство XIII-XV вв. М. : Вече, 2011. 336 с.

Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.

Шильдбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке. Баку, 1984. 88 с.

Teffler J. B. The bondage and travels of Johann Schiltberger, a native of Bavaria, in Europe, Asia, and Africa, 1396-1427. London, 1879. 265 + XXXII p.

ЮГРА, ВОГУЛЫ, ОСТЯКИ (К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ УГОРСКИХ КНЯЖЕСТВ В СИБИРИ)

Одним из интереснейших вопросов истории Сибири являются проблемы, связанные с формированием первых угорских княжеств и сибирско-угорских этносов. По большому счету публикаций, посвященных этому вопросу, не так и много. Эти проблемы специально исследовали С. Бахрушин, В. Напольских, Б. Овчинникова, В. Петрухин, И. Гагин [Бахрушин, 1935; Гагин, 2013; Напольских, 2005; Напольских, 2006; Овчинникова, 2008; Петрухин, 2008]. Из зарубежных историков ими занимались венгерские ученые Г. Дьёни и И. Вашари [Дьёни, 2006; Vasary, 1982]. Задачей данной работы является исследование этнополитической истории первых угорских княжеств.

Интересно, что в Ипатьевской летописи страна сибирских угров была названа Угрой. Эта же форма упомянута в «Повести временных лет». В Лаврентьевской летописи указана другая форма – Югра. О Югорских данниках, точнее о данниках Руси в Югре, писал новгородский летописец. В летописи, написанной в XV в., Иван IV Васильевич титулировал себя князем угорским и югорским. Нестор локализовал Угру за Печорой, а за ним и авторы Ипатьевской и Лаврентьевской летописей. Югра упоминалась в вводной части «Повести временных лет» лишь под 1096 г. При этом для русских язык Югры нем, то есть совершенно не понятен. Югра локализуется рядом с Самоядью, то есть с территориями ненцев. Летописец указывал, что эти народы есть Гог и Магог, отделенные стеной от цивилизованных народов, построенной Александром Македонским. История Югры Нестором понималась как своеобразная легенда [Повесть временных лет; Ипатьевская летопись, 1962, с. 224-225; Лаврентьевская и Суздальская летопись, 1926-1928, с. 234-237; Дьёни, 2006, с. 87-88; Петрухин, 2008, с. 253-257].

И. Зимони локализует эту страну в Волго-Камском междуречье [Зимони, 2000, с. 5-41]. Г. Дьёни локализовал восточных венгров в Югрии. Проблема Югры достаточно подробно освещена в источниках и историографии. Особый интерес она представляет для венгерских ученых. Отдельную работу этому вопросу посвятил И. Вашари [Vasary, 1982, р. 247-257]. Г. Дьёни относил политоним Jugria к приуральским уграм и считал их восточными венграми [Дьёни, 2006, с. 82-84]. М. Жираи предполагает, что Югра находилась на западном склоне Урала. Он предлагает локализовать ее между Печорой и Камой. Согласно русским и польским данным XV-XVI вв. венгры происходили из Югрии, а не из Поволжья [Дьёни, 2006, с. 81, 83, 86]. И. Вашари считает, что эти угры жили по обе стороны Уральских гор [Vasary, 1982, р. 250].

В. Напольских указал, что русская форма Югра, скорее, происходит от болгарского Йура, чем от пермского jǒgга или удмуртского jegra (йǒгра). По предположению исследователя, этот термин обозначал заболоченные местности с лесом на севере Западной Сибири. Жителей Югры он считает отдельным этносом (югричами) и отличает их от манси (вогуличей) [Напольских, 2005, с. 244, 251-252, 259-260].

Первые упоминания о Югре содержатся в сочинениях арабских и арабоязычных ученых. Ал-Бируни упоминал о стране Йура, с которой торгуют купцы из страны Ису. Ал-Бируни сообщал, что это на расстоянии двенадцати дней от Ису, им упоминалось, что Йура живут на крайнем пределе седьмого климата в лесах. Сказано, что из-за дикости они торгуют, оставляя предметы и не контактируя с торговыми партнерами. Сообщалось, что товары они грузят на сани, а сами передвигаются на лыжах. П. Булгаков считал, что описание Йуры ал-Бируни заимствовано у ал-Джайхани. Ал-Гарнати, описывая земли вокруг Волжской Булгарии, упоминал о народе Вису, ведущем торговлю с Йурой. Расстояние от Булгара до Вису двадцать дней, а от Вису к Йуре двенадцать дней. Говорилось, что Йура живет у Моря Мраков и что Солнце там могло не садиться сорок дней. Сообщалось, что купцов из стран Вису и Йура не допускают в Булгарию летом, поскольку боятся, что они принесут стужу. Йура покупала у мусульманских купцов мечи без рукояти. По информации андалусского араба, они приносили их в жертву морю, дабы удачно рыбачить. Конечно, дело было не совсем так. Местное население закупало оружие для войн. Сведения о том, что Йура не встречается со своими торговыми партнерами можно отнести к жанру легенд о диких народах, которые в качестве шаблонов использовались и для описания бартерной торговли с некоторыми народами Африки и с народами Сибири. Фахр ад-Дин Мубаракшах Марверуди писал о таком же характере торговли с Йурой. При этом описание полярного дня и упоминания о санях и лыжах, вероятно, было составлено очевидцами – купцами из Волжской Булгарии [Белавин, 2006; Беговатов, 1999; Ал-Гарнати, 2006].

И. Гагин предполагает, что под контролем волжских болгар находились земли Вису в Прикамье, а землями Йуры были Предуральем и Зауральем на севере. При этом болгары ходили войной на Йуру. В XIV в. ал-Умари упоминал о купцах Чулманских, ведущих торговлю с Йурой. Ссылаясь на Нумана, он указывал, что купцы джулманские добираются в Йуру на окраину севера, арабы же не добирались далее Булгара. Страну Вису и купцов Чулманских можно локализовать в Прикамье и Закамье, и, вероятно, они совпадали с территориями расселения коми. Путь из Булгара через Вису к Йуре совпадает с Камским торговым путем [Напольских, 2006, с. 65-75; Гагин, 2013, с. 12-17; Тизенгаузен, 1884, с. 240-241].

Янош Туроци указывал, что после смерти Аттилы его сын Чаба вернулся в Сарматию. Причем эта Сарматия названа Европейской. Сказано, что сарматский император Иоанн именовал себя князем Унгарии Сарматской, из которой

происходили венгры. Язык жителей этой Унгарии, по мнению Яноша Туроци, был похож на венгерский. Но он также сообщал, что гунны или унгары пришли из Азиатской Скифии, жили в Персии, а потом в Болотах Меотидских и, следуя за ланью, пришли в Европу. Петр Ранзаний сообщал, что гунны, пришедшие из района Рифейских гор в Сарматии, были предками венгров [Меховский, 2009, с. 79-83, 234-235, 238-239].

Юлий Помпоний Лэт считал, что часть гуннов осела в Паннонии, а вторая вернулась на родину к Ледовитому океану. В другом месте он отмечал, что в отдаленнейших местах Рифейских гор живут югры. Он называл юграми и венгров, и сибирских угров. Родственниками представителей этих этносов считал и Матвей Меховский. У польского автора под влиянием сведений Яноша Туроци оформилось тождество гунны-венгры, а также убеждение в родственности сибирских угров и венгров [Юлий Помпоний Лэт, 2006]. Александр Гванини сообщал, что область Югра населена югричами, пользуются тем же языком, что и венгры. Он считал, что венгры пришли из этой земли. Югричи платят дань Московии [Гванини, 2006].

Вне территорий Восточной Европы форма Югрия была достаточно поздней и фигурирует в трактате Мацея Меховского и карте Библьбалдуса Пикхаймера. Позже это форму переняли Сигизмунд Герберштейн и Александр Гванини. Николас Розенберг размещал Угру около Печоры. Николас Витсен указывал, что москвиты считают, что венгры происходят от народов Пермии и Югрии, поскольку их обычаи подобные. Кроме того, ученые эпохи Ренессанса руководствовались еще и тем, что этнонимы Угры и Югра похожи. Конечно, Мацей Меховский, Сигизмунд Герберштейн, Александр Гванини и другие вряд ли знали языки хантов и манси. Эти ученые высказали лишь догадку, которая оказалась сравнительно точной. Развитие европейской науки и исследование финно-угорских языков в XVIII-XIX вв. открыло ученым то, что языки манси и ханты похожи на венгерский. Однако стоит уточнить, что языки хантов и манси не являются взаимопонимаемыми, не говоря уже о венгерском. Многие в лексике таежных хантов и манси и степняков венгров отличалось. В языке венгров присутствовало много тюркизмов (из болгарского) и иранизмов (из аланского). Нужно отметить, что даже отдельные диалекты мансийского языка не являются взаимопонимаемыми. Таким образом, восточных венгров стоит искать не в Сибири, а в Волжско-Уральском регионе [Дьёни, 2006, с. 85-87; Меховский, 2009, с. 79-85; Гваньїні, 2009, с. 596; Гванини, 2006].

Родственниками венгров были и чияликцы, и бакальцы, которые жили на лесостепных пространствах и должны были принадлежать к южным уграм. Бакальская культура находилась на территории Притоболья, то есть земли, из которой предки венгров переселились на территорию Восточной Европы. Тесные контакты бакальцев с кыпчаками должны были привести к появлению племени мадзар среди казахов [Маслюженко, 2008, с. 61-69; Маслюженко, Рябинина, 2007, с. 169-172].

Эти маджары утратили свой язык, но сохранили самоназвание. Сторонником этой версии является А. Кушкумбаев. Однако у этой точки зрения есть и противники. Венгерский исследователь И. Башки считает невозможным родство и общее историческое прошлое казахов маджар и венгров [Baski, 2010-2011, p. 95-130; Пилипчук, Кушкумбаев, 2014, с. 67-71]. И. Вашари рассматривал венгров как представителей отдельной группы финно-угорских языков. Это оправдано с филологической и исторической точек зрения. Иные южноугорские народы Приуралья и юга Западной Сибири были ассимилированы татарами, казахами и башкирами. Кушнаренковцы, караякуповцы и часть чияликцев приняли участие в этногенезе башкир. Часть чияликцев вошла в состав казанских татар, а бакальцы растворились среди локальных групп сибирских татар. Манси и ханты для венгров – это скорее не родные, а двоюродные братья [Vasary, 1982, p. 247-257; Казаков, 2009, с. 484-485; Пилипчук, Кушкумбаев, 2014, с. 67-71].

Преградой для широкомасштабной экспансии Улуса Джучи в Западную Сибирь были природные условия. Йоганка Венгр упоминал о сильных холодах в этой земле. Монах Йоганка конечно приписывал этому и влияние сверхъестественных сил, но реальность было несколько иной. Кроме холода в Сибири было много болот и речек. Тайга была для степняков как лабиринт. Они, конечно, могли продвигаться по речкам зимой, но тайга была слишком густой и в ней было сложно найти поселения, если не существовало хорошо известного торгового пути [Аннинский, 1940, с. 91-94].

Рашид ад-Дин указывал, что в войске Джучидов служит много маджар. Этими маджарами были чияликцы и бакальцы. Не исключено, что манси и ханты также привлекались в войска Золотой Орды. Кроме того, нужно отметить, что Чингизиды проводили активную политику по отношению к северным лесным народам. Так, войска, посланные Соркуктани-беги, осуществляли экспедицию в территории, находящиеся за границами енисейских кыргызов. Енисейские кыргызы и кыштымы были включены в состав войск Великой Монгольской империи, а позже Империи Юань. В Юань-ши указано об экспедиции пограничных монгольских войск на Нижнем Амуре. Значит, правители Улуса Джучи и Сибирского ханства привлекали угров Приуралья и Сибири на военную службу. Земли пограничных со степью тунгусов, селькупов, угров были известны монголам и татарам. Вероятно, сибирские угры, как и селькупы, платили дань Золотой Орде и выставляли свои войска на помощь татарам [Рашид ад-Дин, 1952, с. 274-275; Аннинский, 1940, с. 77-91; Худяков 2003, с. 143-159; Ивлиев 2003].

Эти же традиции продолжались и в период существования Сибирского ханства. Ханты и манси перенимали от сибирских татар государственную организацию. Угорские князья платили ясак и предоставляли войска на помощь татарам. Заимствовались даже имена. Это отмечено в документах, которые относятся к истории Сибирского ханства [Бахрушин, 1935, с. 74-82].

Нужно сказать, что, сообщая о Югрии, разные авторы вкладывали в этот концепт разные смыслы. Для европейцев это были земли, населенные уграми в Уральских горах, на побережье Северного Ледовитого океана и в Сибири. Для русских летописцев Югра была куда более ограниченной и находилась около Печоры и Оби. С XVI в. Югра утратила для русских конкретное географическое наполнение и стала обозначать просто земли северных хантов. О том, что войны с местными уграми имели место, сообщает Йоганка Венгр. Он указывал, что татары окончательно завоевать эти земли не смогли [Аннинский, 1940, с. 91-94].

Упоминание о войнах на севере есть у Иоганна Шильтбергера, который сообщал о каких-то кочевниках дикарях, кочевавших около Уральских гор и в стране Ибиссибур [Шильтбергер, 2006]. При этом страна Ибир-Сибир в мусульманских источниках, например у ал-Умари, не отождествляются с Йурой, а с татарскими владениями в Сибири [Тизенгаузен, 1884, с. 236, 238, 240]. У европейцев же страна Сибирь [Сибур Йоганки Венгра, Ибиссибур Йоганна Шильтбергера] ассоциировалась с землями за границами татарских владений. У Павла Иовия сказано, что в Устюг приходили для торговли Inugrii (Югрии) и Vgulicu (вогулы) [Павел Иовий, 2006].

У Рафаэля Барберини сказано, что есть страна русских и есть страна сибирских татар, о местных уграх он вообще не упоминал [Барберини, 2006]. Даниил Принтц упоминал об отдаленных землях – Пермии, Сибири, Устюзии, населенных варварами, которые поставляют меха [Принтц, 2006]. Франческо да Колло указывал, что Корела и Югра платят дань русским мехами, живут в лачугах и охотятся [Франческо да Колло, 2006]. Александр Гванини указывал, что Золотой Бабе молятся обдорцы, югричи, вогуличи. Он локализовал Сибирь между Печорой и Вяткой. Югры живут у Океана, а Обдория находится у устья Оби [Гванини, 2006]. Андрэ Тевэ сообщал, что на реке Сибута находится крепость Лепин, на реке Сосьва живут вогуличи, крепость Обя, города Ером и Тюмень же являются данниками русских [Андре Тевэ, 2006]. Сигизмунд Герберштейн указывал, что на Сосьве живут югричи и вогуличи. Городами (так у автора) Ером и Тюмень управляют властители Югорские. В Обдории много поселений и указывалось, что жители региона платят дань русским [Герберштейн, 2006].

В русских летописях под 1096 г. при описании похода Гюряты Роговича (1096 г.) указано, что язык Югры не был понятен новгородцам. Сказано, что они дикие и не знают железа. Однако без сомнения это преувеличение [Повесть временных лет]. В. Напольских считает, что язык Югры был непонятен и коми. По предположению этого исследователя, угры не жили в районах Полярного и Приполярного Урала. При этом становится известно, что Пермь и Печора платят дань Руси. Сведения о том, что у Югры не было железа, не выдерживают критики со стороны археологии. Зыряне, которые были противниками зауральских угров, были вооружены копьями, стрелами с бронебойными наконечни-

ками, были у них ножи и мечи. Такой комплекс сам по себе предполагал комплекс вооружения, характерный для поражения противника в кольчуге [Дьёни, 2006, с. 81-83; Напольских, 2005, с. 240-248; Овчинникова, 2008, с. 19-24].

Поход ладожан в 1114 г. не имеет таких деталей, как описание похода Гюряты Роговича. Указано только, что новгородцы ходили за Югру и Самоядь, что безусловно является преувеличением. Правильнее было бы сказать о проникновении ладожан глубоко в Югру, до земель самоедов. Югричи и самодийцы рассеялись по стране, а новгородцы, взяв добычу, предпочли не покорять вражескую страну, а вернуться домой с добычей. Вслед за новгородцами в Приобье пришли коми-зыряне и построили ряд городищ по Оби и в верховьях Туры. В 1174 г. новгородцы основали базу на Вятке, но в 1187 г. Печора восстала, и в этой земле были перебиты печорские и югорские (в смысле собиратели дани с Печоры и Югры). Земли, на которых произошло восстание, были восточнее бассейна Печоры. В 1194 г. Ядрей совершил поход на Югру, но был разбит. В договорной грамоте Ярослава Ярославича Югра упоминалась как новгородская волость, однако управлялась она местными вождями и нерегулярно платила дань. В 1323 г. новгородцы совершили новый поход на Югру, но на обратном пути на них напали устюжане. В 1329 г. они снова, возвращаясь из похода, были биты устюжанами. В 1357 г. новгородцы совершили новый поход на Югру, но потерпели поражение. В этом походе погиб Самсон Кольванов со своими людьми. Только в 1364 г. новгородцы совершили удачный поход за Урал и опустошили Нижнее Приобье до Ледовитого океана. Это было первое упоминание Оби в источниках. В 60-х гг. XIV вв. в Новгороде образуется корпорация купцов – Югорщина, ведшая торговлю с Югрой. Русские и коми-зырянские купцы присутствовали за Уралом [Напольских, 2005, с. 240-248; Овчинникова, 2008, с. 19-24; Дьёни, 2006, с. 81-83].

В конце XIV в. началась христианизация коми, которая вынудила коми, которые оставались язычниками, переселяться в Приобье. Нужно отметить, что в «Житии Стефана Пермского» и Вычегодско-Вымской летописи упоминали гогуличей (вогулов) отдельно от Югры [Епифаний премудрый; Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихьевская) летопись, 1958].

В 1446 г. новгородцы в числе 3 тысяч совершили поход под командованием Василия Шенкурского и Михаила Яколя. Отряд Шенкурского был разбит, а острог, в котором находился отряд, был разорен. В. Напольских предполагает, что эта земля была населена особым народом – югричами. Их владения находились в Северном Зауралье и Нижнем Пообье. Сам термин Югра был заимствован русскими у древних коми. Противник, который много раз побеждал новгородцев, явно не был плохо вооружен [Дьёни, 2006, с. 81-83; Напольских, 2005, с. 240-248; Овчинникова, 2008, с. 19-24; Новгородская первая летопись, 1950, с. 48, 52-53, 120-121, 262].

В XV в. на Крайний Север и в Сибирь начинают проникать русские из Москвы, фактически власть над Меховым путем из Перми был ими перехвачен

еще во второй половине XIV в. и закреплена деятельностью Стефана и других русских епископов Перми. Фопростом Москвы в этих землях был Устюг. Великопермские князья были вассалами великого князя московского. Иван III проводил активную завоевательную политику на севере. В 1465 г. по его велению устюжанин Василий Скряба с вымским князем Василием Ермолаевичем шли походом на Югру. Коми с Вычегды и Выми были союзниками русских из Устюга. В плен были захвачены Калпак и Течик, вожди югричей. В 1471-1472 гг. Иван подчинил себе Новгородскую Республику и Двинскую землю. В 1472 г. была подчинена Великая Пермь. В 1483 г. Федор Курбский Черный и Иван Салтык-Травин с войском из русских и коми совершили поход против сибирских угров и сибирских татар. Был взят в плен Молдан и двое Екмычевичей. Уже в 1488 г. Иван титулировался еще как великий князь Югорский, что указывает на то, что Югра была включена в состав вассалов Москвы, очевидно, в период 1484-1485 гг. В 1499-1500 гг. русские совершили большой поход на Югру и самодийцев. Кроме того, они напали на хантов Коды и манси Пельма. Сначала русские разбили отряд самодийцев (вероятно ненцев), около Ляпина русские сражались против прибывших на оленях из Обдории югричей. В 1500 г. Югра была включена в состав Чердынского наместничества. Такая политика, наверняка, была вызвана тем, что югричи восставали. Только в 1680 г. был установлено Югорское наместничество [Напольских, 2005, с. 246-247; Епифаний премудрый; Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись, 1958].

В языках коми слово *jęgra* обозначал северных хантов и манси, а пра-премской формой для обозначения Югры было *jõgra*. При этом названия удмуртских родов Эгра и Пурга не связаны с ним. Фратрия пор существовала только у северных хантов. Коми проникали в Приобье, и там были их городки Вежакар, Шеркар, Уркар. На Нижней Оби были найдены два городища коми – Перегребное 1 и Шеркалы 1-2. Проникновение коми в Приобье в общем хорошо известный факт, и, вероятно, часть коми влилась в состав хантов. В Приобье выявлены вымские и родановские памятники XI-XIII вв. Вряд ли можно связать с Югрой северных манси поскольку *jāgъzn* в общеугорском это обозначение чужого, которым потом стали называть ненцев, а у хантов *jāgъn*, у манси *jõgъn*. *jaгъzn* обозначало ненцев. В общем, так угры называли своих северных соседей. Ненцы же назывались русскими юраками, но не югрой. Югра не может быть отнесена к ненцам, которых к тому же обычно до русской колонизации называли Самоядью. Северные манси пришли слишком поздно, чтобы получить название Югра [Напольских, 2005, с. 251-267; Напольских, 1997, с. 255].

Когда Москва перехватила у Новгорода торговлю мехами, в Сибирь начали отправляться войска великого князя московского. В 1456 г. к покорности была приведена Югра, а ее правители Калб и Течик были вынуждены платить дань соболями Ивану III. В Вычегодско-вымской летописи Югра упомянута на Оби Великой. Югра в позднее время тесно была связана с хантами Обдории.

В 1483 г. обдорский князь Молдан попал в плен к русским, а в 1484 г. был отпущен из плена, а ханты (остяки) шертовали русским. Среди кодских князей были названы Молдан, Пыткей, Ляба, Чангиль, Сонта, Пензей. Пелымский князь Юмшан был разбит русскими в 1483 г., когда те организовали большой поход против Югры, Пельма и Сибири. В Напольских указывал, что в рассказе летописи о походе 1483 г. упоминались не этнические, а политические образования. Пелымское вогульское княжество (уровень развития этого вождества, вероятно, соответствовал термину племенное княжение (как у славян перед образованием Руси), которому в исторической антропологии соответствует термин вождество), по мнению исследователя, находилось на Пельме, Лозье, Тавде и, возможно, Конде. Югорское объединение находилось на нижнем течении Оби, а также на Сосьве с Ляпиным. Кодское объединение включало в себя земли бассейна Оби от впадения Иртыша в эту реку и до разделения ее на Малую и Большую. Если в XI-XIII вв. Югра – это еще племенное образование, то относительно периода XIV-XV вв. вполне можно говорить о сложении вождества у югричей, как и у манси Пельма. В «Книге Большому Чертежу» указано, что от устья Оби вверх по Оби Обдорские грады, выше Обдорских градов Югорские, а выше Югорских Сибирь. Грады по Сосьве названы Югорскими. З. Бояршинова считала югричей предками вогулов и предполагала, что Югра в XIV в. занимала только часть территорий, на которую распространялось название Югра в XI-XIII вв. [Плигузов, 1993, с. 141-153; Головнев, 1995; Бахрушин, 1935, с. 3-4; Напольских, 1997, с. 70-71; Напольских, 2005, с. 247; Бояршинова, 1960, с. 57-58; Парунин, 2010, с. 266-274].

Касательно манси, то они были известны русским как вогулы. Иногда они назывались гогуличами. Самоназвание *mǎńci*, *mǎńś*, *mǎńsi* восходит к праугорскому этнониму *manš3*, *mǎńš3*. Экзоэтноним вогул, употребляемый русскими, восходит к хантыйскому обозначению манси *woʒal*. Хантыйское обозначение происходит к названию реки Вогулки, на хантыйском *woʒal*. В антропологическом отношении манси были частью уральской расы, которая, вероятно, восходила к древнеуральской расе и занимала промежуточное место между европеоидами и монголоидами. Мансийская топонимика охватывала только западные отроги Урала и, вероятно, некоторые районы Верхней Камы. Необходимо сказать, что в XIV-XVI вв. земли коми становились объектами нападений со стороны Пелымского княжества. Западные манси из этого княжества ходили против Великой Перми вместе с вятчанами и сибирскими татарами. Также их призывали на помощи коми-язычники, которые приводили манси против христианизированных коми. Уже в «Житии Стефана Пермского» указывалось, что гогуличи, то есть вогулы, нападали на пермян. Их княжество находилось в Пельме. При этом указывалось, что манси привел Пам-сотник. В Вычегодской-Вымской летописи отмечены походы манси в 1455 г. и в 1482 г. Вследствие первого был убит пермский епископ Питирим, а во время второго – Михаил Ермолаич и его родственники в Покче. Кроме добычи от походов манси защи-

шали своих родичей, живших в европейской части Приуралья и Закамья, от подчинения русским и христианизации. Борьба за приуральские земли закончилась в конце XVI в. В XVIII в. манси были формально христианизированы. Северная группа манси по Северной Сосьве, нижней Оби и Ляпине сформировалась поздно – в XVII-XVIII вв. под давлением русской колонизации происходил отток населения с Урала, на север – в Обдорию [Напольских, 1997, с. 70-74; Епифаний премудрый; Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись, 1958].

По мнению Дж. Мартин, в начале XIV в. болгары установили контакт с вогулами (манси). С. Бахрушин отмечал, что Пелым перенял татарскую социальную организацию. Подобно марийцам в Булгарском улусе, а потом в Казанском ханстве, у манси существовало разделение на сотни и десятки. Через путь из Устюга в Югру пришел Стефан Пермский, который начал христианизировать пермское население края. Христианский миссионер уже застал социальную организацию пермяков в виде сотен. Очевидно, она появилась под влиянием татар. Христианизация привела к формированию местной летописной традиции и консолидации местных коми-пермяков и коми-зырян в крупные политические образования – Пермь Вычегодскую и Пермь Великую. Более-менее история Перми Вычегодской и Перми Великой становится ясна начиная с XV в., благодаря сведениям Вычегодско-вымской летописи [Бахрушин, 1935, с. 74-79; Martin, 1978, p. 412; Martin, 1986; Епифаний премудрый; Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись, 1958].

Угорские княжества пребывали на периферии Сибирского ханства. Наиболее мощными были государственные образования манси. Вогуличами русские называли манси. Еще в XVII в. манси жили по обеим сторонам Урала, на западе по Печоре, Вишере, Косве, Чусовой, Сылве, Ирени, на востоке по Тавде, Сосьве, Лозьве, Туре, Конде. Также манси жили по Тагилу, Салде, Невье и Мулгае. Около Аятского озера манси жили вместе с татарами. Наиболее сильным среди мансийских княжеств было Пелымское государство, которое было противником русских с середины XV в. [Бахрушин, 1935, с. 4-6, 15-22, 74-84; Бояршинова, 1960, с. 56]. В 1484 г. пелымский князь Юмшан начал переговоры о мире, а в 1485 г. через мансийских князей Ломотко и Калба согласился признать себя вассалом Москвы. Нужно отметить, что угорские вассалы периодически восставали против русской власти. Так, в 1499 г. войска Петра Ушатого и Федора Курбского были отправлены против Югры, Коды и пелымских манси. Русское войско в этом походе впервые воевало против самодийцев [Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись, 1958].

Если в конце XV в. сибирские угры склонялись к признанию зависимости от Русского государства, то на протяжении большей части XVI в. была заметна их протатарская ориентация. Войны русских с литовцами отделили Сибирь под власть татар. Возобновились походы пелымских князей на Пермь. Первоначально экспедиции на восток были личной инициативой Строгановых.

Переломить ситуацию в регионе помогли походы казаков Ермака. В 1582 г. казаки Строгановых атаковали Пелым. В 1583 г. князь Аблегерим был разбит Федором Горчаковым, а Пелым был взят. В 1586 г. манси из Пельма атаковали русские поселения на Чусовой и дошли до Чердыни. В 1592 г. русский воевода организовал большой поход на Пелым, и в 1593 г. пельымские манси были разгромлены. В 1594 г. русские победили сына Аблегерима Кихека. Еще в 1599 г. манси приходили походом на Чусовую и Курью. Кондинские манси сражались до 1600 г. Во время русской Смуты местное население строило планы не только обрести независимость, но и возобновить походы на русские поселения. На территории Пельымского государства кроме манси жили ханты, башкиры, татары. Войско Пельымского княжества насчитывало несколько сот людей. Ясачных людей также было несколько сотен. В челобитной 1599 г. было упомянуто 9 мурз и сотников. Власть в княжестве передавалась по наследству. Центром государства был Пельымский городок. Около населенного пункта находился культовый центр – священная лиственница. Территория княжества занимала земли бассейн Конды, верхнее течение Тавды до впадения ее в Сосьву до устья реки Табары. Она делилась на три удела. Власть пельымцев, вероятно, распространялась на манси, живущих на запад от Тавды. В состав Пельма в качестве удела входило Кондинское княжество. Центром Конды был городок Картауж. Кондинская династия была одного рода с пельымской. Третьей составной частью Пельымского государства была Табаринская волость. Центром княжества был городок в устье реки Табары. Как и в других частях княжества тут были мурзы и сотники [Бахрушин, 1935, с. 75-84; Бояршинова, 1960, с. 54].

Самоназвание хантов *xānti*, *xānte*, *khantəu* *ja*х восходит к манс. *khānt*, *xānt*, *khōnt* войско, венг. *had*, фин. *kunta*. Касательно же названия остяк, то для обозначения локальных групп использовались композиты *as-ja*х (обский народ) и *va*х-*ja*х (вагский народ). Впервые этноним остяк упоминался в русских источниках под 1499 г. Нужно отметить, что остяками в русских документах назывались и кеты, и селькупы. Хантами являлись только иртышские, обские, обдорские, кондинские остяки. В. Напольских считает, что этноним остяк попал в русский язык из тюркских языков, где этноним иштяк обозначал инородческое языческое население. Ханты были союзниками русских в эпоху завоевания теми Сибири. В конце XV в. у них уже были княжества наподобие мансийских. Также они конкурировали за земли с селькупам. Фратрии порь и мось был практически у всех групп хантов [Напольских, 1997, с. 74-80].

Ханты, как и манси, были организованы в княжества. Кода была самым значительным княжеством остяков (хантов). Впервые Кода была упомянута во время похода 1483 г. Среди остяцких князей были названы Молдан, сыновья Екмычя, Пыткей, Ляба, Чангил, Пынзей, Екмыч. В состав Коды входило 13 городов. Часто такими городами были поселения из юрт. Вместе с волостями Коду населяло шесть сотен. Князьями русские источники называли аристократию сибирских угров. Общество ханты делилось на княжеский род, служи-

лых остяков, ясачных остяков и рабов. Князь собирал ясак, судил подданных и ходил в походы с дружиной. В 1499 г. русские снова совершили поход на Коду. До 1644 г. Кода пользовалась автономией в составе Русского государства. Дань русским платилась мехами. Следовательно, и татарам дань должна была выплачиваться мехами. После русского завоевания осталась без изменений и прежняя повинность хантов сибирским татарам – участие в походах своих сюзеренов [Бахрушин, 1935, с. 40-62; Бояршинова, 1960, с. 54].

Большое значение имело Обдорское княжество, которое находилось у впадения Оби в море. Столицей княжества был город Пулноват-Ваш. Рядом с ним находились булван-покольские юрты. Значительными были города Войкар и Уркар. Владения ляпинских хантов находились на Сыгве, Сосье и Оби. В княжестве было шесть городов: Куноват, Илчма, Лопынг-уш (Ляпин), Мункос, Юил, Сугмут-вош (Березов). Князь Лугуй еще в 1586 г. признал зависимость от русских. Еще одним княжеством хантов было Казымское. Влияние этого княжества распространялось и на так называемую «кунную самоядь». В отличие от Ляпина, Казым сопротивлялся русским, и, очевидно, местный князь был верным вассалом Кучума. В этом княжестве было 100 ясачных людей. С Ляпинским граничило Сосьвинское княжество, в котором были города: Искар, Тапсы, Нячин, Заглей, Ворюмей, Люликар. Белогорское княжество имело 80 ясачных людей в двух волостях. Под началом местного князя Самара против русских сражалось еще восемь князей. Около Кашлыка на реке Демьянке находилось два княжества, которые во времена Ермака возглавляли Баяр и Демаян. В Нарыме и Назыме находились удельные князья. В районе Сургута находилось несколько княжеств хантов. Наиболее значительным было княжество Бардака. Центром княжества было Бардаково городище. У князя было 300 ясачных людей [Бахрушин, 1935, с. 62-74; Бояршинова, 1960, с. 54-55].

Мелкие удельные княжества объединялись в большие союзы. Белогорский князь, по явно преувеличенным данным, мог собрать до 2 тыс. татар, хантов и манси. На самом деле войска отдельных князей насчитывали от 50 до нескольких сот воинов. Среди кодских князей во время Ермака был великим князем был Алач. Ляпинский князь Лугуй кроме ляпинских хантов управлял еще казымскими и куноватскими хантами. В 1484 г. остяки (ханты) принесли шерть московскому князю. Существование представления об этом институте свидетельствует о том, что ханты знали о нем и ранее от татар. Попытка русских привести самодийцев к шерти вызывало противодействие, поскольку самоеды считали присягу оскорблением [Бахрушин, 1935, с. 36-37, 86-87; Трепавлов, 1997, с. 136-139, 172, 182].

Таким образом, этнонимы Угры и Югра не связаны. Княжество Югра возникло вследствие интенсивной торговли мехом. Югра была одним из первых княжеств угорских народов. Европейские и русские источники выделяли югричей среди других угорских народов. Югра эпизодически платила дань

Новгороду и восставала против его власти. Югра также была беспокойным вассалом Великого Московского княжества и два раза восставала против его власти. Югра находилась в союзе с Кодским княжеством хантов и Пельымским княжеством манси. Пельымское княжество выступало против христианизации коми и было врагом пермских епископов и Великопермского княжества. Манси Пелыма были главными противниками русской колонизации среди всех угорских народов и ведущим угорским княжеством XV-XVI вв. Наиболее значительными княжествами хантов были Кода и Обдорья.

Источники и литература

- Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М. : Институт истории АН СССР, 1940. Т. III. С. 71-112.
- Барберини Р. Путешествие в Московию // Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, XIII-XVII вв. Новосибирск, 2006. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Barberini/text4.phtml?id=3413>
- Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI-XVII вв. М. : Изд-во Института народов Севера им. П. Г. Смидовича ЦИК СССР, 1935. 87 с. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/bahrushin_ost
- Беговатов Е. Абу-Рейхан ал-Бируни о Волжской Булгарии, стране ису, йура // Finno-Ugrica. №1 (3). 1999. С. 28-36.
- Белавин А. М. Камский торговый путь // История татар. Т.2. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, РУХил, 2006. С. 326-330.
- Бояршинова З. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск : Изд-во Томского университета, 1960. 152 с.
- Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар : Коми филиал АН СССР, 1958. Вып. 4. С. 257-271. URL: <http://www.yarensk.narod.ru/letopis/letopis.html>
- Гагин И. А. Вису и Югра в свете внешней политики Волжской Булгарии // Югра, Сибирь, Россия. Политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего. Нижневартовск : Изд-во Нижневартовского государственного университета, 2013. С. 12-17.
- Ал-Гарнати. Выборка воспоминаний о чудесах стран // История татар. Т.2. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань, 2006. С. 778-789;
- Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.) / публикация О. Г. Большакова и А. Л. Монгайта. М., 1971. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frame1.htm> ; <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frame2.htm>
- Гванини А. Хроника Европейской Сарматии // Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, XIII-XVII вв. Новосибирск, 2006. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Gwagnini/otryv2.phtml?id=3419>
- Гваньїні О. Хроніка Європейської Сарматії. К. : Вид. дїм Києво-Могилянська Академія, 2009. 1008 с.
- Герберштейн С. Записки о Московии // Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, XIII-XVII вв. Новосибирск, 2006. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Gerberstein_2/otryv1.phtml?id=3797

- Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Новосибирск : УрО РАН, 1995. 600 с. URL: http://ethnobs.ru/file/Golovnev_Govorjashhie_kultury.pdf
- Да Колло Ф. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, XIII-XVII вв. Новосибирск, 2006. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Kollo/text2.phtml?id=1840>
- Дьёни Г. Западные венгры, восточные венгры (к проблеме Югрия) // *Finno-Ugrica*. 2006. № 9. С. 81-90.
- Зимони И. Венгры в Волжско-Камском Басейне? // *Finno-Ugrica*. № 1(4). С. 5-41.
- Епифаний премудрый. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, епископа Пермского. URL: http://krotov.info/acts/14/3/perm_rus.html
- Ивлиев А. Л. Известия о народах Амура и Сахалина в исторических документах XIII-XIV вв. // Ученые записки СахГУЮ. 2003. № 3. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIV/1360-1380/Yuan_si/text1.htm ; URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIV/1340-1360/Czin_chuanchuan/text1.htm
- Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М. : Восточная литература, 1962. Т.2. XVI, 938, 87, IV с.
- Казаков Е. П. Угры Восточного Закамья в составе Улуса Джучи // *История татар. Т.3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в.* Казань : Институт истории им. Ш. Марджани, 2009. С. 484-485.
- Лаврентьевская и Суздальская летопись по Академическому списку // Полное собрание русских летописей. Л. : Издательство Академии наук, 1926-1928. Т.1. VIII, 579 с.
- Маслюженко Д. Н. Бакальская культура и миграционные процессы в лесостепном Притоболье в период раннего средневековья // *Проблемы бакальской культуры : материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры (г. Шадринск, 5-6 ноября 2007 г.)*. Челябинск ; Шадринск, 2008. С. 61-69.
- Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. К проблеме тюркизации бакальской культуры в историческом контексте // *Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь. К 70-летию Т.М. Потемкиной*. Курган, 2007. С. 169-172.
- Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / изд. С. А. Аннинский ; подготовлено к изданию А. И. Цепковым // *Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. Сокровенное сказание монголов*. Рязань : Александрия, 2009. С. 40-274.
- Напольских В. В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы, 1997. 268 с.
- Напольских В. В. Йӱгра (ранние обско-угорские-пермские контакты и этнонимия) // *Антропологический форум*. 2005. №3. С. 240-268.
- Напольских В. В. Вятка, Джулман, Югра и Сибирь в арабском источнике первой половины XIV в. // *Вопросы ономастики*. 2006. № 3. С. 65-75.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. : Изд-во АН СССР, 1950. 640 с.
- Овчинникова Б. Б. Взаимодействия Новгорода с Югрой // *Проблемы истории России. Вып. 7 : Источник и его интерпретации*. Екатеринбург : Волот, 2008. С. 13-30.
- Иовий П. Книга // Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, XIII-XVIII вв. Новосибирск : СО РАН, 2006. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Iovij/text2.phtml?id=2009>
- Парунин А. В. Дипломатические контакты Московского великого княжества и Тюменского ханства в 1480-е – начало 1490-х гг. // *Средневековые тюрко-татарские*

- государства : сборник статей. Казань : Изд-во «Ихлас», 2010. Вып. 2. С. 266-274.
- Петрухин В. Я. Югра в контексте начальной русской истории // Россия и мир: панорама исторического развития : сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Екатеринбург : Волот, 2008. С. 452-457.
- Пилипчук Я. В., Кушкумбаев А. К. Кыпчаки и Сибирь (некоторые вопросы тюркизации) // История, культура и экономика средневековых тюрко-татарских государств. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. Вып. 2. С. 67-71.
- Повесть временных лет / прозаический перевод на современный русский язык Д. С. Лихачёва. URL: <http://www.hrono.info/dokum/1000dok/povest4.php> ; <http://www.hrono.info/dokum/1000dok/povest5.php>
- Плигузов А. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М. ; Ньютонвиль : Археографический центр, 1993. 160 с.
- Принтц Д. Начало и возвышение Московии // Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, XIII-XVII вв. Новосибирск, 2006. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Buchow/text3.phtml?id=3418>
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.2 / пер. с перс. О. И. Смирнова ; прим. Б. И. Панкратов, О. И. Смирнова ; ред. А. А. Семенов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 316 с.
- Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1 : Извлечения из сочинений арабских. СПб. : Издано на иждивении С. Г. Строганова, 1884. XVI, 563, [1] с.
- Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1 : Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном и обработ. А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. 305 с.
- Тевэ А. Всемирная Космография. // Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, XIII-XVII вв. Новосибирск, 2006. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Tevet/text.phtml?id=3416>
- Трепавлов В. В. Тайбуга. На мангытском юрте третий государь // Tatarica. 1997. № 1. С. 96-107.
- Худяков Ю. В. Сабля багыра. Вооружение и военное искусство средневековых кыргызов. СПб. : Петербургское востоковедение, 2003. 192 с.
- Шильтбергер И. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год / пер. М. П. Алексеева // Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, XIII-XVII вв. Новосибирск, 2006. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus3/Schiltberger_2/text.phtml?id=2010
- Юлий Помпоний Лет. Заметки к лекциям Вергилию // Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, XIII-XVII вв. Новосибирск, 2006. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Let/text.phtml?id=1823>
- Baski I. A kazak Madijar nemzetségénv és a Magyar nepnev állitólagos közös eredetéről // Nyelotudományi Közlemények. 107 Kötet. Budapest: A Magyar Tudományos Akadémia, 2010-2011. Old. 95-130.
- Martin J. Land of Darkness and the Golden Horde // Cahiers de Monde russe et sovetique. Vol. 19-4. Octobre-Decebre. Paris-Le Haye-New York: Mouton, 1978. P. 401-421
- Martin J. Treasure of the Land of Darkness. The fur trade and its significance for Medieval Russia. Cambridge, London, New Yorke, New Rochelle, Melbourn, Sydney: Cambridge

University Press, 1986. X, 277 p.

Vasary I. The Yugria Problem // Chuvash Studies. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1982. P. 247-257.

Я.В. Пилипчук

г. Киев

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПЕРМИ ВЕЛИКОЙ И ВЯТКИ С ТЮРКО-ТАТАРСКИМИ ХАНСТВАМИ

Одним из интересных аспектов истории татар является история взаимоотношений жителей Пермского Предуралья с татарами в XIV-XV вв. Отношения пермских народов с татарами являлись предметом изучения русских исследователей В. Чуракова и В. Напольских [Напольских, 2005; Напольских, 2007; Напольских, Чураков, 2009; Чураков, 2006]. А. Белавин и Н. Крыласова занимаются изучением археологических следов татарского пребывания в пермском Предуралье [Белавин, 2008; Белавин, Крыласова, 2009; Белавин, 2009]. Вопросам истории Вятки и Устюга посвящены публикации Н. Хана. В них освещается и вопрос влияния Золотой Орды на регион Предуралья и вопрос выхода с этой территории [Хан, 2004 а; 2004 б; 2006; 2009]. Среди зарубежных исследователей тематикой, связанной с отношениями между татарами, русскими и финно-уграми, занималась Дж. Мартин [Martin, 1986; Martin, 1978]. Задачей данной статьи является выяснение специфики отношений Устюга, Вятки, Великой Перми с тюрко-татарскими ханствами.

В Грамотах великих князей владимиристо-суздальских Чудь Заволоцкая, Пермь и Югра названы как податные волости Новгорода. Термин Пермь в ранних русских источниках обозначал коми-зырян, коми-пермян и удмуртов. Реально в зоне влияния новгородцев находились только коми-зыряне, часть коми-пермяков и земли Печоры. Русские проникали в земли пермян и со стороны Владимиро-Суздальской земли. Форпост в Пермском крае этой части русских находился в Устюге. В монгольскую эпоху около Ярославля, Вологды и Устюга действовали татарские сборщики дани – баскаки. Однако дани они получали не всегда. Московский князь Юрий Данилович вместе с новгородцами в 1324 г. (по данным Вологодско-Пермской летописи) взял на шит Заволочье. С 1325 г. великокняжеский тиун находился на Вятке. По мнению Дж. Мартина, в 1323 г. устюжане напали на новгородцев, которые возвращались из Югры. В результате Новгород не смог заплатить дань под названием «выход». Устюжане уже в 1329 г. убили новгородских купцов, возвращавшихся из Югры. По данным Вычегодско-вымской летописи, в 1333 г. московский князь воевал против новгородцев и устюжан из-за того, что они не дали «Черный Бор» хану Узбеку. Именно из Устюга во второй половине XIV в. прибыл свя-

щенник, который нам известен как Святой Стефан Пермский. Проникновение христианства в регион способствовало и возникновению государственности. Вследствие активной миграции жителей Нижнегородского княжества в бассейн Вятки русское население региона значительно увеличилось. Р. Голдина относит образование Вятской земли к XIII в. Согласно археологическим данным, город Хлынов (Вятка) возник уже в XIII в. Вятка воспринималась нижнегородскими князьями как своя вотчина. Устюг окончательно стал владением Москвы в 1364 г. Значение Устюга было велико, поскольку этот город был центром сбора дани с финно-пермских народов. В XV в. появилось Великопермское княжество. Это княжество было одним политическим целым с Пермью Вычегодской и управлялось одной династией Ермоличей [Martin, 1978, р. 403-405, 407-408; Martin, 1986, р. 88-91; Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись, 1958; Вологодско-пермская летопись, 1959, с. 110; Хан, 2004 а, с. 212-218; Хан, 2004 б, с. 710-714; Аннинский, 1940, 91-94; Епифаний премудрый; Белых, 2006, с. 38; Голдина, 2004, с. 329, 331, 333].

По мнению Н. Хана, Устюг был местом концентрирования ордынского «выхода» с Северо-Восточной Европы. Дань с 20-х гг. XIV в. с пермских земель начал собирать московский князь для передачи ее татарам, а окончательно это право перешло к нему после военной операции 1363-1364 гг. В историографии до недавнего мнения было распространено убеждение о происхождении великопермских князей из линии Рюриковичей из Верейска. Этого мнения придерживались В. Оборин, Ю. Кизилов, Р. Голдина, Г. Чагин, В. Напольских, В. Чураков. Однако исследования А. Зимина, П. Лашука, Е. Вершинина, П. Корчагина указывают на местное происхождение династии Ермолаевичей из знати коми. Показательно, что среди окружения великопермского князя Михаила Ермолчича находились сотники: Мичкин, Бурмот, Исур, Коч, Зырн. Можно с уверенностью говорить только, что церковные иерархи были русскими и что русские колонии, вероятно, были в Пермском крае. Семейное гнездо этой династии находилось в Перми Вычегодской. Ермолаевичи правили Великой Пермью вплоть до 1505 г. [Хан, 2004 б, с. 710-714; Вершинин, 2001; Корчагин, 2010-2011; Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись, 1958; Белых, 2006, с. 39; Напольских, Чураков, 2009, с. 470-476].

Русские проникали в земли Северо-Восточной Европы еще в XII в. Согласно «Сказанию о вятчанех» и «Повести о стране Вяткой», они пришли на Каму и основали там свои городки – Микулицын и Котельнич. Противниками названы чудь (вероятно удмуртский род Чудна) и отяки (вотяки, то есть удмурты-ватка), также сохранились известия о захвате Болванского городка и Кокшарова. Считалось, что датой похода новгородцев и обоснованием их в Камско-Вятском регионе был 1174 г., но Л. Макаров и А. Мусихин считают более вероятной датой 1181 г. Упоминание о Вятке датировано 1374 г., когда ушкуйники, возвращаясь из похода на золотоордынские владения в Поволжье, разграбили Вятку, после того как опустошили Засурье и Маркваш. В 1379 г. вят-

чане уже побеждают ушкуйников Рязана, которые до того опустошали Арскую землю в составе Булгарского вилайата (который был владением Золотой Орды). Вятка активно торговала с Булгарией. В Вятку попадала керамика, украшения, деньги из Золотой Орды [Макаров, 2009, с. 150-154; Голдина, 2004, с. 367; Чураков, 2006, с. 275-286].

Русское влияние в регионе соперничало с татарским. Еще до монгольских завоеваний в Приуралье через Камский торговый путь торговали волжские булгары. Ал-Гарнати отмечал существование страны Вису. Ал-Бируни упоминал о Ису и Йура. А. Белавин, И. Пастушенко, В. Напольских, Н. Хан не без оснований локализируют страну Вису в Прикамье. Следствием активных торговых контактов было значительное количество булгаризмов в удмуртском языке. Йура же – это регион в Северном Приуралье, который славяне называли Югрой. Монгольское завоевание принесло разрушение Иднакара, Редикара, Анюшкара (Рождественского) и прочих городищ. После восстановления экономики региона торговые связи местного населения с тюрками были возобновлены. У арабских географов XIV-XV вв. названия эпохи X-XII в. сменены более современными. Вместо страны Вису упомянут Джулман, Йура упоминается под прежним названием, появляется страна Ибир-Сибир, но появляется касаба Афтакун. А. Белавин склонен отождествлять это поселение с Рождественским городищем. В. Напольских же отождествляет его с Вяткой. Купцы джулманские – это, соответственно, местное финно-пермское население Прикамья, а страна Ибир-Сибир – это владения Шибанидов и Тайбугидов в степных и лесостепных регионах Западной Сибири. Указывалось, что джулманские купцы ездят в Йуру. Регион Пермского Приуралья XI-XIV вв. находился на перекрестке важных торговых магистралей. На городищах Кудымкар, Анюшкар и Иднакар находили золотоордынскую керамику. В землях Пермского и Удмуртского Предуралья находили бусы и медальоны, изготовленные в золотоордынском Поволжье. На Рождественском городище обнаружена мусульманская мечеть, что свидетельствует о присутствии на Чепце сборщиков дани. Предполагается, что это городище было столицей всего Прикамья. В Удмуртском Предуралье найдены золотоордынские монеты. Татарское влияние ослабло только в середине XIV в. когда Среднее Поволжье и связанные с ним регионы были затронуты эпидемией чумы. Булгарские купцы проникали через Прикамье в Приуралье, и благодаря активным контактам с Золотой Ордой через Булгар стало возможным формирование государственности у манси. В XVI в. аристократия манси уже называлась мурзами, а некоторые аристократы носили тюркские имена [Martin, 1986, р. 88-91; Белавин, 2008; Белавин, 2009, с. 482-484; Белавин, Крыласова, 2009, с. 6-20; Хан, 2006, с. 19-37, 54-66; Бахрушин, 1935; Беговатов, 1999, с. 30; Хан, 2004 а, с. 67-68; Хан, 2009, с. 30; Напольских, 2005, с. 240-268; Напольских, 2006, с. 100-115; Напольских, 2006, с. 65-75; Напольских, 2007, с. 168-177; Пастушенко, 2002, с. 56-64].

В болгарскую эпоху Камский торговый путь был оживленной торговой магистралью. Кама была известна арабам как Джулман (от татарского названия Камы Чулман). Благодаря существованию торгового пути по Каме богатели население Родановской и Чепецкой археологической культур [Белавин, 2006 а, с. 326-330; Белавин, 2006 б, с. 395-407]. Еще в XII в. в Перми Вычегодской (в археологической литературе эта общность называлась Вымской культурой) торговали с Волжской Булгарией. На протяжении XI-XIII вв. предки коми-зырян поддерживали активные связи с волжскими булгарами. Много болгарских украшений оседало на Выми. Вследствие развития торговли в регионе появились города: Анфаловский городок, Чердынь, Искор, Покча, Усть-Вымь [Макаров, 2006, с. 325-330; Савельева, Королев, 2011, с. 89-96]. По мнению Дж. Мартин, в начале XIV в. булгары установили контакт с вогулами (манси). С. Бахрушин отмечал, что Пелым перенял татарскую социальную организацию. Подобно марийцам в Булгарском улусе, а потом в Казанском ханстве, у пермяков и манси существовало разделение на сотни и десятки. Через путь из Устюга в Югру пришел Стефан Пермский, который начал христианизировать пермское население края [Martin, 1978, p. 412; Бахрушин, 1935].

Для того чтобы прийти к конкретным выводам, необходимо проанализировать письменную традицию населения региона. Она представлена русскими летописями из Архангельска, Перми, Вологды, Устюга. Необходимо определить нюансы освещения истории взаимоотношений татар с Вяткой, Пермью и Устюгом в указанных выше летописях. Известия же европейских географов и путешественников относительно Вятки, Перми и Югры слишком поздние для того, чтобы составить адекватное представление о взаимоотношениях славянского и финно-пермского населения с татарами. Детали похода 1483 г. не будут рассматриваться в этой статье, поскольку уже проанализированы в статье Д. Маслюженко и Е. Рябининой, а также в исследованиях В. Каргалова и А. Плигузова.

По данным устюжской летописи по списку Мациевича, в 1469 г. казанский хан Ибрахим совершил поход на Устюг и взял Кичманский городок. В 1469 г. устюжане вместе с вятчанами ходили походом на Казань. Также устюжане поддерживали московское войско в 1470 г. Конфликт русских с князьями Перми Великой не указан. Под 1489 г. упомянута осада Хлынова войском великого московского князя, устюжан и казанских татар во главе с беком Ураком, который представлял казанского хана в этом походе [Устюжские и вологодские летописи, 1982, с. 46-48, 50].

В первой редакции устюжской летописи под 1446 г. сказано, что казанские татары воевали у Устюга и взяли откуп с города деньгами и пушниной. Самому городу был причинен большой ущерб. Сообщалось, что в 1462 г. казанские татары совместно с марийцами опустошали устюжские волости. Под 1468 г. сказано о походе московских войск вместе с вятчанами и устюжанами на Казань. Вятчане и устюжане действовали отдельно от московского вой-

ска и были введены в заблуждение данными татарина, однако воевали успешно против татар. В отличие от предыдущих летописей, здесь указано, что в 1472 г. московские и устюжские рати ходили на Пермь и привели ее под власть великого князя. Под 1489 г. сказано лишь, что устюжане следили за пленными воеводами вятчан. Во второй редакции устюжского летописца сообщались все те же данные, что и в первой [Устюжские и вологодские летописи, 1982, с. 106-108, 113-116].

В летописи Льва Вологодина под 1446 г. сказано о нападении казанских татар на Устюг и героической обороне города. Упоминалось и о контрибуции, которую заплатил Устюг татарам. Под 1462 г. сказано о походе черемиских татар, то есть марийцев, на устюжские волости. Они действовали совместно с казанскими татарами. Под 1468 г. указано, что казанские татары воевали в устюжских волостях и взяли Кичменский городок. Вятчане и устюжане действовали отдельно от московского войска и были введены в заблуждение данными татарина. Под 1470 г. сообщалось об успешных действиях московского войска и устюжских отрядов под Казанью. В летописи Льва Вологодина относительно событий 1472 г. вокруг Великой Перми сказано о великой войне и приведении ее в подданство. Под 1486 г. сказано о нападении вятчан на устюжан, а в 1489 г. о совместном с московским войском и татарами Урака походе на Вятку [Устюжские и вологодские летописи, 1982, с. 133-136].

По данным Архангелогородского летописца, в 1468 г. против Ибрахима великий московский князь отправил в поход свое войска под началом касимовского хана Касима и воеводы Ивана Васильевича Стриги. Отмечены успешные действия бека Айдара против казанского войска и общая победа русских и касимовских татар. Под 1469 г. отмечено участие устюжан в походе на Казань. Под 1470 г. снова сказано об успешных действиях московских и устюжских воинов под Казанью. Также игнорировалась война Москвы с Великой Пермью. В 1478 г. казанцы Ибрахима воевали против Вятки и держали в осаде Устюг. Под 1481 г. отмечена победа устюжан над тюменскими татарами на Каме. Под 1489 г. сказано об общем с казанскими татарами походе московского и устюжского воинств на Вятку. От казанцев присутствовало 700 воинов под командованием Урака [Устюжские и вологодские летописи, 1982, с. 91-95].

Согласно Вологодско-Пермской летописи, в 1468 г. Касим и Иван Васильевич Оболенский-Стрига без особого успеха воевали против казанцев, а хан Ибрагим совершил поход на Галич. Потом было сказано об удачных походах русских на марийцев и вторжении в Казанское ханство. Однако отмечено, что татары взяли Кичменгу. Вятчане и устюжане выступили на стороне московского князя в новом походе на Казанское ханство. Когда к вятчанам поступило известие, что на Вятку идут казанцы, то только 300 из них осталось при великом князе. В летописи указано, что вятчане не были способны противостоять татарам и капитулировали перед ними. Иван Руно же отступил из земель марийцев в Великую Пермь и к Устюгу. Под 1469 г. в Вологодско-пермской ле-

тописи сказано, что великокняжеское войско в походе на Казань пришло через Устюг к Вятке, и воевода отправил приказ, чтобы вятчане воевали против казанских татар. Вятчане же говорили, что дали хану слово не воевать на стороне великого князя против татар. В Вятке также находился казанский посол, который подробно информировал хана о силах и продвижении врагов. Причиной того, что вятчане не смогли вовремя прийти на помощь, назван недостаток продовольствия. В 1471 г. вятчане совершили поход по Волге и опустошили Сарай, а попытки татар Большой Орды и казанцев их перехватить и разгромить были unsuccessfulными. Под 1472 г. сказано, что Иван послал воевать Великую Пермь за их неисправление [Вологодско-пермская летопись, 1959, с. 222-228, 239-242, 244]. Под 1478 г. вологодско-пермский летописец сообщал об удачном походе Ибрагима на Вятку и многочисленном плене. Под 1489 г. сказано о походе на Вятку. Причиной похода названо неисправление вятчан. Под этим понималась их желание вести политику, отличную от Москвы. Сказано, что арских князей и других мусульман (агарян) к роте (присяге) великому князю он привел, а элиту вятчан расселил по разным городам [Вологодско-пермская летопись, 1959, с. 257, 278-279].

По сведениям Холмогорской летописи, в 1390 г. Токтамыш отправил в 1390 г. царевича Бектута, который взял Вятку. В ответ вятчане и новгородцы взяли болгарский город Жукотин (Джукетау). Сообщалось, что в 1468 г. Касим и Иван Васильевич Оболенский-Стрига ходили походом к Казани, но, вследствие превосходства вражеских сил, вернулись ни с чем. Казанские же татары взяли Кичменгу, а Вятку держали в осаде. Воеводы великого князя добились успеха на второстепенных театрах боевых действий вроде Камы и Вятки, разорив татарские провинции до Тавлуги. Под 1469 г. сказано о походе московского войска на Казань. Указано, что великий князь московский приказал идти походом на хана Ибрагима. Указано, что казанцы победили великокняжеское войско, а вятчане из-за нехватки продовольствия повернули к Нижнему Новгороду, где встретились с войсками хана Касима. Под 1478 г. сказано о походе татар Ибрагима на Вятку и многочисленных пленных вятчанах. При описании похода 1489 г. сказано, что московские войска взяли города вятчан, а арских князей и других татар вынудил присягнуть на верность великому князю [Холмогорская летопись, 1977, с. 91-92, 118-120, 124-125].

В Вычегодско-Вымской летописи указано на соперничество между новгородцами и устюжцами за пермскую дань и описывалась деятельность Стефана Пермского. Летопись в этом отношении близка к сведениям жития Стефана Пермского, записанного Епифанием. Не отмечено нападение татар на Вятку, зато зафиксированы нападения манси на пермян в 1392, 1450, 1455 гг. Отмечался факт общего с вятчанами похода на манси Пелымского княжества в 1467 г. Татары как противники не указаны ни разу. Первый раз о битве упоминается в 1481 г., когда устюжане под руководством Андрея Мишнева победили манси под Чердынью и в том же году разбили на Каме войска тюменских

татар. Великопермские князья проявляли самостоятельность, когда в 1471 г. не захотели воевать на стороне московского великого князя Ивана III против Казанского ханства. В Вычегодско-Вымской летописи указано, что пермяне хотели воевать против русских вместе с казанцами, предоставили привилегии казанским купцам, а купцам великого московского князя грубили. Относительно же кампании Федора Пестрого, то там указан не только на сам ее факт, но и то, что он в 1472 г. взял Искор, Покчу, Чердынь и Уром. Михаил был оставлен править Пермью Великой как вассал великого князя. Под 1486 г. сказано о походе вятчан на Устюг, а под 1489 г. о походе устюжан и других русских, а также татар и пермяков на Вятку. Татарская тематика в Вычегодско-Вымской летописи почти не встречается, а летописца интересовали больше Вятка, манси и устюжане [Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись, 1958].

Если провести сравнительный анализ сведений летописей, то получается следующая картина. Устюжские летописцы стараются максимально прославить деяния устюжан, при этом стараются умалчивать о войне русских с Великой Пермью, столкновениях между самими русскими. При описании походов на Казань стараются изобразить картину многих побед и незначительных поражений. Это же касается и отношений устюжан с казанскими и тюменскими татарами. Устюжские летописцы старались оправдать неучастие вятчан в действиях против Казани неверными данными татарского проводника. Вологодские летописи, хотя текстуально близки с устюжскими, но отмечают конфликты между устюжанами и вятчанами, а также приведение Великой Перми в подданство Москве. Вологодско-пермского летописца больше всего интересовали действия вятчан против татар. Причиной того, что вятчане не пришли на помощь под Казанью, указана нехватка продовольствия. Походы великого князя московского на Великую Пермь и Вятку оправдываются тем, что правители этих земель чинили неисправление, то есть старались интриговать с татарами против Ивана III. Архангельский летописец, все также стараясь оправдать вятчан недостатком продовольствия, без стеснения рассказывает об успехах Бектута и казанского хана Ибрагима против вятчан. В отличие от других провинциальных летописцев, симпатизировавших вятчанам, местный летописец не питал теплых чувств к вятчанам и устюжанам, регулярно нападавшим на Двинский край. В Вычегодско-вымской летописи достаточно подробно сообщалось о конфликтах устюжан с новгородцами, устюжан с вятчанами и о войне Ивана III с Великой Пермью. Необходимо отметить, что в этой летописи до подчинения Великой Перми Ивану III в 1472 г. не наблюдается конфликтов с татарами, зато отмечаются многочисленные конфликты с манси. Практически во всех летописях отмечен полиэтнический состав войск великого московского князя Ивана III Васильевича на Вятку в 1489 г.

Отношения татар с вятчанами и Великой Перми с татарами известны в письменных источниках. В 1391 г. Вятка стала объектом похода Тука-Тимурида Бектута из клана Бек-Суфи, который совершил эту кампанию по

приказу хана Золотой Орды Токтамыша. В 1409 г. вятчане принимали участие в походе ушкуйников Анфала Никитина на Волжскую Булгарию, который оказался неудачным. В 1446 г. казанские татары совершили первый поход на Устюг. В 1468-1471 гг. устюжане выступают как союзники Москвы против Казанского ханства и Новгорода. Вятчане вместе с касимовскими татарами и войсками московского князя Ивана III должны были сделать казанским ханом Касима, который был зависим от русских. Однако хан Ибрагим отстоял независимость Казани. В 1469 и 1478 гг., вследствие походов казанцев на Вятку, правители Вятской республики были вынуждены отказаться от походов на татар. Они саботировали один из походов русских на Казань и нашли предлог для того, чтобы не идти на Казань. В 1471 г. уже Великая Пермь отказывается воевать против татар. Великий московский князь ответил походами на Великую Пермь в 1472 г. и на Вятку 1489 г. Необходимо отметить, что Вятка в 1489 г. была связана с арскими татарскими князьями. Само появление арских князей в регионе Вятки, как справедливо указывал В. Чураков, не может датироваться ранее 60-х гг. XV в., и соответственно и связи вятчан с татарами могут датироваться не ранее того времени. Предками каринских арских татар были болгары из района бассейна реки Чепцы. Они были тем фундаментом, на котором возникли нукратские (пермские) татары. Болгары и татары тесно взаимодействовали с финно-пермскими народами еще с IX-X вв. Южные удмурты – калмез находились в орбите влияния Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства и были непосредственными подданными арских князей еще до предоставления арским князьям кормления на Вятке. Прямые политические контакты вятчан с арскими татарами стали возможны только после того, как в 1459 г. Василий II Темный привел в подданство Москве Вятку. Арским князьям были отданы в кормление волости, населенные удмуртскими родами Дурга, Сюра, Чола и Чабья. Родоначальник этой династии был пожалован землями вблизи Вятки как вассал великого князя Ивана III. В противостоянии с войсками Золотой Орды и Казанского ханства вятчане проигрывали и были способны только на быстрые рейды на татарские поволжские земли. Успехи же устюжан в войнах против татар сильно преувеличены в устюжской летописной традиции. Их столкновения с татарами были локальными столкновениями небольших отрядов. Великая Пермь же не была настроена конфликтовать с татарами [Макаров, 2009, с. 152; Худяков, 1991, с. 37-44; Рахимзянов, 2009, с. 106-110; Королев, 2011, с. 126-129; Напольских, 2006, с. 100-115; Белых, 2006, с. 35-36].

Картина политики Великого Московского княжества в регионе в общем характеризуется постепенным наращиванием присутствия. Если в XIV в. это присутствие сборщиков дани и приведение Устюга под власть Москвы, то в середине XV в. великий князь переходит к установлению реальных вассальных отношений Вятки и Великой Перми с Москвой. Поход 1472 г. на Великую Пермь и кампания в 1489 г. против Вятки были нацелены на то, чтобы интегрировать эти территории в состав Великого княжества Московского.

Великопермская княжеская династия была смещена в 1505 г. и заменена русским воеводой, а вятский вопрос решен еще в 1489 г. расселением вятской аристократии по территории Русского государства. Это событие того же порядка, что и завоевание Новгорода в 1471 г. Новгород, как и Вятка с Великой Пермью, рассматривались Иваном III как своя вотчина на основании их зависимости от московских князей.

Походы татар, а вместе с ними башкир и финно-угров на Великую Пермь стали обычными только в XVI в. В 1505 или 1506 г. на Пермь напал тюменский Шибанид Кулук (Кутлуг)-султан, но был отражен войском пермского наместника В. Ковра. В 1540 г. на Пермь пришли с войной казанские татары, а в 1547 г. на Чердынь совершили набег ногайцы. Активные набеги сибирских ханов происходили и позже, после похода на Москву Девлет-Гирея в 1572 г. По данным вычегодско-вымской летописи, в 1573 г. сын сибирского хана Кучума Маметкул напал на Пермь. По данным Строгановской летописи, на владения Строгановых в 1572 г. напали марийцы, башкиры и ханты. В 1573 г. в летописи сказано о походе сибирских татар Маметкула на Пермь Великую. В 1581 г. вместе с сибирскими татарами Кучума на Великую Пермь напали манси и ханты из Югры. Под этим годом в Строгановской летописи сказано о походе манси пельымского князя Бегбелея Агтакова на Чусовую и Сылву. Также вместе с манси и хантами против Перми Великой приходили отряды сибирских татар и башкир. Манси осадили городки по Чусовой и Сылве. Пельымский князь Кикек с татарами, башкирами и югорскими хантами взяли Соликамск, Сылвенский и Яйвенский городки, сжег погосты и осадил Чердынь, но не смог ее взять. Великая Пермь в XVI в. не играла самостоятельной политической роли [Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись, 1958; Сибирские летописи, 1907, с. 5-13, 52-61, 97-98].

Таким образом, мы пришли к следующим выводам. Большинство столкновений жителей Пермского Приуралья с татарами относится к деятельности устюжан, которые нападали и отбивали татарские набеги. Не менее активными были вятчане. Политика Великопермского княжества по отношению к татарам отличалась коренным образом. С Казанским ханством Великая Пермь старалась поддерживать мирные отношения и торговала с ним. В отличие от Устюга и Вятки, Великой Пермью правила местная династия местной аристократии.

Источники и литература

- Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М. : Институт истории АН СССР, 1940. Т. III. С. 71-112.
- Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI-XVII вв. М. : Изд-во Института народов Севера им. П.Г. Смидовича ЦИК СССР, 1935. 87 с. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/bahrushin_ost
- Беговатов Е. Абу-Рейхан ал-Бируни о Волжской Булгарии, стране ису, йура // Finno-Ugrica. 1999. №1 (3). С. 28-36.
- Белавин А. М. Камский торговый путь // История татар. Т.2. Волжская Булгария и

- Великая Степь. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, РУХил, 2006. С. 326-330.
- Белавин А. М. Народы Верхнего Прикамья и Волжская Булгария // История татар. Т.2. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, РУХил, 2006. С. 395-407.
- Белавин А. М. Предуралье в XIII-XV вв. // История татар. Т.3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, РУХил, 2009. С. 482-484.
- Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афула. Археология Пермского края. Пермь : Пермский государственный педагогический университет, 2008. 608 с.
- Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Основные итоги изучения Рождественского городища (город Афула) в Пермском крае // Научный Татарстан. 2009. № 2. С. 6-20.
- Белых С. К. История народов Волго-Уральского региона. Ижевск, 2006. 129 с.
- Вершинин Е. Пермь Великая. Как Москва пришла на Урал // Родина. 2001. № 11. URL : http://www.istrodina.com/rodina_articul.php?id=196&n=14
- Вологодско-пермская летопись // Полное собрание русских летописей. М. : Наука, 1959. Т. 26. 413 с.
- Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар : Коми филиал АН СССР, 1958. Вып. 4. С. 257-271. URL: <http://www.yarensk.narod.ru/letopis/letopis.html>
- Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск : Издательский дом Удмуртского университета, 2004. 422 с.
- Епифаний премудрый. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, епископа Пермского. URL: http://krotov.info/acts/14/3/perm_rus.html
- Корчагин П. Из ранней истории Перми Великой: князя Пермские и Вымские // Филолог. 2010. № 13 ; 2011. № 14. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_13_259 ; URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_14_288
- Макаров Л. Д. Особенности раннего периода славяно-русской колонизации Прикамья // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Ижевск : Издательский дом Удмуртский университет, 2006. С. 325-330.
- Макаров Л. Д. Вятский край в системе болгаро-ордынского влияния // Золотоордынское наследие. Казань : Фэн АН РТ, 2009. Вып. 1. С.150-156.
- Напольских В. В. Ёгра. (ранние обско-угорские-пермские контакты и этнонимия) // Антропологический форум. 2005. №3. С. 240-268.
- Напольских В. В. Булгарская эпоха в истории финно-угорских народов Поволжья и Предуралья // История татар. Т.2. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань : РУХил, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. С. 100-115.
- Напольских В. В. Вятка, Джулман, Югра и Сибирь в арабском источнике первой половины XIV в. // Вопросы ономастики. 2006. № 3. С. 65-75.
- Напольских В. В. Вятка и Прикамье в арабском источнике XIV в. // Библиотека как культурно-исторический объект: традиции, тенденции развития, социальные функции : материалы научной конференции. Киров : Областная научная библиотека им. А.И. Герцена, 2007. С. 168-177.
- Напольских В., Чураков В. Финно-угорские народы Среднего Поволжья и Предуралья к началу XIII в. // История татар. Т.3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 470-476.

- Пастушенко И. Г. Еще раз о локализации Вису // *Finno-Ugrica*. 2001-2002. № 1 (5-6). С. 56-64.
- Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1442-1552 гг.). Очерки истории. Казань : Татар. кн. изд-во, 2009. 207 с.
- Савельева Э. А., Королев К. С. Торгово-экономические связи Перми Вычегодской с Волжской Булгарией // *Известия Коми научного центра УрО РАН*. Вып 3 (7). Сыктывкар, 2011. С. 89-97.
- Сибирские летописи. СПб. : Типография И.Н. Скороходова, 1907. XXXVIII, 396, 20 с.
- Устюжские и вологодские летописи // *Полное собрание русских летописей*. Л. : Наука ЛО, 1982. 228 с.
- Хан Н. А. Этническая история населения бассейна Вятки // *Энциклопедия Кровской областной писательской организации*. Т. 8. Этнография и фольклор. Киров : Областная писательская организация, Администрация Кировской области, 1998. С. 57-70.
- Хан Н. А. Пермские места Устюжские и восточная политика Руси на рубеже 50-60-х гг. XIV в. // *Культурные традиции Евразии*. Казань : Фэн, 2004. С. 212-220.
- Хан Н. А. К истории налоговых сборов на Вятке // *Вестник Российской академии наук*. 2004. № 74 (8). С. 709-715.
- Хан Н. А. Взаимодействие и взаимовлияние Руси и Орды в области экономики и кредитно-денежной политике в XIV в. М. : Институт Экономики РАН, 2006. 246 с.
- Хан Н. А. Историко-географические реалии Северо-Восточной Европы и проблемы средневековой вятской истории. М. ; Киров : Старая Вятка, 2009. 214 с.
- Холмогорская летопись. Двинский летописец. М. : Наука ЛО, 1977. Т. 33. 250 с.
- Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. М. : Инсан, 1991. 320 с.
- Чураков В. С. Об обстоятельствах проникновения каринских арских на Вятке // *Урал-Алтай: через века в будущее*. Уфа : Гилем, 2005. С. 216-219.
- Чураков В. С. К исследованию этнической истории удмуртов // *Цивилизации народов Поволжья и приуралья*. Т.1. Проблемы археологии и этнографии. Чебоксары : Чувашский государственный педагогический университет, 2006. С. 275-286.
- Martin J. Land of Darkness and the Golden Horde // *Cahiers de Monde russe et sovetique* Vol. 19-4. Octobre-Decebre. Paris-Le Haye-New York: Mouton, 1978. pp. 401-421.
- Martin J. Treasure of the Land of Darkness. The fur trade and its significance for Medieval Russia. Cambridge, London, New Yorke, New Rochelle, Melbourn, Sydney: Cambridge University Press, 1986. X, 277 p.

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО, ТЮРКСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ И ОЙРАТЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII В.

Территория Западно-Сибирской равнины примыкает к одному из отрезков так называемой Великой степи, где во время завоевания Россией Сибирского царства боролась между собой несколько кочевых союзов – ойраты, казахи и ногаи. Все они в политическом и культурном отношении были наследниками Монгольской империи. Ногаи – ближайшие соседи Сибирского царства и союзники Кучума – уже ко второму десятилетию XVII в. были вытеснены из азиатских степей за Волгу ойратами.

В XVII в. ойраты совершают экспансию в трех направлениях – на восток, запад и юг. Отправившаяся после 1618 г. на запад группа торгоутов во главе с тайшей Урлюком, включившая в свой состав более мелкие племенные образования, в 20-е гг. XVII в. мигрирует по территории современного Северного Казахстана на Волгу. Этот кочевой союз получил от тюрков название калмыков, которое было принято русской властью для обозначения ойратских групп и позднее стало самоназванием части кочевников, ушедших на р. Волгу. В 1630 г. Урлюк прибыл к берегам р. Волги, подчинив обитавшие на р. Яик тюркские племена. Степные пространства Западно-Сибирской равнины на протяжении XVII в. становятся частью ойратского мира, раскинувшегося от озера Кукунор до р. Волги.

Между русскими властями и ойратами неоднократно возникали споры по вопросу о принадлежности ряда территорий между южными сибирскими уездными городами и калмыцкими кочевьями. В конце XVI в., по данным Ремезовской летописи, ойраты кочевали к западу от рек Ишима, Нор-Ишима, Оми и Камышлова, которые вообще тогда считались «калмыцким рубежом». Однако сама эта территория не находилась еще под контролем ойратов. После поражения сюда отступил из Сибирского царства Кучум со своими детьми и «между озер в крепких местах и ту живяше скрытно» напал на Тарский уезд. На рубеже XVI-XVII веков появляются противоречия между интересами русских и групп ойратов. Можно предположить, что эти противоречия были вызваны борьбой за южные тюркские группы, которые ранее входили в Сибирское царство. После военного разгрома в 1598 г. Кучума, контролировавшего часть этих территорий, русским пришлось столкнуться здесь с ойратами, часть которых, возможно, ранее воевала в улусе Кучума. В 1598 г. воевода Тарского уезда Воейков получил известие, что к р. Оби прикочевало с юга 500 калмыков.

Характерно, что еще в наказе 1599 г. четвертому тарскому воеводе Я.И. Старкову предлагалось разведывать вести только про мурзу Алея, ногаев и

бухарцев, в которых Москва видела главных соперников на юге после разгрома Кучума [РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 57]. В наказе 1603 г. тарскому воеводе князю И.А. Солнцеву-Засекину требовалось посылать отъезжие станицы за вестями о ногаях и ойратах: «не чаять ли от них к сибирским х которым городом и на волости приходу, и нет ли у них з бухарскими и с юргенскими людьми ссылки» [РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 73]. Первый раз требование Москвы собирать вести об ойратах прозвучало в наказе воеводе Тобольска Ф.И. Шереметеву от 11 февраля 1601 г.

В 1606 г. ойраты и русские начали переговоры по инициативе тайши Урлюка. В сентябре 1606 г. калмыки тайши Урлюка заняли часть ясачных волостей Тарского уезда, захватывая промысловые места и беря в плен татар. Урлюк направил в Тару посольство, где просил признать этот захват, дав разрешение кочевать по рекам Ишиму и Камышлову и торговать с Тарой. Воевода Тары князь Сила Гагарин отправил к Урлюку послов, которые сообщили ему, что это разрешение может быть дано только при условии принятия русского подданства: «быти под нашу царскую высокую рукою». Это предложение оказалось неприемлемым для калмыков, и послы были убиты в улусе Урлюка.

Первоначально русско-калмыцкие столкновения проходили именно на территории Тарского уезда, который стал пограничным по отношению к мигрировавшим на север группам калмыков. В 1606 г. из Тары был предпринят поход для изгнания ойратов из уезда. Этот поход закончился победой русских служилых людей над одной из групп ойратов. 200 служилых людей получили награды за калмыцкую службу. Однако ойраты продолжали кочевать на юге уезда. Недостаток сил в Таре заставил власть организовать ряд походов из центров русской Сибири – Тюмени и Тобольска. Весной 1607 г. по приказу правительства на калмыков был отправлен крупный военный отряд из Тобольска, Тюмени, Тары, а также других сибирских городов. В феврале 1608 г. приказ Казанского дворца сообщал, что в Тобольске и на Таре имеется значительное количество пленных калмыков, взятых в кочевьях [РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 98].

В 1607-1608 гг. тайша Урлюк кочевал в трех днях пути от Тары, по северной стороне реки Камышлов (правый приток Иртыша), до Калмыцкого озера. В результате территория по р. Камышлов и южнее была фактически выведена из-под русского контроля. Калмыки Урлюка заняли районы промыслов тарских ясачных татар, и воевода Тары не мог отправлять туда русские станицы. Тайши Талай и Ичиней мигрировали на левый приток Иртыша – реку Омь, в четырех днях пути от Тары. В отличие от Урлюка, р. Омь была занята с предварительного согласия тарского воеводы.

В сентябре 1607 г. пять больших тайшей во главе с Ичинеем и Талаем направили посольство в Москву, где были приняты царем Василием Ивановичем. Послы сообщили о желании ойратов стать русскими подданными за разрешение на право кочевать по Иртышу и обратились с просьбой построить в районе

своих новых кочевий на р. Оми русскую крепость для защиты от возможного нападения монголов Алтын-хана, обещая при опасности защищать это укрепление совместно с русским гарнизоном.

В 1608 г. в грамоте на Тару правительство царя Василия Шуйского разрешило ойратам кочевать в Сибирской земле по р. Иртышу, р. Оми, р. Камышлову и в других местах, где они захотят быть «под царской рукою», то есть занятие подобных территорий обуславливалось принятием русского подданства. Правительство разрешило ойратам торговать в Тобольске, Таре, Тюмени, Перми, Уфе, Казани и Москве. 20 марта 1609 г. из Тары к ойратам было отправлено посольство Голубина, которое потребовало от больших тайшей прибыть в Тару и там лично принести присягу царю и начать платить ясак. Ойраты заявили, что они никогда и не думали переходить под власть русского царя: «а послов они своих посылали к нам бити челом, чтобы ... не воеваться, и торговати и на зверовье съезжаться повольно». Наотрез тайши отказали в ясаке: «ясаку никому не даывали, и сами с Белых Колмаков ясак емлют, и вперед ясаку давати никому не хотят». По поводу нахождения на территории Тарского уезда, что по московским традициям обязывало ойратов к принятию подданства, тайши сообщили, что вообще «люди они кочевные... где похотят, тут и кочуют». Тайши сказали послам, что собираются воевать с ясачными татарами Барабинской и Теренинской волостей Тарского уезда, «что грубны им», и отказались разрешать конфликт через представителей русской власти, «а посылать о управе на тех татар к воеводам на Тару не хотят, управятца и сами». В улусе русское посольство было ограблено, в довершении ко всему Голубин узнал от пленных о готовящемся нападении ойратов на русских служилых людей в районе озер по Иртышу.

В 1610 г. русско-калмыцкое противостояние в Прииртышье возобновилось. Первый удар был нанесен по русским позициям в районе озер. В 1610-1611 гг., по словам тобольского воеводы князя Ивана Катырева-Ростовского, «калмыки озера отняли», так что туда пришлось отправлять военную экспедицию. В Тарском уезде ойраты постепенно продвигались на север, принимая в свои улусы всех ясачных татар, бежавших от русской власти, отказывая в их выдаче. В 1610 г. отряд из 200 калмыков совершил набег под Тару, разграбив по пути ряд ясачных волостей. В ответ в июне 1611 г. состоялся поход объединенных сил сибирских городов на калмыков. Большой поход, в котором принимали участие гарнизоны нескольких крупнейших сибирских городов, сочетался с рядом частных походов, совершенных силами только Тары, которая находилась в наиболее опасном положении. В 1612 г. из Тары был отправлен отряд в 300 служилых людей и тарских ясачных татар, который разбил кочевье калмыков у Кизирла озера, пленив семьи двух тайшей.

По данным Черепановской летописи, в 1613 г. калмыки опять заняли озера, не пуская туда русских, что вызвало экспедиции русских военных сил сибирских городов [РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1542. Л. 135]. В 1613 г. из Тары

было отправлено три похода на калмыков. Отправленный 6 июля на стругах отряд атамана Третьяка Кутукова должен был дойти до озера Ямыш «проведывать колмацких людей, сколь далече кочуют от города и от тарских ясачных волостей». 15 июля в 10 днях от Тары на Большом озере русский отряд разбил калмыков, идущих в низовья Иртыша. 22 сентября тарский отряд ротмистра Воина Волконовского переправился через Камышлов в районе урочища Чеканбаша, разбил там калмык, взяв в плен тайшу Байгуша и его семью. 22 сентября отправленный из Тары 5 сентября отряд атамана Поспела Федорова разбил отряд калмыков на перевозе Каратун по Иртышу [РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 148].

В результате этих успешных походов по инициативе ойратов были возобновлены переговоры. 25 ноября 1613 г. в Тару пришли послы Талая и Тургеня с просьбой «прежние вины их отдать», обещая не совершать больше набеги на Тару и ясачные волости, не мешать русским экспедициям на озера, вернуть пленных русских и татар и совместно с русскими «стояти заодин» против тех ойратов, которые попытаются вернуться к старому.

В процессе колонизации Западной Сибири русские на юге края встретились с ойратскими племенами. В это время под давлением монголов ойраты покинули свои старые кочевья и продвигались на запад. В первые десятилетия XVII в. в результате борьбы с другими кочевыми народами – монголами, казахами и ногаями – ойраты заняли южные территории Западной Сибири. Здесь они вступили в отношения с представителями русской власти, русским и ясачным населением уездов Сибири. Принятие русского подданства частью ойратов в 1607 г. было нужно для занятия южных территорий Тарского уезда и мобилизации сил для борьбы с другими кочевыми народами. После побед ойраты отказались платить ясак и начали борьбу с русскими за эти территории.

Как показал В.В. Трепавлов, еще в XVI в. ойраты совершали набеги на запад до р. Волги, нападая на казахов и ногаев [Трепавлов, 2002, с. 372]. Позднее ойратам удалось взять под свой контроль всю территорию современного Северного Казахстана. В 1608 г. отряд калмыков появился на р. Эмбе, что вызвало большие опасения у ногаев, кочевавших в то время на Яике. Русские походы из сибирских городов 1612-1613 гг. привели к усилению натиска ойратов в западном направлении. В 1613 г. отряд из четырех тысяч калмыков разбил ногайский улус на Яике, в результате чего ногаи бросили свои кочевья и бежали за Волгу [Богоявленский, 1939, с. 60].

В 1606-1607 гг. часть ойратов, мигрировав из верхнего Прииртышья, заняла бассейн Иртыша в районе рек Оми и Камышлова и южнее. Кочевья ойратов на востоке к 1616 г. распространились до бассейна р. Ишима, где кочевники зимовали, северной границей ойратов являлась местность, известная как Белое городище в двух неделях пути от устья р. Ишим. Однако скоро район кочевания ойратов переместился.

В 1619-1620 гг. различные группы ойратов организовали набеги на мон-

голов, казахов и ногаев, что имело большие последствия. На западе в 1619 г. ойраты победили, разгромив кочевья ногаев между Яиком и Волгой, но на юге и на востоке они понесли большие потери. В 1620 г. во время переговоров хана Казачей орды Ишима с послами ойратов они совершили набег на улусы казахов. Ишим «велел колмацких послов побить», а затем совершил набег на ойратские улусы, перебив двух тайшей и «многих людей». Затем на ойратов напали отряды Алтын-хана, это нападение было еще более серьезным: «улусы колмацкие повоевали, и людей многих побили», взяли в плен двух тайшей [Русско-монгольские отношения, 1959, с. 105].

В результате в 1620 г. ойратам, по выражению воеводы Уфы О.Я. Прончищева, «учинилась теснота великая» от казахов и монголов. В поисках безопасных кочевий они перешли р. Ишим и вышли к Тоболу. В сентябре 1620 г. Талай кочевал на расстоянии месяца пути от Тобольска «в поле против Итыка горы железные» на территории современного Северного Казахстана, а «иные многие тайши с колмацкими людьми прикочевали блиско твоей царской отчины, сибирских городов, и кочуют ныне вверх по Ишиму промежу Тоболом». Улус Байбагиша в октябре 1620 г. занял район верховий реки Ишима и Иртыша. Большая часть ойратских улусов кочевала, по данным царевича Ишима, в то время в районе р. Камышлов. В марте 1621 г. послы Байбагиша сказали в Москве, что ойраты кочуют на р. Тобол, в 18-ти днях от государевых городов Сибири [РГАДА. Ф. 199. Портфель 477. Ч. 2. Д. 4. Л. 8-21].

Позднее, в 1621 г., Талай со своим улусом перекочевал в район озер между Обью и Иртышом, где к этому времени сосредоточились основные силы ойратов. Видимо, Талай кочевал около озера Ямыш, так как власти отложили поход туда служилых людей. Талай, по русским источникам, имел летние кочевья на верховьях р. Ишим, а зимние около владений казахов и Ургенча. В то же время ряд ойратских улусов перекочевал на р. Обь. По сообщению теленгутов, часть ойратов во главе с Харахулой еще осенью 1620 г. собиралась к весне следующего 1621 г. воевать Томск и Кузнецкий острог, чтобы затем перекочевать в район по рекам Томи и Оби [Русско-монгольские отношения, 1959, с. 109].

21 августа 1621 г. томский юртовской татарин князь Тоян сообщил воеводе Томска И.Ф. Шаховскому, что многие тайши «пришли на Обь реку... на устье реки Чюмыша, зделали городок», с целью зимовать и кочевать между Томском и Кузнецким острогом. Эти известия вызвали большие опасения среди томских служилых людей, которые в количестве всего 283 человека должны были защищать территорию двух уездов, Томского и Кузнецкого, «...теми служилыми людьми держати некем, потому что, государь, тех служилых людей в Томском городе мало. А к Томскому, государь, городу и к Кузнецкому острогу прилегли орды многие и кочуют...» [Русско-монгольские отношения, 1959, с. 109].

В 1625 г. большая часть ойратов, откочевав из района озер, находилась в районе верхнего Ишима и Тобола, «блюдясь от мунгальских людей войны», по

данным служилых людей, посланных из Тобольска в посольство к ойратам весной 1625 г. Часть ойратов отошла далеко на запад на р. Яик [Международные отношения, 1989, с. 58]. Отдельно от них находились со своими улусами большие тайши Талай и Байбагиш. Зимой 1624 г. они провели на границах владений Казачей орды, «боясь от мугальских людей утеснения». Ойраты собирались весной начать войну с казахами, рассчитывая выступить в союзе с Бухарой, правитель которой в то время воевал с ханом казахов Ишимом. Однако к весне Ишим успел заключить мир с Бухарой, и Талай не решился нападать на казахов, что теперь могло бы поставить ойратов перед возможностью войны с Бухарой. В 1624 г. Талай кочевал на расстоянии в четырех неделях от Тобольска. В результате этого Талай с детьми в 1625 г. кочевал на территории современного Южного Казахстана на реке Юнкеле в 3 неделях пути от Бухары [Русско-монгольские отношения, 1959, с. 136]. К 1630 г. кочевья Талая переместились на запад, на расстоянии месяца пути от Юргенча. В 1625 г. внешне-политические проблемы ойратов были осложнены борьбой между большими тайшами.

Все эти события истории ойратов имели большие последствия для уездов русской Сибири, особенно для ясачного населения. В 1615 г. ясачные татары верхних волостей Тарского уезда сообщили, что они не могут платить яsak полностью, «а как на них приходят наши изменники непослушники ойратские люди и воюют их и детей в полон емлют». К этому времени ойраты захватили часть южных промыслов и зверовий, многих ясачных людей там побили и взяли в плен. Служилые люди Тары писали в 1615 г., что к городу «прилегли многие орды и царевичи, собрався с ойратскими людьми и с ногаи» в 7-8 днях от города и нападают на город и волости [РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 165]. В 1618 г. на ясачные волости Тарского уезда совершил нападение царевич Ишим с ойратами, а осенью тайша Зенгул, что вызвало отправление двух военных экспедиций из Тары.

Начиная с 1620-х гг. ойраты постоянно проникают на южные территории Тюменского уезда, вытесняя оттуда тюрское население. Следующий этап ухудшения русско-калмыцких отношений был связан с борьбой внутри этноса калмыков, вспыхнувшей с новой силой, когда внешняя опасность была на какое-то время устранена. К XVII в. – времени начала русско-калмыцких контактов – ойраты не имели единого государства, разделившись на четыре большие группы, которые в исторической литературе получили название племен, или родов. Во главе каждого из них находился верховный предводитель – большой тайша. Талай возглавлял дербетов, Байбагиш – хошоутов, Харахулла – джунгар и Урлюк – торгоутов.

Объективные обстоятельства первой половины XVII в. делали необходимым для ойратов образование единого государства: ойратов окружали четыре сильных и воинственных народа (монголы, казахи, ногаи и русские). Монголы и казахи представляли главную опасность для ойратов, угрожая самому их су-

ществованию и независимости. Однако сама по себе объективная потребность и даже уровень социального развития не могли создать государства, так как ни одно из четырех ойратских племен не было настолько сильным, чтобы добиться подчинения всех остальных. В то же время внешнеполитическая обстановка заставляла ойратов координировать свою политику и пойти на образование союзов, объединявших знать нескольких племен.

По данным бухарского посла, в 1633 г. большие тайши заключили оборонительный договор, согласно которому каждый из правителей защищал весь ойратский союз от нападения соседей. Урлюк защищал ойратов от ногаев, Талай контролировал Бухару, Куйша – казахов, Батур – монголов. В 1635 г. объединенные силы дербетов и джунгар совершили крупный набег на казахов, по словам послов князя Абака в Тобольске, «был у них бой великой», на котором ойраты разгромили силы Казачей орды и взяли в плен сына Ишима царевича Янгира. В 1635 г. ойраты собирались пойти в поход на монголов.

Политика Русского государства по отношению к ойратам менялась. В декабре 1616 г. Боярская дума постановила основное внимание на востоке уделить именно отношениям с ойратами, с которыми предполагалось обмениваться посольствами и подарками, с целью установления подданства над ними: «приводити их под государеву руку». Центром русско-ойратских связей оставался Тобольск, откуда отправлялись посольства на юг, ойратские посольства к царю должны были сразу отправляться из Тобольска в Москву [Русско-монгольские отношения, 1959, с. 54].

В январе 1621 г. Боярская дума в ответ на запрос тобольского воеводы М.М. Годунова решила не принимать ойратские посольства, приходящие в города Сибири по причине нападений ойратов на ясачное население края. От ойратов требовалось откочевать подальше от русских городов, при этом, однако, предусматривалось продолжение торговых отношений с ойратами, но в особом месте подальше от Тобольска. В 1623 г. из Уфы в Москву были присланы новые ойратские послы, после чего Михаил Федорович приказал принимать посольства на месте в Уфе и сибирских городах, не посылая в Москву, «и для того отказывать, что они люди многие и воинские» не узнали дороги на Москву [Русско-монгольские отношения, 1959, с. 128].

В 20-е гг. XVII в. положение на юге русских владений в Сибири серьезно обострилось. Причиной этого стала борьба между Алтын-ханом и ойратами. В 1620 г. в результате побед Алтын-хана под его влияние перешли енисейские киргизы, которые отказались платить дань в Томск. В свою очередь, к 1621 г. под влиянием киргизов отказалась платить дань в русские города целая группа зависимых от них тюркских и тюркизованных народов Южной Сибири: сагайские татары, магы, саяны, аринцы, тубинцы и моторцы. В 1622-1624 гг. киргизы совершили ряд нападений на территорию Кузнецкого и Томского уездов, разорив те племена, которые продолжали выплачивать ясак русским [Миллер, 1941, с. 68].

В 1624 г. под давлением калмыков отказались платить ясак «многие кузнецкие люди». Калмыки сами стали собирать дань с них, при этом ясачным людям, продолжавшим производить выплаты в Кузнецк, устроили «истесненные великое... мучат и в полон емлют, а иных секут». Воевода, сообщая об этом, писал, что в Кузнецке мало служилых людей и наличными силами невозможно защитить ясачное население.

В 1623 г. калмыки тайши Исенгула (джунгарского улуса) разорили башкирские ясачные волости Кипчак и Томьян Уфимского уезда «башкирцов побили и жен их и детей в полон поимали» [Миллер, 1941, с. 360]. В 1623-1624 гг. калмыки совершили набег на две ясачные деревни у Красного Яра, отогнав лошадей, «а иных и государевых ясачных людей на зверовье переграбили и побили, и ругаючись груди вспарывали», что вызвало ответный набег с Тары на калмыцкие улусы.

К 1624 г. калмыки перекрыли пути из Средней Азии в Сибирь: «пройти немочно». В 1625 г. русские послы жаловались Талаю: «по вся годы калмыцкие люди и государев изменник Ишим-царевич волости, которые к сибирским городам и Уфимскому уезду воюют и государевых ясачных людей в полон емлют». В 1624 г. царевич Ишим умер, его сыновья были еще малы и кочевали с улусом тайши Чокура. Таким образом, Кучумовичи несколько лет не могли организовывать набеги. Однако на юг Сибири нападали ойраты. В 1626 г. торгоуты Урлюка подошли на полтора дня пути к Таре, собирая дань с южных волостей Тарского уезда. Осенью отряды джунгар осадили два русских пограничных острожка – Барабинский и Убинский, полностью разорив верхние волости. В 1627 г. ойраты улуса Урлюка кочевали по р. Тобол в районе р. Утяка, заняв территорию зверовий ясачного населения Тюменского уезда [Международные отношения, 1989, с. 72].

В 1628 г. ойраты заняли южную часть Тюменского уезда, подойдя к городу на расстояние «за 3 днища и ближе», изгоняя ясачных людей Киньрской, Бачкурской и Терсяцкой волостей с их угодий и вотчинных речек и, по словам самих тюрков, «многих ясачных татар на промыслах всех побивают и мягкую рухлядь у них отнимают» [Миллер, 1941, с. 395].

Таким образом, в 20-е гг. XVII в. представители монгольского мира калмыки и монголы Алтын-хана заняли и подчинили своему политическому влиянию всю южную окраину Сибири, от киргизов до Уфимского уезда. Одним из результатов ойрато-монгольского противостояния стал выход из-под русского контроля всего сибирского юга.

Русско-ойратские противоречия в 20-е гг. XVII в. постепенно нарастали. Их главной причиной стала борьба за ясачное население и промысловые территории богатой южной части старого Сибирского царства. Калмыки, потеряв старые кочевья, пытались компенсировать свои потери на сибирском юге, занимая промысловые угодья сибирских татар и подчиняя себе местные группы ясачных людей. При этом калмыки пытались оставить видимость хороших от-

ношений с русскими властями: они нуждались в постоянном товарообмене с русскими городами и опасались повторения русских походов в степь.

Положение неустойчивого мира закончилось в результате движений самих ясачных людей южных окраин Сибири, которые испытывали двойное давление – как со стороны русских властей, которые требовали полного сбора ясака, так и со стороны калмыков, занявших часть их угодий и начавших собирать с них албан. Это движение началось на востоке, где в 1624 г. кузнецкие татары, отказавшись от подчинения русским, готовились к вооруженной борьбе с Кузнецком. Однако наиболее серьезную опасность для русских властей составили движения ясачных татар Тарского и Тюменского уездов.

В 1627 г. на территории Тарского уезда кочевали тайши Айдар, Мангит и многие мелкие тайши. По сообщению Тарского воеводы князя Ю. Шаховского, «прикочевали к государевым верхним волостям... многие калмыцкие люди и государевым ясачным людям чинят утеснение и зверовые их промыслы и рыбные ловли у них отняли [Волкова, 1965, с. 117]. В 1626-1627 гг. ясачное население верхних волостей Тарского уезда (Барабинской, Турашской, Теренинской) и аялымских татар, которые наиболее сильно пострадали в результате прихода калмыков, не смогло выплатить ясак в Тару.

В 1628 г. тарские воеводы потребовали от ясачных выплатить ясак сразу за три года, что вызвало восстание верхних волостей уезда, в ходе которого татары захватили Барабинский острожек, перебив его гарнизон из 30 стрельцов и казаков, а затем вышли к самой Таре. Восстание возглавил глава крупнейшей Барабинской волости князь Когутай. Позднее к нему присоединилась часть томских татар и чатов. Покинувшие русское подданство татары признали власть внука Кучума, царевича Аблайгирима, и также платили дань калмыкам.

Аблайгирим предпринял ряд походов на юг Сибири, рассчитывая поднять всех татар и полностью выбить оттуда русские гарнизоны. Летом 1629 г. царевич с отрядом из 130 калмыков и тюрок прибыл в Чатский городок. Осенью 1629 г. Аблайгирим, собрав 2 000 ойратов, барабинских тюрок и чатов, захватил Мурзин городок, в котором находились русские служилые люди и чаты, еще верные русской власти, а затем разорил тюрские и остяцкие юрты от Чатского городка на реке Оби до устья реки Чулыма.

В 1630 г. Тарлав и его тесть, князь теленгутов, продолжили набеги на тюрок, продолжавших платить ясак в русские города. Под влиянием давления теленгутов и киргизов пограничные тюрские волости Кузнецкого уезда отказались платить ясак. Однако на территории Приобья обстановка вскоре нормализовалась: русские служилые люди совершили два удачных похода, мурза Тарлав умер, а его дети по соглашению были отправлены Абаком в Томск, где их признали в качестве чатских мурз, что и завершило конфликт.

Однако на западе, на территории Прииртышья – Притоболья, натиск калмыков и перешедших на их сторону татарских групп усилился. В ноябре 1631 г. Кучумовичи – Аблай и Девлет-Кирей – с отрядом из 150 барабинцев и калмы-

ков, «куяшников и в панцырях, окромя кошевых людей» совершили набег на Тебендинскую и Коурдацкую волости на Иртыше, а затем на Кречетникову и Капканинскую волости на Вагае. Целью набега было не имущество, а расплата за верность русским властям, большинство мужчин было перебито, а их семьи уведены в плен. В ответ с Тары был послан отряд Ерофея Заболоцкого в 130 служилых людей, который разгромил кочевье калмыков чюрасцев – «черных мужиков» тайши Талая, кочевавших у русских границ и участвовавших в походе Кучумовичей [Русско-моноольские отношения, 1959, с. 168].

В 1631 г., по сообщению тюменских татар, калмыки заняли весь юг Тюменского уезда от реки Тобола до реки Ишима и отняли у них оброчные речки: Куртамыш, Юргамыш и Алабугу. В результате началось бегство ясачного населения Тюменского уезда на юг в улусы Кучумовичей и калмыков. Воеводы, которые не могли местными силами восстановить положение, обратились за помощью в Москву. В ответ на это известие весной 1632 г. в Тюмень была послана грамота царя Михаила Федоровича, которая предписывала воеводе установить добрые отношения с зашедшими в край группами калмыков и уговорить их уйти с территории уезда, восстановив обмен посольствами и торговлю. Только в крайнем случае предписывалось применить военную силу [Миллер, 1941, с. 455].

В 1632-1633 гг. отряды Кучумовичей три раза совершили набеги на поселения ясачных тюрок по реке Исети. В ответ на пограничные нападения летом 1633 г. с Уфы для поимки Кучумовичей был отправлен крупный отряд в 1380 человек под началом головы Ивана Черникова. За Яиком русский отряд нашел и разгромил улусы тайшей Иркитена и Тепшегена, который был убит в бою. Русско-калмыцкие противоречия приняли форму вооруженных столкновений.

В августе 1633 г. русский отряд, совершавший традиционную экспедицию на озеро Ямыш, был окружен и затем осажден силами тайши Куйши, насчитывающими две тысячи «куяшников». По данным пленных, находившихся у калмыков, Куйша не собирался штурмовать острог, а рассчитывал выманить русский отряд в степь и там истребить. В улусе Куйши находились перебежчики из Тарского уезда, во главе которых стоял Кочашко Танатаров. Экспедиция с большим трудом смогла вернуться в Сибирь, где ее участники сообщили, что нападение грозит и самим русским городам: «Кочашко Танатаров просаает у Куйши-тайши воинских людей куюшников, а хочет де идти под сибирские города и на ясачные волости, а дорогу де он ведает». В то же время джунгар тайша Кула, кочевавший южнее Тарского уезда, разорил Барабинскую волость [Миллер, 1941, с. 532].

В 1634 г. крупные отряды кочевников совершили набеги на уездные центры южных уездов Тобольского разряда. Нападение калмыков на Тару и Тюмень, помимо актового материала, отражено в ценной «Повести о городах Таре и Тюмени», написанной в Сибири вскоре после произошедших событий. По сообщению воеводы Тобольска князя Темкина-Ростовского, в 1629 г. вос-

ставшие татары во главе с Кочашко Танатаровым разорили деревни около Тары: «многих людей побили и в полон поймали, и от Тарского города отошли в степь, послали сыскивать Кучумовых внучат» [Миллер, 1941, с. 521]. Затем, соединившись с Кучумовичами, эта группа тарских тюрок разорила ряд южных волостей Тарского и Томского уездов.

В 1634 г., по свидетельству князя Темкина-Ростовского, на Тару было совершено два набега. В 1636 г. в Сибирском приказе был подготовлен доклад, который вносит ряд уточнений в картину набегов 1634 г. Утром 12 сентября под Тару неожиданно вышел отряд «колмацких многих людей» и тюрок, во главе которого находились Кучумовичи и сыновья могущественного Куйши – Онбо и Конгу. Помимо хошоутов Куйши, в набеге приняли участие и дербеты Талая, во главе которых находился сын Тархана батыря, кочевавшего на р. Тобол около русских волостей, Багиш. Позднее было выяснено, что отряд состоял из 400 человек. Нападавшие рассчитывали прежде всего на внезапность, сбили по пути русскую станицу и «станичников гнали до города и с лошадей иных сбили, а иные прибежали в город, а иные пометались в лес». К городу кочевники вышли с разных сторон, перебив и захватив в плен на пашнях служилых людей и отогнав скот. Воеводы выслали из города отряд тарских и тобольских служилых людей, который с большим трудом к вечеру отбил нападавших [Русско-монгольские отношения, 1974, с. 67]. Преследовать калмыков служилые люди не решились: «А поиску де было над калмыцким людьми в те поры учинить некем – людей в Тарском городе было мало, а с ними были и люди многие». Таким образом, русские не только не смогли защитить территорию уезда, но и фактически потерпели поражение под стенами самой Тары – после разорения ее округи нападавшие с добычей смогли уйти в степь.

Через месяц 13 октября 1634 г. на Тару состоялся новый набег, в котором, помимо сыновей Куйши, участвовал и его зять – торгоут Онбо, который, видимо, привел дополнительные силы. По данным Сибирского приказа, бои под крепостью шли два дня – 13 и 14 октября. «Повесть» сообщает, что 13 октября кочевники разорили все русские и тюркские деревни под городом и нанесли поражение гарнизону, вышедшему на вылазку: «граждане же ощутившие иноплеменных нашествие и брань с ними составиша... многие падоша острием меча поганых и мнози от них православнии христиане пленены быша и стада скотские отогнаша» [Сперанский, 1932, с. 27]. Вечером калмыки не ушли в степь, как в прошлый набег, а остановились в семи поприщах от города на р. Ибейке, рассчитывая затем продолжить осаду Тары. Видимо, теперь целью кочевников было не просто разорение округи, но и захват самого уездного центра. Ночью отряд тобольского сына боярского Бориса Черкасова из тарских и тобольских служилых людей, крестьян и тюрок совершил удачную вылазку, разгромил лагерь калмыков, где в сражении были убиты «многие колмацкие воинские люди», сын и зять Куйши, отогнан полон и скот. Тара была спасена, сибирские акты и «Повесть» оценивали эти события как крупную победу русских.

11 ноября 1634 г. Аблай, Девлет-Гирей и Тархан батырь со «многими воинскими калмыцкими людьми» вышли под Тюмень, разорив нижние деревни и посад, перебив и полонив многих русских и тюрок Тюменского уезда [Миллер, 1941, с. 485]. По данным «Повести», кочевники «внезапу приидоша... даже до стен градных и тако... многия веси и села разрушивши и пограблены бывшу всему сокровищу даже и до скота».

По данным «Книги Записной», в ноябре 1634 г. под Тюмень пришли ойраты «многие люди» и подошли к самому острогу. Летопись отмечает, что кочевники не смогли взять город, однако около него «многих людей побили» и взяли в плен людей бежавших из деревень и много скота [ПСРЛ, 1987, с. 153]. Воевода Тюмени И.И. Милюков послал из Тюмени за ними в погоню 300 служилых людей, которые нагнали калмыков, но в бою потерпели поражение и отошли, потеряв 50 человек. По завышенным данным автора «Повести», кочевники убили и взяли в плен в Тюменском уезде «мало не 2 тысячи человек» [Сперанский, 1932, с. 32]. Затем силы кочевников разделились и остановились на территории Тюменского уезда, недалеко от города: 600 калмыков отошли за реку Пышму, а улусные люди тайши Талая вышел на реку Суерь на правой стороне реки Тобола. Главную роль среди калмыков играл Тархан-батырь из улуса Талая, который с отрядом в 400 ойратов кочевал около русской границы, к югу от Тюменского уезда.

Весной и летом следующего 1635 г. набеги кочевников продолжились, были разорены Верхняя Ницынская и Чубарова слободы, несколько десятков татарских семей с реки Исети насильно увезены в степь. Положение на сибирском юге стало критическим, фактически русские власти уже не могли контролировать положение на большей части южных уездов – Тюменского, Тарского и Томского, с большим трудом были отбиты набеги на сами уездные центры. В этих тяжелых условиях Томск едва не был захвачен служилой литвой, представители которой хотели истребить русское население и бежать к себе на родину.

В период 1626-1635 гг. отношения русских и ойратов приобрели фактически военный характер. Причем особенно опасным для русской власти было то обстоятельство, что военные столкновения в приграничных уездах происходили с участием представителей всех четырех улусов – Талая, Батура, Урлюка и Куйши. Особенно острые отношения складывались в это время именно с хошоутами Куйши, обычные пограничные конфликты сочетались здесь с дополнительными причинами.

В 1633 г. в Тару через владения Куйши пришел с торгом бухаретин Казы Казыев, представившийся в качестве посла Бухары. Однако русские власти задержали его в Таре. Куйша потребовал отпустить посла, утверждая, что из-за его долгого отсутствия у него началась война с ханом Бухары Имамкули [Русско-монгольские отношения, 1974, с. 409]. В своих набегах на Тару 1634 г. калмыки требовали выдать им Казы Казыева, обещая в этом случае вернуть всех русских

и тюрок в уезд. Весной 1636 г. Куйша еще раз потребовал от Тарских воевод выдачи бухарского посла, обещая при отказе совершить новый поход на город и уезд. Тарские воеводы, князь Федор Барятинский и Григорий Кафтырев, отпустили бухаретина в улус Куйши по челобитью всех жителей Тары, которые «тебе Государю били челом, чтоб тово бухарского посла отпустить для тово, чтоб за него калмыцкие люди под Тарский город и на твои Государевы ясачные волости войною не пришли и досталь их не разорили» [РГАДА. 214. Ст. 178. Л. 51]. Однако после выдачи бухарского посла Куйша не только не отпустил пленных, но и выдвинул новое требование: вернуть в степи взятых в плен под Уфою Кучумовичей, обещая при отказе разорить Тарский уезд.

Хотя в результате южные города Сибири и устояли, их уезды, по данным источников, были разорены. По сообщению автора «Повести», многие тюрки Тарского и других ближайших уездов, бежавшие от разорения в степь, в улусы больших калмыцких тайшей, которые в то время только и могли обеспечить им защиту, говорили Куйше «о граде Таре, яко уже точию един град стоит, а окрестные уезды до основания разрушены и живущих в нем мало» [Сперанский, 1932, с. 27].

Это сообщение подтверждается и актовым материалом: 13 мая 1636 г. в Таре били челом татары нижних волостей – Аялинской, Коурдацкой, Тебендинской и Соргацкой, которые еще оставались под русской властью, о сложении с них недоборного ясаку на сумму в 215 рублей, которого «на 144 год платить... нечем». По сведениям челобитчиков, в это время калмыки отняли не только юг Тарского уезда (бассейн реки Оми, где зверовали верхние волости), но и основную центральную часть, где калмыки заняли «зверовья и вотчинные места... зверя добыть негде». Часть населения нижних волостей была вынуждена даже оставить свои старые дома: «от калмыцких людей многое время живем в бегах, покиная свои юрты, а калмыцкие люди от нас кочуют блиско» [РГАДА. Ф. 214. Ст. 178. Л. 46].

Главную опасность для русской власти представляли в это время улусы Куйши, Талая и Урлюка, границы которых подходили непосредственно к югу Сибири и захватывали часть ясачных территорий Тюменского и Тарского уездов. Большую опасность в 30-е гг. XVII в. представляли хошоуты, глава которых Куйша сам организовывал походы на южные города Сибири, посылая туда своих ближайших родственников.

Куйша был младшим братом правителя хошоутов Байбагиша. Куйша породнился с Кучумовичами, внук Кучума Аблай женился на племяннице младшей жены Куйши, по данным тобольского воеводы П.И. Пронского [Русско-монгольские отношения, 1959, с. 177]. Более того, Кучумовичи прямо признавали свою вассальную зависимость от Куйши, по данным тобольских служилых людей, Девлет-Гирей привозил Куйше ясак. Можно говорить поэтому, что позиция Куйши в Тарском конфликте была обусловлена не только конкретными причинами (задержкой в Таре бухарского посла), но и тем обстоятельством,

что Куйша, имея вассалами наследников Кучума, рассматривал себя в качестве повелителя Сибири, в случае изгнания оттуда русских. Хошоуты кочевали в это время на юге и на западе от Тарбагатайских гор в долинах рек Или и Эмели.

В середине 30-х гг. XVII в. улус Куйши находился на реке Ямын, в шести неделях от Тары [Миллер, 1941, с. 515]. В улусе Куйши было всего 5 000 кибиток. Куйша, возглавивший хошоутов в это время, являлся младшим братом Байбагиша и породнился с тайшами торгоутов Урлюком и джунгар Батыром. Однако в 30-е гг. XVII в. наиболее тесные отношения связывали Куйшу с Талаем. В это время Талай и Куйша совместно кочевали в месяце пути от реки Эмбы «к Юргенчи» и ходили в походы.

В русских источниках того времени Куйша назван «братом» Талая, и тот и другой принадлежали к «большим тайшам» – высшей знати ойратов [Русско-монгольские отношения, 1959, с. 153]. Первый контакт русской власти с ним состоялся в 1630 г. при следующих обстоятельствах. В августе 1630 г. в Уфу прибыл посол Куйши Култайко, отправленный в Москву. Однако с 1623 г. ойратских послов в Москву не пускали, и Култайко был задержан в Уфе. В Посольском приказе вообще не придали этому посольству никакого значения, не прислав ответа на запрос воеводы Уфы И.Г. Желябужского по поводу посольства до 6 декабря, когда воеводе пришлось вторично писать в Москву [Русско-монгольские отношения, 1959, с. 158]. Подобная практика, обычная для порядков Москвы, была оскорбительна для ойратской знати. Помимо того, русская власть пыталась в это время остановить продвижение ойратов на запад различными средствами, не дав им занять территории традиционных соседей – сибирских татар, башкир, и ногаев, которые находились в большей или меньшей степени в орбите Москвы. Это неизбежно вело к нарастанию конфликта между русскими и ойратами.

В 20-е гг. XVII в. под ударами монголов ойраты продолжили движение на запад. В результате ойратский союз занял территории от р. Иртыш до р. Волга. Ойраты стали главным кочевым соседом русских на юге Западной Сибири. В это время они заняли южные земли Тарского, Тюменского, Тобольского уездов, изгоняя оттуда ясачное население. Русские власти Сибири не имели достаточных военных сил для защиты южных уездов. В 1634 г. ойраты при поддержке тюркского населения и Кучумовичей организовали крупные набеги на главные политические русские центры на юге Западной Сибири – Тару и Тюмень. Эти набеги показали силу кочевников, которые разорили территорию южных уездов.

Источники и литература

Боговяленский С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в. // Исторические записки. М. : Изд-во АН СССР, 1939. Т. 5. С. 48-101.
Волкова К. В. Восстание татар Тарского уезда 1628-1631 гг. // Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1965. Вып. 2 : Экономика, управление и культура Сибири XVII-XIX вв. С. 112-127.

Международные отношения в Центральной Азии XVII-XVIII вв. Кн. 1 : Док. и материалы. М. : Наука, 1989. 374 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. 638 с.

Русско-монгольские отношения 1607-1636 : сб. док. М. : Вост. лит., 1959. 352 с.

Русско-монгольские отношения 1636-1654 : сб. док. М. : Вост. лит., 1974. 472 с.

Полное собрание русских летописей. М. : Наука, 1987. Т. 36 : Сибирские летописи. 382 с.

Сперанский М. Н. Повесть о городах Таре и Тюмени // Труды Комиссии по древнерусской литературе Академии наук. Л., 1932. Т. 1. С. 13-32.

Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М. : Вост. лит. РАН, 2002. 752 с.

Ж.М. Сабитов

г. Астана

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АБУЛХАИР-ХАНА В ВОСТОЧНОМ ДЕШТ-И-КИПЧАКЕ В 20-60-Е ГОДЫ XV ВЕКА

Правление Абулхаир-хана наиболее полно представлено в письменных источниках, но при этом до сих пор нет четкой картины его правления. Попытка описания правления Абулхаир-хана, предпринятая Б.А. Ахмедовым, по нашему мнению, привела только к всеобщему запутыванию вопроса в силу создания историографических мифов, таких как четкость хронологии правления Абулхаир-хана [Сабитов, 2009; Сабитов, 2012], а также формирования этноса «кочевых узбеков».

Как известно, обстоятельства прихода Абулхаир-хана к власти описаны в трех источниках:

1 Джаннаби.

2 Тарихи Кипчаки.

3 Тарихи Абулхаир-хани.

Джаннаби с отсылкой на рукопись ат-Ташкенди пишет, что Абулхаир стал ханом, убив на охоте Махмуд-ходжа-хана. В оставшихся сочинениях сказано, что Абулхаир-хан победил Махмуд-ходжа-хана в битве. Скорее всего, ат-Ташкенди писал свою рукопись на тюркском языке, в то время как Джаннаби писал на арабском языке. Вполне возможно при переводе рукописи был осуществлен не совсем корректный перевод и так появился эпизод «с убийством на охоте». Кроме того, стоит отметить, что Хафиз Мухаммед ат-Ташкенди был внуком брата Али Карши (Кушчи), который умер в 1474 году [История Казахстана в арабских источниках, Т. 1, 2005, с. 385]. То есть сам ат-Ташкенди не был современником Абулхаир-хана. Таким образом, свои знания о событиях времен правления Абулхаир-хана он почерпнул из различных письменных источников. Можно предположить, что хафиз Мухаммед ат-Ташкенди заимствовал

отрывок об убийстве Махмуд-ходжи из сочинения Масуда Кухистани. Таким образом, его сообщение об убийстве на охоте Махмуд-ходжи Абулхаир-ханом может являться искаженным сообщением Масуда Кухистани.

Таким образом, мы склоняемся к версии из сочинения Масуда Кухистани, согласно которой Махмуд-ходжа бежал с поля боя («с помощью быстроходной лошади хотел унести свою душу с поля брани и сражения в здравии»), но был настигнут и убит.

Наиболее противоречивым моментом является участие Абулхаира в битве с Джумадук-ханом. Существуют две версии, на чьей стороне участвовал Абулхаир в битве Джумадука с восставшими. Они обе проистекают из двух противоречащих друг другу источников – Тарихи Абулхаир-хани и Тарихи Кипчак-хани.

Согласно Масуду Кухистани эмиры Кепек-ходжа-бий мангыт (скорее всего буркут, отец Умар-бия, «Ходжа Тайбугид»), Умар-бий буркут, Мута-ходжа, Турди-ходжа мангыт, Джатан-Мадр нукус, Бай-ходжа-бахадур, Сарыг-Шиман мангыт, а также эмиры, убившие Гази-бия мангыта, выступили против Джумадука. Абулхаир возглавил левое крыло войска Джумадука, а правое крыло возглавил некий Ходжа-оглан (видимо, это упоминаемый ниже Саат-ходжа-оглан, сын Шадибек-хана) [История Казахстана в персидских источниках, Т.4, 2006, с. 46; История Казахстана в персидских источниках, Т. 3, 2006, с. 437].

Битва произошла в местности Джайтар-Джалкин. В битве погиб Джумадук, погиб также Саат-ходжа от рук Бай-ходжи-бахадур. А сам Абулхаир был взят в плен Сарыг-Шиманом мангытом.

В Тарихи Кипчаки написано: «В союзе с Абу-л-Хайр-ханом [они] тайно убили его (Гази). Джумадук-хан узнал о том обстоятельстве. В мыслях [он] решил [наказать] Абу-л-Хайр-хана за измену. Упомянутый хан, проведая о той тайне, отделился с частью войска хана и бежал в Джитар, который был местом его рождения. Джумадук-хан с семьюдесятью тысячами человек пошел на него, а Абу-л-Хайр-хан вышел навстречу с тысячьо всадников. Бахадурь обоих потоков войск обратили лицо отваги в сторону поля битвы. На ристалище вышел Бай-ходжа-бахадур из войска Джумадук-хана [и начал] вызывать мужей [из войска Абу-л-Хайр-хана на поединок]. Сразиться с ним вышел Сагын-ходжаоглан, [который] был убит. Говорят, [что он] отправил в дом вечности двенадцать огланов. Наконец Хан-и Бузург и другие витязи отпустили поводья коней [и] обратили противника в бегство. Джумадук-хан был убит. Хан-победитель прибыл в основной юрт» [Материалы по истории Казахских ханств, 1969, с. 390].

Д.Н. Маслюженко считает, что Абулхаир возглавлял восставших в битве против Джумадука [Маслюженко, 2012, с. 79]. Он аргументирует тем, что автору Тарихи Кипчак-хани «не нужно было приукрашивать роль Абулхаир-хана в данных событиях». По нашему мнению, никакого приукрашивания роли Абулхаира нет в Тарихи Абулхаир-хани касательно событий в битве с

Джумадуком. Кроме того, если бы Абулхаир действительно победил в битве с Джумадуком, Масуд Кухистани это очень красочно описал бы и преподнес, как это было в описаниях битв с другими Джучидами. Наоборот, мы видим возвеличивание роли «победы» Абулхаира в Тарихи Кипчак-хани. Здесь можно предположить, что автор Тарихи Кипчаки либо сам сознательно исказил картину с целью возвеличить Абулхаир-хана, либо переписал данный отрывок из сочинения, в котором была попытка возвеличивания Абулхаир-хана. Данное возвеличивание видно в следующей мысли: Абулхаир, имея всего одну тысячу всадников, победил 70 тысячное войско Джумадука, убив его. Также стоит отметить, что убийство Кази не могло быть причиной, почему Джумадук хотел наказать Абулхаира, так как Кази был беклярибеком Кучук Мухаммеда, а не Джумадука. Другим аргументом против достоверности Тарихи Кипчак-хани является аргумент о слишком большом хронологическом разрыве между событиями времен жизни Абулхаира и жизнью самого автора Тарихи Кипчак-хани.

Таким образом, мы считаем, что Абулхаир в самом начале карьеры служил Джумадуку, принимая участие в битве на его стороне против мятежников, которые, скорее всего, не имели формального руководителя-Чингизида.

Здесь стоит упомянуть генеалогию как самого Джумадука, так и Саатходжи. Согласно Муизз ал Ансаб Джумадук был сыном Суфи, сына Суйунчика (брат Бабы), сына Тунки, сына Бадагула, сына Джучи-Буки, сына Бахадура, сына Шибана [История Казахстана в персидских источниках, Т. 4, 2006, с. 420].

Согласно Таварихи Гузидаи Нусрат-наме Джумадук был сыном Суфи, сына Бабы, сына Суйунчбая, сына Суйунч-Тимура, сына Минг-Тимур-хана, сына Бадагула, сына Джучи-Буки, сына Бахадура, сына Шибана [История Казахстана в персидских источниках, Т. 3, 2006, с. 431]. Скорее всего, генеалогия из Таварихи Гузидаи Нусрат-наме более точна.

Ранее мы отмечали, что Суфи и его сын Джумадук имели хорошие связи с Улугбеком. Суфи еще в сентябре 1420 года был послом Барака к Улугбеку, а Джумадук вскоре после завоевания Бараком узбекского улуса (1423 г.) приехал как посол Барака к Улугбеку с сообщением о восшествии на престол Барака [Ахмедов, 1965, с. 122-123]. Видимо, вскоре после начала конфликта Улугбека и Барака Улугбек смог договориться с Джумадуком и его эмирами о поддержке Улугбеком притязаний Джумадука на ханский престол. Улугбек тем самым хотел создать буферное государство, которое защищало бы его владения от набегов Барак-хана. Согласно Муиззу Джумадук стал ханом в 829 году хиджры (1425-26), «несмотря на то, что его отец еще был жив» [История Казахстана в персидских источниках, Т. 4, 2006, с. 42], что больше соответствует 1426 году. В 1427 году войско Улугбека, поддержанное, скорее всего, войсками Джумадук-хана, выступило в поход против Барака. Барак разбил это войско, и весь год совершал набеги на владения Тимуридов до тех пор, пока на него не выступил Шахрух [Сабитов, 2009, с. 169].

Далее, как мы знаем, Абулхаир попал в плен Сарыг-Шиману мангыту,

был им отпущен на свободу. Далее он провел зиму в гостях у Алаша-бахадур, «калантара большого аймака. Алаша-бахадур и прочие калантары того большого и выдающегося племени почитали и уважали того могущественного султана». Можно отождествить данного Алаша с Алаша (предок казахского клана Алаша) из племени Алшин (Алчи-татар). Согласно шежире данный Алаша был сыном Султансиыка, сына Кыдыржи, сына Асанжи, сына Кыдуара, сына Алау [Үсенбаев, 2003, с. 456]. В другом шежире он имеет следующую генеалогию: Алаша – сын Султансиыка, сына Кыдыржи, сына Кыдуара, сына Алау [Сәдібеков, 1994, с. 110]. Алау Алшин встречается в списке эмиров хана Джанибека, то есть он уже был взрослым человеком в 1342-1357 годах. Алаша же, согласно Масуду Кухистани, зимой 1429-30 года принимал в гостях Абулхаира.

Далее встречается известие, которое ставит перед нами вопрос. Абулхаир избирается ханом. Но абсолютно непонятно, почему именно он был выбран. Судя по всему его четырьмя карачи-беками вначале ханствования стали Бузанчар кият (потомок Исатая кията), Мухаммед-бек кунграт (потомок Алибека кунграта), Тангриберды-бек тумен и Ваккас-бек мангыт (внук Едиге) [Материалы по истории Казахских ханств, 1969, с. 16-17]. Генеалогия Тангриберды-бия следующая: сын Арслан-бия, сына Ихсан-бия, сына Солтан-бия, сына Майкы-бия (не путать с Майкы-бием уйсунум), сына Тумен-бия [Башкирские шежере, 1960, с. 158], которого можно отождествить с Тук-Бугой Туменом, одним из эмиров Шибана и его детей, который управлял Крымом в эпоху правления Берке.

Первый противник Абулхаир-хана Махмуд-ходжа известен по сообщениям Утемыша хаджи. Он «был могучим и знаменитым ханом. Совместно с представителями эля Тура он воевал против туменей кунграт и салджигут, победив их смог подчинить себе государство» [Исхаков, 2009, с. 118]. Здесь Тумен нужно понимать не как владений или племен (тумен – 10 тысячный отряд), а как название племени. Таким образом, против Махмуд-ходжи воевали тумены, кунграты и салджиуты, которые были побеждены.

Далее у Утемыша-хаджи сказано: «Такой маленький хан (Махмудек-ходжа) воевал с мирзой Едигером, сыном бия салджигутского тумена Тайбуги» [Исхаков, 2009, с. 118]. Но, судя по всему, здесь была допущена ошибка. А-З. В. Тоган, переводя этот отрывок, писал не про Кучук-хана (маленького хана), а про Кучум-хана [Тоган, 2010, с. 40]. С учетом того, что его врагом действительно был Едигер, можно предположить, что в данном отрывке прочтение Кучум более предпочтительно, чем Кучук. Если исходить из правильности написания этого отрывка (Кучум), то можно предположить, что Тайбугиды действительно были из рода Салджиут. Ранее мы считали, что они происходят из рода Буркут [Сабитов, 2012; Сабитов, 2010]¹. Вполне можно предполо-

¹ Аргументы против [Парунин, 2011, с. 94-111].

жить, что здесь нет противоречия. Вполне возможно, что Буркут был подродом Сальджиутов, из которого происходила династия Тайбугидов.

Как мы увидим ниже, представители родов кунграт и тумен (подроды Тубай-Тумен и Мингбеги Тумен) были среди тех, кто избрал Абулхаира ханом, а также среди тех, кто сопровождал Абулхаира во времена казачества.

Вопрос о том, как Абулхаир достиг ханского звания, неразрывно связан с вопросом правления Хызыр-хана (дяди Абулхаир-хана). Ранее мы утверждали, что «Хызыр-хан был объявлен ханом эмирами, убившими Кази, сына Едиге. Первоначально эти эмиры бежали от Махмуд-ходжи-хана к Джумадуку, рассчитывая на определенную милость Джумадука к врагам его врага, но встретив холодный прием, данные эмиры ушли от Джумадука и объявили Хызра ханом. Против них вышел Джумадук. В битве юный Абулхаир был на стороне дяди Хызра, в той битве погибли и Джумадук и Хызыр-хан, после битвы многие эмиры возвели на место Хызра его племянника Абулхаир-хана» [Сабитов, 2011]. Теперь же мы можем утверждать, что Гази никогда не был беклярибеком у Махмуд-ходжи. Согласно тимуридским источникам его соратником был брат Султан-Махмуд, убитый Гази в 1429 году, а не Махмуд-ходжа [Сабитов, 2013, с. 55].

Сейчас мы можем предположить, что Хызыр-хан в союзе с кунгратами, туменами и салджиутами воевал против Махмуд-ходжи, который разбил их и возможно стал причиной гибели Хызыр-хана, после чего Абулхаир оказался в стане Джумадука. После смерти Джумадука те племена, которые ранее поддерживали Хызыр-хана, могли провозгласить Абулхаира ханом и поставить его руководить борьбой с Махмуд-ходжой.

Стоит отметить, что в исторической науке утвердилось ошибочное мнение о том, что Абулхаир был избран ханом в 1428 [Кляшторный, Султанова, 1992, с. 218; История Казахстана, 2010, с. 593] или в 1429 году [Ахмедов, 1965, с. 46; История татар, 2009, с. 724]. Это, видимо, исходит из желания опереться на животный календарь (год обезьяны по нему приходится на 1428 год).

Можно согласиться с мнением Д.Н. Маслюженко [Маслюженко, 2012, с. 79] о том, что Абулхаир был избран ханом в 1430 году. Как мы знаем, сам Кази был убит после 20 июля 1429 года (дата сообщения об убийстве им своего брата Султан-Махмуда) [Сабитов, 2013, с. 56]. Таким образом, все события, связанные со смертями Кази и Джумадука, произошли во второй половине 1429 года.

К примеру, при избрании Абулхаира ханом среди его ближайших соратников упомянуты два сеида, Бузунчар кият, Ваккас мангыт и восемь огланов. Здесь можно привести имена этих джучидов и их генеалогии.

1 Мурат-Суфи (Март-Суфи) и его сын Мане (Манадан или Манадам) из куйуна Тангут. Мурат-Суфи был сыном Тубая (Тумая), брата Базарчи-хана из потомков Тангута, сына Джучи [История Казахстана в персидских источниках. Т. 3, 2006, с. 433].

2 Бишкада (Ташбект) и его брыт Хызыр-шейх из куйуна Иджан. По всей видимости, они были потомками Орда-эджена. Их генеалогии нет в Ленинградском списке Таварихи Гузидаи Нусрат-наме (там нет также генеалогии потомков Орда-эджена), но вполне возможно их генеалогии будут обнаружены в Лондонской копии Таварихи Гузидаи Нусрат-наме, где есть раздел о потомках Орда-эджена.

3 Хасан (Хусейн) из куйуна Чинбай (Чимбай). Судя по всему, он имел следующую генеалогию: Хусейн, сын Ак-кочкара, сына Бачмана (башкирский хан), который был потомком Чимбая, сына Джучи [История Казахстана в персидских источниках, Т. 3, 2006, с. 434].

4 Балх из куйуна Шад-Бахтлык. По нашему мнению, он имел следующую генеалогию: Балх, сын Булата, сына Даулат-шаха, сына Буралкы, сына Кутлук-Тимура, сына Сайилкана, сына Шибана, сына Джучи [История Казахстана в персидских источниках, Т. 3, 2006, с. 432].

5 Мустафа из куйуна Байанкеджар. Он имел следующую генеалогию: Мустафа, сын Мусы, сына Ак-берди, сына Казана, сына Байанкеджара, сына Джучи-Буки, сына Бахадур, сына Шибана, сына Джучи [История Казахстана в персидских источниках, Т. 3, 2006, с. 430]. Его не стоит путать с Мустафой, противником Абулхаира, имевшим другую генеалогию.

6 Тимур-оглан. К сожалению, его генеалогия не ясна. Можно предложить три версии.

6.1 Он тождествен Тимур-шейху, сыну Туглу-хаджи, сына Араб-шаха, сына Пулада, сына Минг-Тимур-хана, сына Бадагула, сына Джучи-Буки, сына Бахадур, сына Шибана, сына Джучи [История Казахстана в персидских источниках, Т. 3, 2006, с. 430]. Он является отцом Ядигера. Этому частично противоречит то, что, по Масуду Кухистани, данный Тимур кроме воцарения Абулхаира участвовал также в битве против калмаков Уз-Тимур-тайши, которая косвенно датируется 1457 годом. Как мы знаем из абулгази, Ядигер родился спустя некоторое время после смерти отца. Если его отец умер в 1457 году, то Ядигер физически не мог иметь к 1461 году взрослого сына Бурекеоглана, который в это время участвовал в военных действиях в Средней Азии. В то же время мы знаем, что Тимур-шейх был убит в битве с калмаками, а Тимур участвовал в битве с калмаками, возможно предположить, что Масуд Кухистани ошибочно вставил Тимура в список эмиров, воевавших в 1457 году с калмаками, притом что Тимур погиб в битве с калмаками около начала 1430-х годов. Этим можно объяснить его почти полное отсутствие в военных походах Абулхаир-хана.

6.2 Тимура можно отождествить с Тимур-Маликом, сыном Базарчи-хана из потомков Тангута [История Казахстана в персидских источниках, Т. 3, 2006, с. 433]. В этом случае он был бы кузеном Мурат-Суфи.

6.3 Тимура можно отождествить с Ягы-Тимуром, сыном Бектута (полководец Тохтамыш), сына Данишменда, сына Баяна, сына Тука-Тимура, сына

Джучи [История Казахстана в персидских источниках, Т. 3, 2006, с. 440]. В этом случае он был бы родным братом Крымского хана Бек-Суфи (1419-1422). Рассмотрев все три версии, мы склоняемся к первой из них.

7 Даулат-Суфи и Барак из куйуна Каанбайлы. По нашему мнению, данный Барак был сыном Ургудака, сына Кончака, сына Саричи [История Казахстана в персидских источниках, Т. 3, 2006, с. 435], сына Уран-Тимура, сына Тука-Тимура. А Даулат-Суфи был его сыном, который не отмечен в Таварихи Гузидаи Нусрат-наме, но, возможно, присутствует в Муизз ал Ансабе [Сабитов, 2009, с. 170]. Таким образом, Барак, по нашему мнению, был двоюродным дядей Тохтамыша. Во времена Абулхаира он уже был глубоким стариком. Другой вариант связывает их с потомками Каганбая (Каганбек), отца Махмуд-ходжи. То есть Даулат-Суфи и Барак были родственниками Махмуд-ходжи (братья или племянники).

8 Шайх-Суфи из куйуна Бувал (прочтение И. Мустакимова, В.П. Юдин прочитал этот отрывок как бу эльден – из этого же эля). По нашему мнению, он тождественен Шайх-Суфи, сыну Шайх-ходжи, сына Пир-Махмуда, сына Менгасира, сына Абая [История Казахстана в персидских источниках, Т.3, 2006, с. 437], сына Кин-Тимура, сына Тука-Тимура, сына Джучи. Либо он был потомком Бувала, сына Джучи, исходя из названия своего куйуна.

9 Идель (в большинстве мест правописание имени искажено) из куйуна Сунгкар. По нашему мнению, он тождественен Хайан-суфи, сыну Ораза, сына Отама, сына Тудама, сына Ходжи, сына Берди-шайх-суфи, сына Буарсака, сына Ширамуна (или Йису-Буки), сына Сункура, сына Джучи [История Казахстана в персидских источниках, Т. 3, 2006, с. 434].

Во времена избрания Абулхаира ханом буркуты, дурманы (дурмены), найманы, тумены и кунграты не играли значительной роли. Буркуты вовсе не указаны в списке эмиров, первый кунграт Мухаммед-бек упомянут на 15 позиции, первый дурман Якуб указан на 18 позиции, первый найман Шейх-Суфи указан на 23 позиции, а первый тумен Мумин-Дервиш тубай (Тубай, судя по Таварихи Гузидаи Нусрат-наме, подразделение рода Тумен) упомянут на 28 позиции.

В то же время известно, что сразу после избрания Абулхаир пошел в поход на Тару, а после на Махмуд-ходжу. Интересным является тот факт, что расстановка эмиров за неполный год поменялась существенно. Не упомянут вообще Ваккас мангыт. В одном списке Тарихи Абулхаир-хани не упомянут также Бузунчар кият, в то время как в другом списке, он упомянут, как Бузунчар буркут (исправлен на кият) [Ибрагимов, 1958, с. 89]. Также племя Дурман заняло ведущие позиции на правом крыле, сразу после сеидов. Племена Буркут, Кунграт, Найман заняли ведущие позиции на Левом крыле. Стоит отметить, что потом после победы над Махмуд-ходжой роль буркутов и особенно дурманов резко упала. Дурманы потом уже никогда не упоминались на столь высоких позициях.

В битве с Махмуд-ходжой были убиты Мухаммад-Гази-султан и Судайаш-султан. Судайаш, по нашему мнению, был Сузандж-султаном, сыном Махмуд-ходжи [История Казахстана в персидских источниках, Т. 3, 2006, с. 428].

Ранее нами уже высказывалась мысль о том, что поход Абулхаир-хана на Хорезм нельзя датировать 1430-1431 годами, так как этот поход был совершен войсками Кучук Мухаммеда [Сабитов, 2009, с. 173]. Набег Абулхаир-хана был осуществлен в 839 году хиджры (1435-1436), а уже в следующем году Шахрух пожаловал Хорезм Абулхаир-хану. Видимо, этот акт пожалования был мерой, признающей сложившийся к тому моменту статус-кво и призванной мирно решить конфликт между Абулхаир-ханом и Шахрухом. Шахрух, даруя Хорезм, этим актом хотел получить мир от Абулхаир-хана и прекращения набегов на Тимуридские владения. Судя по всему, это ему удалось, так как сам Абулхаир-хан не производил набегов до смерти Шахруха на Тимуридские владения. Такие набег осуществляли «казаки узбекские» [История Казахстана в персидских источниках, Т. 3, 2006, с. 379], то есть степная вольница без участия хана.

Самым запутанным моментом истории ханства Абулхаир-хана является вопрос об отношениях Абулхаир-хана с правителями Большой орды (Нумканов улус, Тахт эли). Об отношениях Кучук-Мухаммеда и Абулхаир-хана неизвестно вообще ничего. Отношения его детей и Абулхаир-хана описаны в общих чертах. Кроме того, существует нумизматический материал (монеты чекана Хаджи-Тархана), который позволяет утверждать, что ханом в Большой орде также был Мустафа, сын Гиясадина, сына Шадибека [Гаев, 2002, с. 43; Зайцев, 2006, с. 29]. К сожалению, датировка его правления хронологически на основе нумизматических данных не прослеживается. В Таварихи Гузидаи Нусрат-наме указано, что Абулхаир дважды лишал Ахмада и Махмуда, сыновей Кучук Мухаммеда, престола и подчинил себя страны Буляр и Булгар [Мустакимов, 2009, с. 219]. Утемыш-хаджи пишет, что всего Абулхаир-хан занимал Тахт эли трижды, после чего на его имя в Орду-Базаре читалась хутба [Трепавлов, 2010, с. 65].

Как известно, Мустафа-хан после поражения правил в Хорезме до того, как его не сверг Якуб-оглан, которого мы отождествляем с Якубом, сыном Кучук Мухаммеда.

Известно, что Мустафа чеканил монеты без указания года в Хаджи-тархане. Таким образом, можно предположить, что фактически Абулхаир-хан захватывал территорию Тахт эли (Большая Орда) три раза: два раза он отбирал территорию у детей Кучук Мухаммеда и до этого он отобрал данную территорию у Мустафы-хана, чьим беклярбеком был Ваккас.

У Махмуда бен Вали упомянуто, что изначально Абулхаир-хан победил Махмуда, сына Кучук Мухаммеда, обратив его в бегство. Потом Абулхаир-хан пошел походом на Хорезм, выгнав оттуда потомков Едигея. После этого Абулхаир-хан снова совершил поход на Ахмада и Махмуда, сыновей Кучук Мухаммеда. Сыновья Кучук-Мухаммеда бежали от Абулхаир-хана и спрята-

лись в одной из крепостей на территории Мангышлака, где пребывали вплоть до смерти Абулхаир-хана [Алексеев, 2006, с. 84-85], а не до неудачи Абулхаир-хана в войне с калмаками, как считает В.В. Трепавлов [Трепавлов, 2010, с. 62]. С учетом того, что в 1465 году Махмуд потерпел поражение от Хаджи-Гирея [Трепавлов, 2010, с. 63], мы можем предположить, что этот эпизод его жизни был в промежутке между двумя битвами с Абулхаир-ханом.

Можно согласиться с мнением Д.Н. Маслюженко о том, что время смерти Кучук Мухаммеда является довольно спорным [Маслюженко, 2012, с. 84]. Ранее мы считали, что первое столкновение Абулхаир-хана и детей Кучук-Мухаммеда произошло в 1460-х годах [Сабитов, 2009, с. 177]. Сейчас же мы можем высказать новую версию событий. После смерти Шахруха между 1446-1449 годами Абулхаир смог захватить ряд присырдарьинских городов. Ваккас получил один город и оказался недовольным этим. Впоследствии это вылилось в переход в стан врагов Абулхаир-хана. После смерти Кучук-Мухаммеда (предположительно в интервале между 1445 и до первой половины 1450-х годов, вероятнее всего, в 1449 году) Абулхаир-хан, воспользовавшись хаосом междуцарствия, вторгся в Тахт эли, где смог захватить ханскую ставку Орду-базар, но не смог захватить город Хаджи-Тархан. Скорее всего, это случилось около 1449 года, так как в это же время Сеид-Ахмад смог захватить Подонье, которое ранее принадлежало Большой орде [Трепавлов, 2010, с. 53]. Дети Кучук Мухаммеда не смогли сразу оправиться от удара, так как они были еще в подростковом возрасте. Видимо, тогда же знать Большой орды в союзе с потомками Едигея (Ваккас и другие мангыты, ушедшие от Абулхаир-хана) решила возвести на престол Мустафу, сына Гиясаддина, сына Шадибека, который к тому времени был уже взрослым человеком (его отец умер приблизительно около 1425 года). Они выступили в поход против Абулхаир-хана и на реке Атбасар потерпели сокрушительное поражение. После этого Мустафа вынужден был бежать в Хорезм, где правил до 1460-1461 годов. Видимо, из Хорезма он продолжал контролировать Хаджи-Тархан и Тахт эли. Таким образом, в промежутке между правлением Кучук-Мухаммеда и правлением его детей Большой ордой правил Мустафа, также происходивший из Нумканового дома и приходившийся Кучук-Мухаммеду 4-родным братом.

С 1460 года Ахмад, Махмуд и Якуб стали соправителями и стали бороться за трон Большой орды. В 1460-1461 годах Якуб, брат Ахмада и Махмуда в союзе с кунгратами поднял восстание в Хорезме против Мустафы и смог его свергнуть. Мустафа бежал на Мангышлак. Но вскоре Якуб умер, оставив двух детей Башиака и Джуака, которые стали соправителями Махмуда и Ахмада и участвовали в их битве против Абулхаир-хана. В новой битве Ахмад, Махмуд и дети Якуба были заново разбиты, Абулхаир-хан снова захватил Орду-Базар. Эту битву можно датировать 1460-ми годами. Видимо, с той поры до смерти Абулхаир-хана дети и внуки Кучук-Мухаммеда старались не проводить активную политику на восточном направлении.

Другим внешнеполитическим вектором военно-политической экспансии для Абулхайр-хана являлись Тимуридские владения Южного Казахстана и Средней Азии. Границей между двумя государствами до смерти Шахруха был город Туркестан. После смерти Шахруха Абулхайр-хан захватил три города: Сыгнак, Узгенд, Сузак. В 1447 году Абулхайр-хан совершил набег и дошел до Самарканда [Ахмедов, 1965, с. 127]. Видимо, тогда между Абулхайром и Улугбеком были какие-то договоренности и был заключен династический брак, когда дочь Абулхайр-хана Фулана вышла замуж за Улугбека [История Казахстана в персидских источниках, Т. 4, 2006, с. 161]. В дальнейшем судьба Фуланы не известна, но при этом известно, что Абу Сеид был женат на Ханзаде, дочери Абулхайр-хана [История Казахстана в персидских источниках, Т. 4. 2006, с. 178]. Судя по всему, Ханзада (дочь хана – дословный перевод) и Фулана были одним и тем же лицом. В 1451 году Абулхайр-хан помог Абу Сеиду овладеть Тимуридским престолом и получил в жены Рабигу Султан-бегим, дочь Улугбека. Предположительно в 1457 году (дата устанавливается на основе косвенных данных) Абулхайр-хан потерпел поражение от калмаков Уз-Тимур-тайши. В битве погиб двоюродный брат Абулхайр-хана Бахтияр, а также сын самого Абулхайр-хана Ахмед. В 1461 году¹ Абулхайр-хан поддержал притязания Тимурида Мухаммеда Джуки и выделил ему войска с Бишканд-огланом (потомок Орда-эджена) и Буреке-огланом (потомок Арабшаха). Авантюра Мухаммеда Джуки закончилась неудачно. В конце жизни Абулхайр-хан стал поддерживать Хусейна Байкару, но не успел помочь ему войсками, так как он скончался зимой 1469-1470 года. Т.И. Султанов считает, что Абулхайр-хан умер зимой 1468-1469 года [Кляшторный, Султанов, 1992, с. 237]. Указанный у Масуда Кухистани и Махмуда Бен Вали 874 год хиджры (июль 1469-июнь 1470) как год смерти Абулхайр-хана нам кажется более достоверным, так как датировка по хиджре у вышеуказанных авторов не противоречит другим событиям и более достоверна, чем события, высчитанные на основе животного цикла. Таким образом, Абулхайр-хан правил 40 лет с 1430 по зиму 1469/70 годов.

Источники и литература

Алексеев А. К. Политическая история Тукай-Тимуридов : по материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асар. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. 229 с.

Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М. : Наука, 1965. 194 с.

Башкирские шежере. Уфа, 1960. 305 с.

Гаев А. Г. Генеалогия и Хронология Джучидов // Древности Поволжья и других регионов. Нижний Новгород, 2002. Вып. 4. Т. 3. С. 9-55.

Зайцев И. В. Астраханское ханство. М. : Восточная литература, 2006. 303 с.

Ибрагимов С. К. Сочинение Масуда Бен Османи Кухистани «Тарихи Абулхайр-хани» //

¹ Данная датировка, опирающаяся на Тимуридские источники, более достоверна, чем датировка взятая из рассказа Абулгази (1456 год) [Сабитов, 2012, с. 97].

- Известия АН КазССР. Серия истории, археологии, этнографии. 1958. № 3. С. 85-102.
- История Казахстана в арабских источниках. Алматы : Дайк-Пресс, 2005. Т. 1. 711 с.
- История Казахстана в персидских источниках. Алматы : Дайк-Пресс, 2006. Т. 4. 620 с.
- История Казахстана в персидских источниках. Алматы : Дайк-Пресс, 2006. Т. 3. (Муизз ал Ансаб). 672 с.
- История Казахстана с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Алматы : Атамура, 2010. Т. 2. 624 с.
- История татар с древнейших времен : в 7 т. Т.3. Улус Джучи (Золотая орда) XIII – середина XV в. Казань, 2009. 1056 с.
- Исхаков Д. М. Новые данные о клановой принадлежности «Сибирских князей» Тайбугидов // Золотоордынская цивилизация. Вып. 2 / отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань : Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. С. 117-120.
- Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан : летопись трех тысячелетий. Алматы : Рауан, 1992. 373 с.
- Маслюженко Д. Н. Политическая история становления ханства Абулхаира на юге Западной Сибири // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2012. Вып. 4. С. 76-88.
- Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата : Наука, 1969. 650 с.
- Мустакимов И. А. Владения Шибани Абулхаир-хана по данным Таварихи гузида Нусрат-наме // Национальная история татар. Теоретико-методологическое введение. Казань, 2009. С. 214-232.
- Парунин А. В. Тайбугиды: от клана к княжеской династии // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань : Изд-во «Ихлас», 2011. Вып. 3. С. 94-111.
- Сабитов Ж. М. К вопросу о буркутах в Западной Сибири в XV веке // Сулеймановские чтения-15. Тюмень, 2012. С. 135-138.
- Сабитов Ж.М. Мангытский юрт от Мансура до Ваккаса // Научный Татарстан. 2013. № 2. С.53-62.
- Сабитов Ж. М. Таварихи Гузидаи Нусрат-нама как источник по генеалогии джучидов // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2009. Вып. 2. С.108-116.
- Сабитов Ж. М. Тайбугиды в ханстве Абулхаир-хана // Средневековые тюрко-татарские государства : сборник статей. / отв. ред. Б. Р. Рахимзянов. Казань : Изд-во «Ихлас», 2010. Вып. 2. С.32-36.
- Сабитов Ж. М. Тарихи Абулхаир-хана как источник по истории ханства Абулхаир-хана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. № 2. С. 166-180.
- Сабитов Ж. М. Хронология событий в Восточном Дешти-Кипчаке в 30-50-е годы XV века // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности : материалы всероссийской научной конференции «VI Емельяновские чтения». Курган, 2012. С. 96-97.
- Сабитов Ж. М. Хызыр-хан: хронология правления // Научный Вестник Столицы. 2011. № 4-6. С. 109-112.
- Сәдібеков З. Казак Шежіресі. Ташкент, 1994. 144 с.
- Тоган А-З. В. История башкир / перевод с турецкого языка А. М. Юлдашбаева. Уфа : Китап, 2010. 352 с.
- Трепавлов В. В. Большая Орда –Тахт эли. Очерк истории. Тула : Гриф и К, 2010. 112 с.
- Үсенбаев Т. Алшин Шежіресі. Қызылорда : Тумар, 2003. 464 с.

СИБИРСКОТАТАРСКИЙ И КУМЫКСКИЙ ЯЗЫКИ (ОБЩНОСТЬ И РАЗЛИЧИЯ)

К кыпчакской группе отнесены все три диалекта сибирскотатарского языка. К этой же группе отнесён и кумыкский язык из кавказских языков. В сибирскотатарском языке находят место особенности горноалтайской, карлукской, кыпчакской групп языков. Он образовался от смешения разных групп тюркских языков. Язык тюрков Северного Кавказа – кумыкский язык – является одним из близких к сибирскотатарскому языку.

Рисунок 1 – Территория расселения кумыков на Северном Кавказе (Дагестан)

Кумы́кский язы́к (самоназвание **къумукъ тил**) – язык кумыков, распространён в Дагестане, на севере Чечни и в Моздокском районе Северной Осетии. Относится к кыпчакской группе тюркских языков (в которую входят также карачаево-балкарский, ногойский и др. языки). По переписи населения 2010 года число кумыков – 426212 человек.

Кумыкский – один из шести «литературных языков» Дагестана. До начала XIX века кумыкский язык являлся лингва-франка (языком межнационального общения) в северном Дагестане, то есть в предгорном и равнинном Дагестане [Pieter Muysken, 2008, с. 74]. Число говорящих на кумыкском языке составляет более 420 тысяч человек. На кумыкском языке издаётся газета «Ёлдаш»

(«Спутник»). Периодизация кумыкского языка до сих пор не установлена. Предположительно формировался в домонгольский период (до XIII века).

Графика

До 1928 года кумыки пользовались арабским письмом. С 1928 по 1938 годы использовался алфавит на латинской основе, а с 1938 – кириллица. Современный кумыкский алфавит состоит из 39 букв: **А а, Б б, В в, Г г, Гъ гъ, Гь гь, Д д, Е е, Ё ё, Ж ж, З з, И и, Й й, К к, Къ къ, Л л, М м, Н н, Нг нг, О о, Оь оь, П п, Р р, С с, Т т, У у, Уь уь, Ф ф, Х х, Ц ц, Ч ч, Ш ш, Щ щ, Ъ ъ, Ы ы, Ь ь, Э э, Ю ю, Я я.**

Фонетика

Вокализм. В кумыкском языке насчитывается 8 гласных – [а, е, ы, и, о, оь, у, уь], есть противопоставление по трем признакам (ряд, подъём, лабиализация) (таблица 1). В некоторых словах (в основном заимствованных) встречается гласный [э], наблюдается согласование гласных по ряду и подъему (сингармонизм).

Таблица 1 – Таблица кумыкских гласных

Подъём	Передний ряд	Передний ряд	Задний ряд	Задний ряд
	нелабиализир.	лабиализир.	нелабиализир.	лабиализир.
Верхний (узкие)	и	уь	ы	у
Средний (средние)	э	оь	-	о
Нижний (широкие)	-	-	а	-

Консонантизм. Согласных в кумыкском языке 25: [б, в, г, гъ, гь, д, ж, з, й, к, къ, л, м, н, нг, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ].

Согласные [г, к] не имеют твердого варианта, а [къ, гъ, х], наоборот, не имеют мягкого варианта.

Остальные согласные: [б, в, гъ, д, ж, з, й, л, м, н, нг, п, р, с, т, ф, ц, ч, ш] – под влиянием соседнего гласного становятся твердыми или мягкими. Например: *туз* “соль” – *тюз* <т’уьз’> “правильный”, “ровный”; *тыш* “внешний” – *тиш* <т’иш’> “зуб” и т. д.

Согласные [гъ, гь, къ, нг (ң)] и аффриката [дж (в сиб. тат. – нет)] кумыкского языка и сибирскотатарского языка не имеют аналогов в русском языке. Согласные [ф, ц] вошли в кумыкский язык из русского языка. Преимущественно из русского языка проникают варианты согласных [в] (зубно-губной), [ж] (в начале слов).

В заимствованных из русского языка словах в кумыкском языке согласные [в], [ф], [ц] в речи преимущественно старшего поколения произносятся по артикуляции близко к согласным [в]→[б], [п], [w] (губно-губной); [ф]→[п], [ц]→[с] как в сибирскотатарском языке.

Некоторые русизмы вошли в кумыкский язык с изменениями в орфографии как и в сибирскотатарском языке, например; *педире* “ведро” *пэтрэ* (сиб. тат.), *сиган* / *сиян* “цыган” *чиган* (сиб. тат.), *картон* “картофель” *картуп* (сиб. тат.), *панар* “фонарь” *панар* (сиб. тат.), *сарapan* “сарафан”, *камнет* “конфета” *кэмпнит* (сиб. тат.).

Поздние заимствования в кумыкском и в сибирскотатарском языках сохранили согласные [в, ф], тем не менее, артикуляционно эти согласные существенно отличаются от тех же звуков русского языка. В рассматриваемых языках губно-губной вариант согласного [в] употребляется в позиции возле гласных [а, э, о, у]. Согласные [в, ф] в кумыкском и сибирскотатарском языках в губно-губном и в губно-зубном варианте осваиваются в произношении заимствованных слов: на [ф]: *фатапарат* “фотоаппарат”, *фэврал* “февраль”, *фашис* “фашист”, *гэграфийа* “география”, *фэстивал* “фестиваль” и т. д.; на [в]: *финтилатыр* “вентилятор”, *фитанин* / *битамин* / *питамин* / *митамин* “витамин”, *фыстанка* “выставка”, *карават* “кровать”, *сумавар* / *самавар* “самовар”, *дуван* / *тиван* “диван”, *ванна* “ванна”, *падувал* “подвал”, *вэрталоьт* “вертолёт” и т. д.

В отличие от сибирскотатарского в кумыкском языке наблюдается употребление звонких согласных в начале слова: *гелигиз* (кум.) – *килең* (сиб. тат), *килегез* (лит. тат.), *приходите*, *гьалыгьыз* – *қалығыз*, *оставайтесь*, *дагьы* – *тағы*, *ещё*, Преобладающим типом слога является СГС, есть также слоги типа Г, ГС, СГ, ГСС, СГСС. В начале слова или морфемы недопустимо стечение согласных. Структурные типы морфем в основном совпадают со структурными типами слогов (за исключением типа СГСС, встречающегося лишь в корневых морфемах).

Сопоставим некоторые словосочетания и предложения на кумыкском и сибирскотатарском языках:

Подойдите ближе! *Ювукъ гелигиз!* – *йууыкъ килең* (сиб. тат.)

Не любите ли вы... *Сиз сюймеймисиз...* – *сес сөймәймесес* (сиб. тат.)

Не сможете ли вы... (*Сиз*) *болмасмы эдигиз...* – *пулмас итегесмэ* (сиб. тат.)

Пойдемте в кино (на концерт, в школу, в лес) *Киногъа* (концертге, школагъа, агъачлыкъгъа) *барайыкъ.* – *кинога, концертқа, школга, агацлыққа парайық.* (сиб. тат.)

Вы пойдёте с нами? *Сиз бизин булан барамысыз?* – *Сес песнең пелән парамысыс?* (сиб. тат.)

Ты пойдёшь с нами? *Сен бизин булан барамысан?* – *Син песнең пелән парамысын?* (сиб. тат.)

Основной способ словообразования – аффиксальный, представлено также словосложение. В кумыкском языке к корню присоединяются словообразующие, формообразующие и словоизменяющие аффиксы. Как и во всех тюркских языках, в кумыкском языке каждая грамматическая категория выражается отдельным аффиксом, за исключением категорий принадлежности и лица, аффиксы которых одновременно выражают два грамматических значения – лица и числа (категория лица), принадлежности и числа (категория принадлежности). Присоединение аффиксов происходит в определенной последовательности, например: *иш-чи-лер-ибиз-ни-ки-ми?* “наших рабочих?”, *эш-це-лэр-ебес-нең-ке-мә?* (сиб. тат.)

Морфология

В кумыкском языке выделяется, как и в сибирскотатарском языке, 10 частей речи: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, союз, частица, междометие и послелог.

Имя существительное (атлыкь, исем)

Имя существительное как в кумыкском языке, так и в сибирскотатарском является частью речи со значением предметности.

Существительные в обоих языках имеют грамматические категории числа, падежа и принадлежности (мюлк категория, тартым категориясе). Различения по грамматическому роду также нет.

В предложении имя существительное в обоих языках выполняет разнообразные синтаксические функции: функцию подлежащего, дополнения, обстоятельства, сказуемого.

Категория числа (санав категориясы, сан категориясе)

В кумыкском языке единственным способом образования множественного числа является прибавление к форме единственного числа аффикса *-лар* (*-лер*), который называется аффиксом множественного числа. Аффикс *-лар* (*-лер*) в кумыкском языке, в отличие от других тюркских языков, не имеет фонетических вариантов. В сибирскотатарском языке аффикс множественного числа имеет варианты *-лар/ -лэр, -нар/ -нэр*.

Категория падежа

Падежная система насчитывает 6 падежей (таблица 2).

Таблица 2 – Падежная система

Русский язык	Кумыкский язык	Сиб. татар. язык
1	2	3
Именит. падеж – кто? что?	Баш (основной) – ким? не?	Баш – кем, ней?
Родительный – кого? чего?	Еслик (родительный) – кимни? нени?	Эйәлек – кемне, нейне?
Дательный – кому? чему?	Багъым (направительный) – кимге? неге? негер?	Юнәләш – кемгә, нейгә? нейергә?
Винительный – кого? что?	Тюшюм (винительный) – кимни? нени? не?	Төшөм – кемне, нейне?

Продолжение таблицы 2

1	2	3
Творительный – кем? чем?	Чыгым (исходный) – кимден? неден?	Цыгым – кемнэн,нейдэн? нейердэн?
Предложный – о ком? о чем?	Ер (местный) – кимде? неде?	Урын – кемдэ, нейдэ? кайда?

Категория принадлежности (мюлк категориясы, тартым кат.)

В кумыкском и сибирскотатарском языках имя существительное, в отличие от русского языка, может принимать аффиксы принадлежности. Аффиксы принадлежности указывают на принадлежность данного предмета какому-либо (первому, второму, третьему лицу) или другому предмету.

Принадлежность в кумыкском языке выражается тремя способами: морфологическим, синтаксическим и смешанным.

При морфологическом способе существительное оформляется специальными аффиксами принадлежности, которые имеют два варианта (после гласных и после согласных основы).

Аффиксы принадлежности для основ на гласный:

лицо	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	-м	-быз
2 л.	-нг (-ң сиб.)	-гъыз
3 л.	-сы, -си, -су, -сю	-сы, -си, -су, -сю

Примеры: *атам* “мой отец”, *атанг* “твой отец”, *атасы* “его отец”, *атабыз* “наш отец”, *атагъыз* “ваш отец”.

При употреблении существительных с аффиксами категории принадлежности во множественном числе аффикс множественного числа –лар/ -лер ставится перед аффиксом принадлежности (*аталарыбыз*).

Аффиксы принадлежности для основ на согласный:

лицо	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	-ым	-ыбыз
2 л.	-ынг-ынг (-ың сиб.)	-ыгъыз
3 л.	-ы, -и, -у, -ю	-ы, -и, -у, -ю

Примеры: *атым* “моя лошадь”, *атынг* “твоя лошадь”, *аты* “его лошадь”, *атыбыз* “наша лошадь”, *атыгъыз* “ваша лошадь”, *аты* “их лошадь”.

При синтаксическом способе выражения принадлежности существительные со значением предмета обладания и обладателя получают обособленное обозначение, и отношения между ними строятся в речи по образцу словосо-

четания, где определяемым является название предмета принадлежности без аффикса, а определением служит форма родительного падежа личных местоимений 1 или 2 лица множественного числа, например: *бизин къой* “наша овца”, *сизин ит* “ваша собака”.

При смешанном способе выражения принадлежности объединяются оба рассмотренных выше способа, в результате чего лицо и число обладателя обозначаются дважды: один раз с помощью родительного падежа личного местоимения и второй раз с помощью аффикса принадлежности при названии предмета обладания. Например: *Мени атым*, “Моя лошадь”.

В кумыкском языке между предметом обладания и обладателем возможны следующие типы согласования в числе:

– предмет обладания и имя обладателя стоят в единственном числе: *мени китабым* “моя книга”, *сени китабынг* “твоя книга”;

– оба стоят во множественном числе: *бизин китапларыбыз* “наши книги”;

– во множественном числе стоит предмет обладания, а в единственном числе имя обладателя: *мени китапларым* “мои книги”;

– в единственном числе стоит предмет обладания, во множественном числе имя обладателя: *бизин китабыбыз* (букв. “наши книга”).

Категория принадлежности в кумыкском языке еще выражается аффиксом *-ки*, в сибирскотатарском – *-ңкы/ -нке*, который добавляется к личным, некоторым определительным местоимениям и существительным в родительном падеже, при этом аффикс прибавляется к обладателю, например: *китап меники*, китап минеңке “книга моя”, *сеники*, синеңке “твоя”, *оланыки*, аныңкы “их”, *өзюнюки*, үсенеңке “его самого”, *кимники*, кемнеңке “чья”, *къурчакъ яшныки*, курцак паланыңкы “кукла ребенка” и т.д.

Основоположником кумыкской диалектологии как науки является крупный советский ученый-тюрколог Н.К. Дмитриев. Значительный вклад в развитие кумыкской диалектологии внесли И.А. Керимов, Н.Х. Ольмесов и др. исследователи.

В кумыкском языке выделяют пять диалектов: буйнакский, хасавюртовский, кайтагский (кайтакский), подгорный, терский. Некоторые диалекты проявляют следы долгого взаимодействия с кавказскими языками, это выражается в частности, в появлении «кавказских» смычно-гортанных согласных. Современный литературный кумыкский язык сформировался на базе хасавюртовского и буйнакского диалектов.

Источники и литература

Бамматов З. З. Русско-кумыкский словарь. Махачкала, 1960.

Русско-кумыкский словарь / под ред. Б. Г. Бамматова. Махачкала, 1997.

Гаджихмедов Н. Э. Грамматические категории глагола в кумыкском языке. Махачкала : ДГУ, 1987.

Гаджихмедов Н. Э. Словоизменительные категории имени в кумыкском языке

- (Сравнительно с другими тюркскими языками). Махачкала : ДГУ, 1996.
- Джанмамов Ю. Д. Къумукъ тил (фонетика, орфоэпия ва графика) : Студентлер учун пособие. (Кумыкский язык (фонетика, орфоэпия и графика) : пособие для студентов). Махачкала : Дагучпедгиз, 1968.
- Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М. : Изд-во АН СССР, 1940.
- Керимов И. А., Хангишиев Д. М. Къумукъ тил. Педагогика колледжлер учун дарслыкъ. (Кумыкский язык : учебник для педколледжей). Махачкала : Дагучпедгиз, 1999.
- Ольмесов Н. Х. Сопоставительная грамматика кумыкского и русского языков. Фонетика. Имя. Местоимение. Махачкала : Дагучпедгиз, 1982.
- Pieter Muysken Studies in language companion series. From linguistic areas to areal linguistics. – John Benjamins Publishing Company, 2008. Т. 90. С. 74.

С.Ф. Татауров
г. Омск

МИФОЛОГЕМЫ СИБИРСКИХ ХАНСТВ: ГОРОДА

История тюрко-татарских государств Западной Сибири, несмотря на почти трехвековую историю их изучения, далека до завершения. Имеющиеся научные издания не могут в полной мере раскрыть вопросы, связанные с образованием этих государств, их границами, структурой управления, обликом городов и населяющих их жителей, уровнем развития ремесла, торговли и т.д. Проблема описания исторических событий, воссоздания городских и сельских населенных пунктов, определения уровня развития социально-экономических отношений состоит в ограниченном ресурсе письменных источников и их достоверности, в разрыве с данными археологических и этнографических исследований.

Ситуация с ограниченностью сведений о Сибири и их определенной гипертрофированностью возникла практически с момента появления интереса к Сибири у населения, проживавшего к западу от Уральских гор. Первыми, кто принес описание земель и людей, расположенных по восточную сторону Камня, были новгородские промысловики и ушкуйники, стремившиеся к новым рынкам пушнины и моржового зуба. Именно с этого времени складывается мифологема Сибири как неиссякаемого источника богатств, уникальных животных и растений, загадочного местного населения. С заселением русскими Прикамья и Урала и начавшимися походами казаков в глубь Югры, знания о ней расширяются, но только после присоединения Сибири появляются географические описания этого региона, рассказы о сибирских городах и поселениях, о проживавшем в них населении. Авторами этих повествований были путешественники, военные, торговые агенты, духовные лица, то есть не ученые, не профессионалы в изучении географии, населения и т.д. На основании этих

записей историки получили представление о сибирской природе: многоводных реках, бескрайних лесах, безграничной степи, обилии животных и рыб, разнообразии растений и т.д.

На этом фоне идет описание облика и планиграфии городов, торговых путей, культурного и хозяйственного облика населяющих Сибирь народов. Именно на основании этих путевых записей ученые писали свои «Истории Сибири», не задумываясь над тем, что эти дневники и описания сделаны через много лет после происходивших событий. Они описывали татарские города, приводили их рисунки, но кто поручится, что рисунок Кизыл-Туры соответствовал действительности? При критическом подходе к описанию путешественниками городов становится очевидно, что многое в описаниях вымышлено, представлено гипертрофированно или сознательно искажено. Зачем это делалось? Здесь, по всей вероятности, следует исходить из многих объективных и субъективных факторов.

Многие авторы записок имели задание от государства – чиновников или организаций, провести описания городов и добросовестно писали о городах, которых давно уже не существовало. Например, И. Фальк, побывав на месте расположения Кизыл-Туры в 1771 г. (если он правильно определил ее местонахождение, так как этот город прекратил свое существование еще до похода Ермака), писал, что видел разрушенную башню мечети и остатки каменного дома [Фальк, 1824, с. 396]. Он не имел представлений об археологии объектов (разрушении рвов и валов, жилищ и нивелировании природной антропогенных нарушений) и, вероятнее всего собрал какие-то сведения о городе у местного населения и на основании этого выдал определенный конструкт города. Поэтому вполне естественным оказалось то, что за время многолетних раскопок Кизыл-Туры омским археологом Е.М. Данченко ни одно из описаний Фалька не подтвердилось и ни о каких каменных зданиях речь идти не могла.

То же самое мы можем сказать и об описаниях Чимги-Туры, Искера, Тон-Туры и других городов Сибири, ни в одном случае мы не находим подтверждений их описаний.

Авторы путевых записей занимались фантазированием не по своей воле: если из поездки вы привезете свои дневники, в которых описание городов отсутствует, то Вы, по всей вероятности, их просто не нашли и тем самым не выполнили задание, бесцельно растратив выделенные казенные деньги. Поэтому по прибытии на место, где был город, например Кизыл-Тура, и, не обнаружив ничего, кроме странных бугров, Вы вынуждены напрягать свою фантазию по поводу того, что могло быть на этом месте сто или двести лет назад, тем более, что проезжая через Казань, Вы наглядно видели, как должен выглядеть татарский город. Именно эти имеющиеся представления об облике татарских городов и вынуждали искать нечто подобное в Сибири.

Наиболее наглядно «городская» проблема проявилась в литературе на

примере столицы Сибирского ханства – Искер. В подавляющем количестве изданий, посвященных истории сибирской тюрко-татарской государственности, городской статус этого комплекса не ставится под сомнение. Более того, в научном обороте укрепилось мнение, что Искер – это достаточно серьезный город с мощными укреплениями, каменной мечетью, дворцом и т.д. Оставление его ханом Кучумом после сражения на Чувашевом мысу приравнено к бегству, потере им ханства и превращению его в беглого, скитающегося по степям правителя. Нет смысла приводить ссылки на всем известные монографические издания XIX и XX вв. И в наше время достаточно ученых, которые осмысливают вопрос об уходе хана из своей столицы и просчитывают ситуации, если бы он решился ее защищать.

Г.Ф. Миллер достаточно подробно описал остатки Искера и поставил под сомнение городской статус этого комплекса: «Развалины этого бывшего столичного города, если только такое место, каким, по-видимому, было оно прежде, вообще можно назвать городом, видны еще до сих пор... представляет небольшую круглую гору, которая по уступам была укреплена тройным валом и расположенными между ними рвами, причем один вал был выше другого. Внутреннее пространство имеет приблизительно 50 саж. в диаметре. Из этого можно заключить, что, кроме хана, его семьи и людей, там могли жить только немногие знатные татары, если не предполагать, что это место в то время было значительно больше. От домов или постоянных жилищ не осталось там никаких следов, кроме некоторой неровности почвы в разных местах, почему и можно заключить, что здесь когда-то стояли жилища. Если это так, то они были сделаны из дерева, на манер татарских построек в Сибири, или, по бухарскому обыкновению, построены из необожженных кирпичей, так как от них не осталось никаких следов» [Миллер, 1999, с. 227-228].

Хади Атласи, основываясь на описаниях Искера Г.Ф. Миллера, совершенно правильно отмечает, что Искер нельзя сравнивать с другими городами. «Площадь, занимаемая городом, имела круглую форму, вдоль и поперек не более 50 саженей, а потому домов там было немного. Искер нельзя было причислить к большим городам, каким был, например, Булгар. Кроме двух названий, известных в истории, город имел еще и третье – Кышлык. В тюркских языках слово это означает место зимовки. Так называют также деревни, принадлежащие какому-нибудь племени. Очевидно, название соответствовало назначению города» [Атласи, 2005, с. 61].

Р.Г. Скрынников не называет Искер городом, ограничиваясь терминами столица и городище, и выделяет только место, возвышающееся над остальной территорией, скептически относясь к самому комплексу: «Кашлык не был городом в прямом смысле этого слова. Располагавшаяся на вершине круглого яра площадка имела небольшой диаметр. Здесь помещалась мечеть и несколько построек, служивших резиденцией для Кучума и его ближайших людей» [Скрынников, 1982, с. 28]. «Кашлык гордо высился над Иртышом на верху не-

приступной горы. Но укрепления его давно обветшали. Земляной вал осыпался, деревянные стены осели» [Скрынников, 2008, с. 110].

После взятия Искера оказалось, что особо грабить в столице и нечего. Тот же Скрынников отмечает, что в столице «казаков ждала богатая добыча. Захваченную соболью казну и прочие пожитки Ермак, по обычаю вольных казаков, велел разделить поровну между всеми» [Скрынников, 2008, с. 112]. Нет описей сокровищ и о них не рассказывают участники событий в сибирских летописях. Та же ситуация прослеживается с трофеями и при взятии других ключевых пунктов ханства на Тоболе. «В устье Тобола казаки, высадившись на берег, разгромили юрты главного сановника Кучума Карачи, это был богатый человек. Много запасов хранилось в его кладовых. Всего больше поразило казаков обилие меда. Его разделили так, что хватило на каждый струг. До глубокой старости ермаковцы помнили душистый и сладкий мед, который они отведали в Сибири» [Скрынников, 2008, с. 108].

То, что выделяет его из ряда других центров Сибирского ханства, – это система укреплений. А.П. Зыков на основании своих раскопок 1988 и 1993 гг. выделяет шесть строительных горизонтов, причем каждый из них имеет свои особенности в оборонительных сооружениях и соответствует основным этапам существования комплекса от его основания до гибели [Зыков, 2008, с. 151]. Следует, однако, критически подойти к выделению этих горизонтов и к реконструкции укреплений в целом, так как без дендрохронологических определений и без совершенно четкого датирующего материала, при опоре только на стратиграфию эти построения выглядят не совсем доказуемо. Если же принять во внимание мнение В.Н. Пигнатти о том, что Искер не имел источников воды и продовольствия, то есть не был приспособлен к тому, чтобы выдержать осаду [Пигнатти, 2010, с. 204], то возникает вопрос о наличии таких серьезных укреплений, как показал А.П. Зыков (рисунки 1-2). Следует добавить, что и ставить на стены хану Кучуму было некого, так как пеших воинов, за исключением хантыйского ополчения, у него не было. Вся его военная мощь была основана на коннице.

Практически у всех исследователей сибирской тюрко-татарской государственности нет сомнений, что Искер был столицей Сибирского ханства. С этим нет необходимости спорить, эта столица досталась Кучуму от свергнутых им правителей Тайбугидского княжества. Но остается открытым вопрос о том, где был центр владений его отца Муртазы, так как ни одного документа, связывающего его с Искером, нет. И осталась ли ставка отца центром или основной ставкой во время правления самого Кучума? Совершенно очевидно, что наиболее холодный зимний период хан Кучум проводил на юге, вероятнее всего, на берегах Сырдарьи. Не было никаких причин, которые бы вынуждали его проводить это время на севере своего ханства, где необходимо было бы готовить корм для лошадей, делать запасы продовольствия и топлива для своей семьи, свиты и своей охраны, терпеть бытовые неудобства из-за сильных холодов,

быть фактически отрезанным из-за отсутствия дорог в этот период и т.д. Все эти факторы недоступности были на руку Едигеру, так как создавали для него определенный фактор безопасности от своих недругов Шейбанидов на большую часть года, но для хана Кучума такая ситуация была неприемлемой.

Хан Кучум посещал Искер два раза в год, в наиболее удобное время – осенью после ледостава, когда снежный покров еще был минимальным, и весной, перед ледоходом. Осенью собирался кормовой ясак и решались административные вопросы, а весной собирался пушной ясак и определялись планы на летние военные кампании.

Искер находился севернее широтных торговых путей, поэтому не мог развиваться как торговый центр. Его месторасположение неудобно и для торговли с южными территориями: притоки Иртыша – Вагай и Ишим – в своем нижнем течении сильно заболочены, что сильно затрудняет проход бухарских караванов. Тобольск стал торговать со Средней Азией в XVII в. исключительно административными методами, когда бухарские караваны стали «под конвоем» переправлять из Тары дальше на север. Вполне вероятно, что хан Кучум приезжал в Искер вместе с бухарским караваном, которому было безопасно путешествовать под его охраной. Во время нахождения хана Кучума в Искере и сбора им ясака с зависимых ему хантыйских и мансийских князей на территории столицы разворачивались торги, подобные выездным русским ярмаркам, но это происходило эпизодически.

В результате анализа материалов раскопок Искера, изданных в разные годы, становится очевидно, что этот комплекс не был ремесленным центром или местом долговременного проживания большого количества населения. Отряд Ермака зашел в «пустой», «покинутый», «брошенный» город – вот какие определения мы встречаем во всех описаниях столицы Сибирского ханства. То есть местное население на момент ухода хана Кучума в Искере вообще отсутствовало. Собрать и увести население города за одну ночь хан не мог, поэтому, вероятнее всего, в Искере на постоянной основе находился небольшой гарнизон и некоторое количество людей, следящих за сохранностью столицы в целом.

В опубликованных коллекциях мы не имеем статусных вещей или предметов, которые бы соответствовали «несметным сокровищам», взятым казаками в покинутой ханом столице [Адамов, Балюнов, Данилов, 2008]. А имеющиеся находки: украшения, монеты, замки и прочее – вполне возможно, были собраны казаками в качестве трофеев во время их нахождения в Искере и ряда походов по территории ханства. Например, в ходе раскопок в г. Таре на территории тарской крепости были найдены подобные же предметы, которые служилые люди собрали во время походов против хана Кучума и его приближенных. Наиболее показательна находка половинки большого серебряного перстня, вероятнее всего, среднеазиатского происхождения, который был разрублен при дележе добычи.

Не имел Искер и статуса религиозного центра. У многих авторов есть упоминание о том, что в Искере была мечеть или несколько мечетей. Ни в летописных описаниях, ни в археологических материалах подтверждения этого факта нет. В настоящий момент мы имеем следующий тезис: «...то, что в средневековом Искере мечеть все же была, сомнений вызывать не должно» [Селезнев, Селезнева, Белич, 2009, с. 103]. Действительно, хан Кучум, приглашая духовную миссию в Сибирь, в Искере, как и в других своих центрах, по всей вероятности, возводил культовые комплексы, но в столице не было многочисленного населения и, следовательно, не было мусульманской общины, поэтому после того, как Искер был оставлен ханом Кучумом, глава миссии Дин-Али-ходжа со своей семьей переезжает в Прииртышье и затем поселяется в Бухарской слободе в Таре. Вполне возможно, что приглашенные исламские проповедники вошли в окружение хана Кучума и вместе с ним перемещались от ставки к ставке, из одной части ханства в другую. Свидетельство того, что духовные люди были до окончательного разгрома в свите хана Кучума, мы находим в Отписке тарского воеводы Андрея Воейкова о поражении им Сибирского царя Кучума на берегах Оби от 4 сентября 1598 г., в которой упоминается сеит Тул-Мамет [Акты исторические, 1841, с. 3].

Итак, можно констатировать, что Искер не был ни ремесленным, ни религиозным, ни военным центром Сибирского ханства. Остается считать, что, он, возможно, был, «центром политической жизни Сибирского юрта» [Маслюженко, 2014, с. 142]. С этим, пожалуй, можно согласиться, если бы сибирские города были в определенном смысле «символами власти», но судьба Чимги-Туры, Кизыл-Туры и самого Искера показывает, что правители тюркотатарских государственных образований не ставили перед собой цель развития и укрепления своих столиц, а скорее, наоборот, в случае складывания неблагоприятной ситуации разрушали свои города. Такая тенденция имела место и в Средней Азии, где, например, Сыгнак периодически то терял статус столицы, то вновь его получал. Но Сыгнак был довольно крупным ремесленным и торговым городом, а Искер, как мы констатируем, – временная ставка Сибирского хана.

На наш взгляд, значимость Искера следует искать в российской истории, в самом факте включения Сибири в состав Российского государства. Для Москвы Искер стал символом легитимности объявления Ивана Грозного правителем Сибири. То есть для России и его царя Ивана Грозного Искер имел во много раз большее значение, чем для хана Кучума. Именно по этой причине хан Кучум в отечественной историографии получил статус труса, отказавшегося защищать свою столицу и тайно бежавшего из нее, бросив все имущество, слуг и, как следствие, после этого он перестал быть ханом Сибирского ханства. «Утратив власть, сибирский хан и его потомство в терминологии того времени превратились в казаков. Этим старинным тюркским словом на востоке первоначально обозначали людей, которые по разным причинам теряли связь со своим родом или общиной и вели жизнь бесприютных скитальцев, зачастую до-

бывая средства для существования грабежами и разбоями» [Трепавлов, 2012, с. 6]. Такая трактовка событий была на руку Русскому государству – никто не называл бросившего столицу и уехавшего в Ростов русского царя Ивана Грозного казаком, когда Девлет Гирей сжег Москву в 1571 г.

Наличие администрации русского царя в Искере было одним из серьезнейших аргументов для аборигенного населения Западной Сибири в принятии новой власти. Именно по этой причине русской столицей Сибири стал Тобольск, а, допустим, не Тюмень, которая расположена гораздо удобнее в геополитическом положении.

Следует отметить, что с течением времени мы все больше дополняем описания путешественников и превращаем эти города в средневековые европейские столицы, рыцарские замки и помещаем эти «реконструкции» в детские учебники. Например, картина А. Визеля (рисунок 1) включена в учебник «История Ханты-Мансийского округа с древности до наших дней» (Екатеринбург, 2000).

Рисунок 1 – Столица Сибирского ханства. Искер. Картина А.Г. Визеля

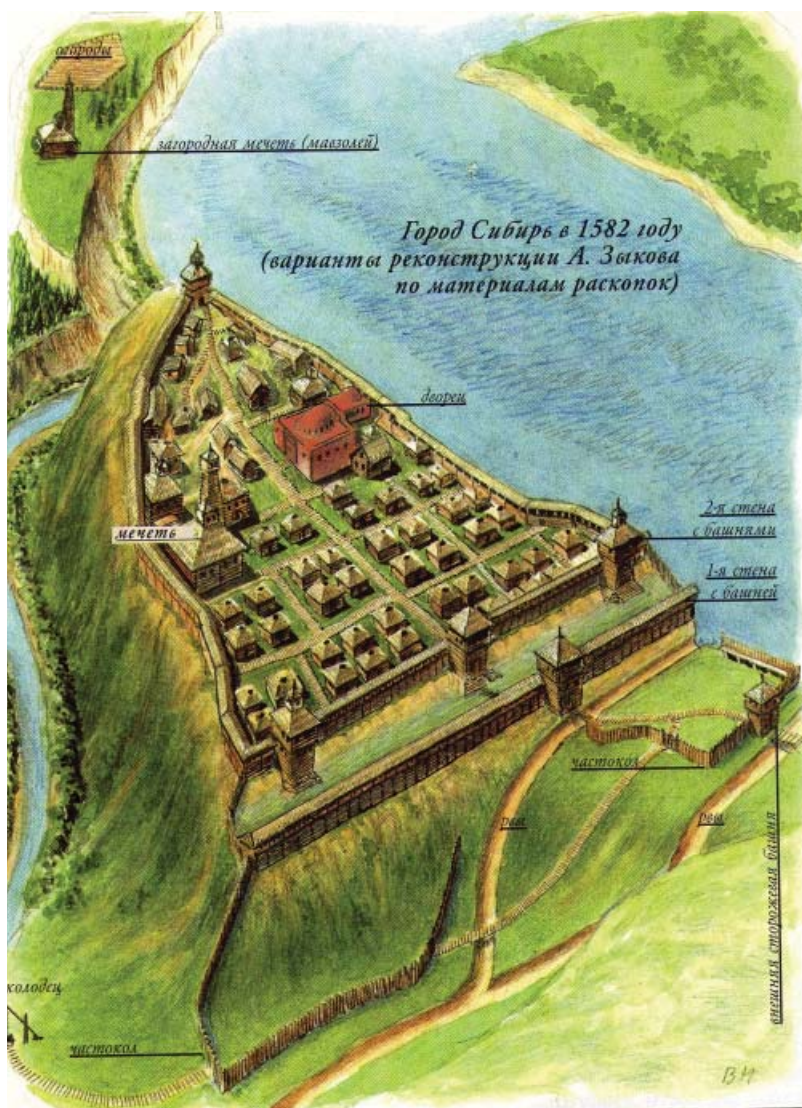

Рисунок 2 – Город Сибирь в 1582 г. Реконструкция А.П. Зыкова
(no: <http://belyaeff.livejournal.com/114453.html>)

Источники и литература

- Адамов А. А., Баллонов И. В., Данилов П. Г. Город Тобольск : археологический очерк. Тобольск : ООО «Западно-Сибирская консалтинговая компания», 2008. 114 с.
- Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. СПб. : Типография II отделения Е.И.В. Канцелярии, 1841. Т.2.
- Зыков А. П. Археологические исследования городища Искер // Уральский исторический вестник. 2008. № 3(36). С. 145-153.
- Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Белич И. В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М. : Изд. дом Марджани, 2009. 216 с.
- Маслюженко Д. Н., Рябина Е. А. Почему Кучум не стал защищать Искер // Присоединение Сибири к России: новые данные : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2014. С. 139-144.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М. : Восточная литература, 1999. 630 с.
- Пигнатти В. Н. Искер (Кучумово городище) // Искер – столица Сибирского ханства. Казань : Ин-т истории им. Ш. Маджани, 2010. С.186-226.
- Скрынников Р. Г. Экспедиция в Сибирь отряда Ермака. Л. : Знание, 1982. 32 с.
- Скрынников Р. Г. Ермак. М. : Молодая гвардия, 2008. 255 с.
- Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и кучумовичи в борьбе за реванш. М. : Вост. лит., 2012. 231 с.
- Фальк И. П. Записки путешествия от С.-Петербурга до Томска // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1824. Т. 6. 560 с.
- Хади Атласи. История Сибири / пер. с татар. А. И. Бадюгиной. Казань : Тат. кн. изд-во, 2005. 96 с.

С.С. Тихонов
г. Омск

ИСТОРИЯ СИБИРСКИХ ТАТАР И МИР-СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

В ходе изучения этнографо-археологических комплексов (ЭАК) сибирских татар, прежде всего аялыньских, проживающих по берегам Иртыша примерно от устья р. Уй до устья р. Тара, а также по самой р. Тара (правому притоку Иртыша) и в среднем-нижнем течении р. Оша (левый приток Иртыша) – по современному административному делению Омской области это Большереченский, Муромцевский и Тарский районы, мне пришлось иметь дело с вопросами теоретико-методологического характера. Они касались обоснования возможности комплексного использования материалов археологии и этнографии, а также корректного применения системного подхода, теории саморазвивающихся систем (синергетики), адаптации теоремы Гёделя к гуманитарным наукам.

Тенденции обращения отечественных ученых в области археологии и этнографии к этим проблемам мне представляются следующие:

– специалисты имеют глубокие убеждения в области методологии и теории, обычно сформированные в начале научной деятельности, и не всегда охотно воспринимают новые концепции. Может быть, это частично объясняет отсутствие большого количества теоретико-методологических разработок; имре локатос.

– часто предполагается (или молчаливо рекомендуется) применение комплексного, меж- или мультидисциплинарного подхода, с использованием источников разных наук;

– не всегда со специалистами-историками работают философы, что, по моему мнению, не позволяет максимально глубоко осмыслить теоретико-методологические положения с точки зрения современной философии. Например, мой сын Алексей, философ по образованию, легко находит слабые места в моих рассуждениях и в теореме о неполноте, и в мир-системном анализе, которые он же рекомендовал мне использовать;

– мировая тенденция развития науки о прошлом постепенно склоняется к рассмотрению глобальных процессов развития. Например, в рамках концепции «Big History», причем появилась даже соответствующая ассоциация – «The International Big History Association (IBHA)», или в русле «глобального эволюционизма». Это самые глобальные концепции. Может быть, историкам следует обратить внимание на концепцию мир-системного анализа, позволяющего анализировать исторические процессы, казалось бы, в самых непохожих друг на друга общественных системах?

Напомню коллегам, что в мир-системном подходе анализу подлежит социальная эволюция систем, а не отдельных социумов, что изложено одним из его создателей – Иммануилом Валлерстайном в серии работ [Валлерстайн; Wallerstein, 1974; Wallerstein, 1987], сведения о которых есть и на личной страничке исследователя: <http://www.iwallerstein.com>. Итак, существуют мини-системы, характерные для первобытных обществ. Они малы в пространстве и не слишком протяжены во времени, однородны в культурном отношении. Мини-системы основаны на взаимобмене. Для мир-экономики характерно наличие некоторого количества социально-экономических структур, не объединенных политически. Их лидеры облагают данью сельское население и перераспределяют ее среди верхних слоев общества. Мир-империи состоят из ядра и периферии (провинций и колоний), причем ядро получает доходы от колоний в разных формах.

Закончив этот теоретический экскурс, попытаюсь рассмотреть возможности для изучения истории сибирских, прежде всего аялыньских, татар в рамках мир-системного подхода. Но отмечу, что у меня имеется всего лишь небольшой опыт работ по адаптации концепции И. Валлерстайна к археолого-этнографическим и историческим исследованиям на примере поиска общих черт в процессах завоевания испанцами Мексики и русскими Сибири [Тихонов, 2014; Тихонов, 2015].

Историческая ситуация в конце XVI века мне представляется такой:

Сибирское ханство Кучума, занимавшее территорию лесостепи и южно-таежной полосы Западной Сибири главным образом по Иртышу и его притокам Тоболу, Ишиму, Вагаю и имевшее влияние на население Барабы и Приобья, было сложным политическим образованием. В целом уровень развития его населения по марксистской терминологии можно определить как раннеклассовое общество с сильными пережитками первобытности и соотнести его с системой, трансформирующейся от мини-экономики к мир-экономике. Ядром, или гегемоном, здесь выступает столица хана Кучума, субгегемоном – городки знати, ему подвластной.

Несомненна сильная опора Кучума на Бухарское ханство, где его поддерживал родственник Абдулла-хан II, хан Бухарский, оказавший помощь Кучуму в борьбе с тайбугидами. Важна была и караванная торговля между Сибирским и Бухарским ханствами. По всем признакам Бухарское ханство следует считать мир-экономикой. В этой паре гегемон Бухара, субгегемон – Искер.

Наконец, Русское государство, третий участник процесса, – мощное государство, ведущее активную внешнюю политику, более развитое экономически и технически. Оно начинает трансформироваться в мир-империю, где гегемон – Москва, завоевывающая колонии за Уралом, субгегемоны – Бухара и Искер.

В общем-то и все, что можно пока сказать о сибирских татарах и их положении при мир-системном анализе. Дальнейшие исследования должны быть связаны с изучением экономической составляющей Сибирского ханства. Этот раздел истории изучен слабо. Известны занятия сибирских татар (скотоводство, рыболовство, охота, торговля и т.д.), но неизвестен их хозяйственный и демографический потенциал. В этом случае важно изучить археологические материалы под необходимым углом зрения. Полный анализ сделать затруднительно, поскольку археологические раскопки затронули только малую часть памятников Сибирского ханства. Но возможно рассмотреть системы расселения татар, чтобы выявить хотя бы узловые районы. Отмечу, что некоторые результаты работ по этой теме отражены в обобщающих монографиях [Алисов, Гончаров, Ивонин, 2014; Алферов, Алферова, Кудряшов, 2014; Татаурова, Татауров, 2014]. В общем-то и И. Валлерстайн во многом основывался на работах Ф. Броделя [Бродель, 1986; Бродель, 1988; Бродель, 1992; Бродель, 2006], который занимался и экономической, и исторической географией.

При анализе систем расселения татар в первой трети XVIII века на Иртыше и Оби выяснилось, что в местах расположения татарских городков концентрация неукрепленных поселений была выше, чем на территориях, где укрепленных поселений не было. Вероятно, концентрация военных центров указывает на значимость территории для проживания. Поэтому позволю себе заменить анализ распространения всей системы поселений изучением мест концентрации городков. Облегчает работу тот факт, что А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров, анализируя расположение и назначение укрепленных пунктов Сибирского ханства, выделили военно-административные центры: Кызыл-

Тура, Куллара, Новоникольское I (Голая Сопка), Новоникольское городище IV, городища Безымянное II и Безымянное III, Новаягодное II, Крапивка II, Екатерининское V (Ананьевское городище), городище Большой Лог, городки Тебенда и Ташаткан [Бережнова, Корусенко, Матвеев, 2014, с. 128-133]. Вторым типом укрепленных пунктов они считают форпосты (Надеждинка VII или Тунусский городок, Бергамак XV, Кошкуль IV Большая Пристань) [Бережнова, Корусенко, Матвеев, 2014, с. 134-137]. Картографируя эти памятники, можно убедиться, что они располагаются группами (рисунок 1).

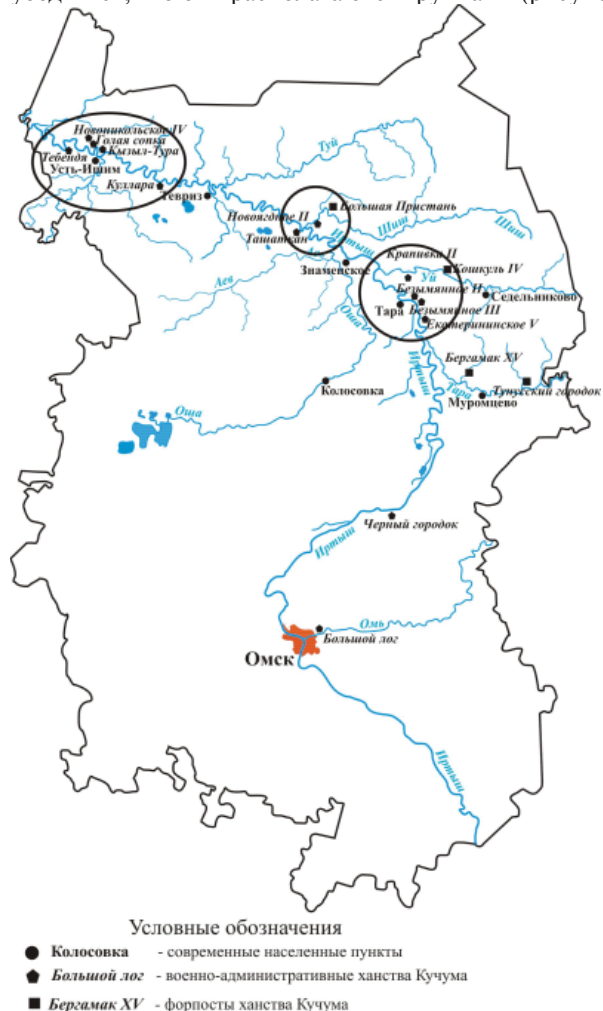
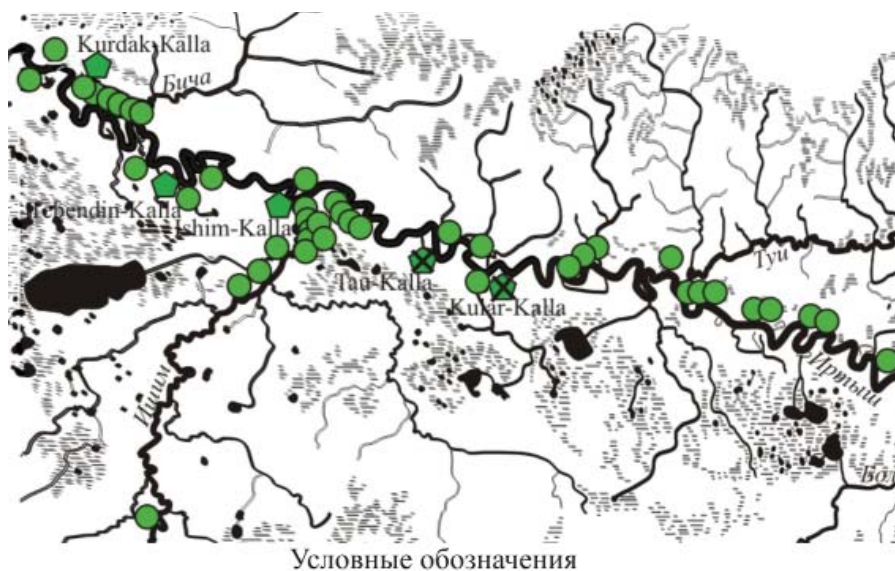

Рисунок 1 – Укрепленные пункты Сибирского ханства в Среднем Прииртышье, по археологическим данным

Самые северные из рассмотренных военно-административных центров располагаются неподалеку от устья р. Ишим. Это Кызыл-Тура, Куллара, Новоникольское I (Голая Сопка), Новоникольское городище и Тебендя. Возможно, эти центры прикрывали важную для ханства Кучума территорию в месте выхода пути из Сары-Арки к Иртышу по реке Ишим. Близ устья р. Шиш располагались военно-административные центры Ташатканы на Иртыше, и Новоягодное II на реке Шиш. С востока их прикрывал форпост Большая Пристань на р. Шиш. Напомним, что именно по р. Шиш шла дорога на р. Кулай в верхнем Васюганье. Наконец, третья группа военно-административных центров, состоящая из четырех городков, находилась на правом берегу Иртыша (три городка была неподалеку от современного г. Тары, и одно – на стрелке коренной террасы рек Иртыш и Уй). Городище Кошкуль IV располагалось в среднем течении р. Уй и, возможно, служило прикрытием этих центров с востока. Комплексы – городище Бергамак XV и Тунусский городок – скорее всего, стояли на пути по р. Таре в Барабинские степи. Черный городок и Большой лог – одиночные центры.

Судя по концентрации укрепленных центров, для ханства Кучума были наиболее важны район в ареале устья Ишима, где была одна из столиц татар – Кызыл-Тура, и район близ устья Тары, где после завоевания русскими северной части Среднего Прииртышья был построен русский город, ставший на полтора столетия опорным пунктом русских при продвижении на юг и восток.

Археологические материалы не всегда коррелируются со свидетельствами письменных источников. Так, Г.Ф. Миллер в 1734 году собрал следующие данные о крепостях татар, но рассмотрим их на примере Приишимья. Во время похода Ермака здесь были городок Тебендя, было сражение в устье р. Ишим, существовало укрепленное место Куллара [Миллер, 1999, с. 254-255]. В записках Г.Ф. Миллера описания крепостей более подробны [Миллер, 1996, с. 83-85]. Населенные пункты, отмеченные Г.Ф. Миллером, картированы (рисунок 2). Самой северной крепостью была Kurdak-kalla (Курдацкий острог) на правом берегу Иртыша, построенная в виде четырехугольника, состоящего из вбитых в землю высоких кольев, связанных поперечными бревнами. Построена она для защиты от набегов киргизов (казахов). В крепости сохранялись остатки мечети и двух домов. По какой-то причине Г.Ф. Миллер не упоминает о рве и вале. Возможно, не посчитал нужным, а может, их не было. Следовательно, могут быть обнаружены укрепленные пункты, не выделяющиеся на местности рвом и валом. Тебендинский острог стоял на левом берегу Иртыша и по укреплениям был похож на Курдацкий острог. Похожий на предыдущие крепости Ишимский острог в устье Ишима находился на левом берегу Иртыша. Напомним, что археологические памятники выявлены на правом берегу реки. Все эти крепости во время путешествия Миллера были действующие. Выше устья Ишима на левом берегу Иртыша были заброшенная крепость Tau-kalla и Куллара, ставшие обычными юртами. Именно Кулары и не смог взять Ермак в ходе пятидневных боев.

- - юрты сибирских татар
- - городки сибирских татар действующие
- - городки сибирских татар брошенные

Рисунок 2 – Городки и юрты сибирских татар в устье Ишима в 1734 году

Обратим внимание на следующую ситуацию: татарские крепости за исключением Курдацкого острога стояли на левом берегу Иртыша. На этом же берегу находились и неукрепленные татарские юрты. Ко времени путешествия Г.Ф. Миллера Курдацкая крепость Tau-kalla, Куллары как укрепления не были важны, а стена Тебединского острога свалилась в Иртыш. В порядке содержания только Ишимский острог, где зимовали и русские служилые люди. Среди татарских юрт выше Кулларов (т.е. устье р. Туи и выше по Иртышу) вообще не было укрепленных пунктов. Вероятно, их жителям не было нужды обороняться от кого-либо. Таким образом, в этом районе по-настоящему важным пунктом был район устья р. Ишим.

Таковы предварительные материалы для начала изучения мир-экономики сибирских татар. Алгоритм дальнейших исследований может быть следующий: изучение археологических памятников для анализа хозяйства и его потенциала, демографии сибирских татар и сопоставление этих данных с письменными

источниками. Судя по «Обзору рукописей Г.Ф. Миллера и других участников Второй Камчатской экспедиции...», подготовленному Н.А. Баклановой и А.И. Андреевым [Миллер, 2005, с. 509-539], ученые не используют и десятой части имеющихся письменных источников, касающихся именно территории проживания татар в северной части Среднего Прииртышья. Поэтому их изучение и ввод в научный оборот крайне необходим. Следующим этапом работ может быть анализ трансформирующейся мини-системы сибирских татар.

Источники и литература

Алисов Д. А., Гончаров Ю. М., Ивонин А. Р. и др. Тара в XVI-XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша. Омск : Амфора, 2014. 332 с.

Алферов С. А., Алферова О. Ю., Кудряшова Е. И. и др. Храмы в крепостных стенах: конфессиональная история города Тары. Омск : Издательский дом «Наука», 2014. 230 с.

Бережнова М. Л., Корусенко С. Н., Матвеев А. В. и др. Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: природная среда, этносы, источники // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск : Издательский дом «Наука», 2014. Т. 13. 192 с.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т.1, Структуры повседневности: возможное и невозможное. М. : Прогресс, 1986. 624 с.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т.2, Игры обмена. М. : Прогресс, 1988. 632 с.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т.3, Время мира, М. : Прогресс. 1992. 679 с.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. : в 3 т. М. : Весь Мир. 2006.

Валлерстайн И. Миро-системный анализ. URL: <http://www.nsu.ru/filf/rpha/papers/geoecon/waller.htm>

Миллер Г. Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. Т. I. 630 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. Т. III. 598 с.

Миллер Г. Ф. Описание городов, крепостей, острогов, слобод, сел, деревень, островов, рек, речек, озер и других достопримечательностей на реке Иртыше и возле него вверх от города Тобольска // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / История Сибири. Первоисточники. VI выпуск. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. С. 75-99.

Татаурова Л. В., Татауров С. Ф., Татауров Ф. С. и др. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI – XVIII веке (по материалам археологических исследований). Омск : Издатель-Полиграфист, 2014. 374 с.

Тихонов С. С. О методологической основе изучения глобальных закономерностей процессов освоения новых территорий // Присоединение Сибири к России: новые данные. Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2014. С. 200-204.

Тихонов С. С. Археология русских Западной Сибири и ее значение в изучении общих вопросов исторической науки // Культура русских в археологических исследованиях : сборник научных статей к 50-летию Ларисы Вениаминовны Татауровой. Омск :

Издатель-Полиграфист, 2015. С. 54-66.

Wallerstein I. The Modern World-System. Vol. 1. Capitalist Agriculture and the Origine of the European World-Economy in the sixteen century. New York-London: Academic Press, 1974. 410 с.

Wallerstein I. World-System analysis // Social theory today / Ed. by A. Giddens & J.Y. Turner. Cambridge: Polity Press, 1987. P. 309-324.

*З.А. Тычинских
г. Тобольск*

ФОРМИРОВАНИЕ КРУПНОГО СЛУЖИЛОГО ИНОРОДЧЕСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII-XIX ВВ.

В XVII в. начинает формироваться система инородческого земледержания, при которой верховным собственником земли выступает государство, дающее земли татарам либо «за службу», либо «за уплату ясака». Служилые татары землей владели на праве собственности «за службу». Несмотря на то, что подавляющее большинство татарских казачьих земельных владений были небольшими, среди них встречались и достаточно крупные. Таковыми являлись землевладения мурз Кульмаметевых и Кутумовых.

Во второй половине XVII – первой половине XVIII в. тобольский служилый татарин Ишень Ишмамтев и его потомки пытаются закрепить за собой крупные земельные участки. По документам этого периода можно наблюдать, что Исеню Ишмамтеву был выдан целый ряд данных и выписей на владение пашенными, сенными и прочими угодьями. Так, 30 июля 1687 г. боярином А.П. Головиным по челобитной была выдана данная на сенные покосы по речке Суклемке тобольским юртовским и захребетным татарам Исеню Ишмамтеву с товарищами. Основанием для выдачи явились свидетельские показания, что просимые в отвод покосы оказались никому не принадлежащими [Андроников, 1911, с. 89]. По выписи от 4 декабря 1693 г. значится выдача данной на порожнюю землю и порожнее луговое место по Тоболу тобольскому служилому татарину Исеню Ишмамтеву. 30 ноября 1697 г. воевода А.Ф. Нарышкин выдает данную тобольским служилым татарам Исеню Ишмамтеву и Азарку Бундашеву на остров за рекой Тоболом напротив Медянских юрт [Андроников, 1911, с. 88-92]. Кроме «пустопорожных» земель, Ишмамтевым приобретаются земельные участки по купчим и закладным. Так, по закладной от 7161 г. (1653 г.) от тобольского захребетного татарина Бекшеня Семеней Муратов Ишмамтев приобрел земли в Тобольском уезде вверх по реке Тоболу [ГБУТО ГАТ. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л.161].

Продолжили приобретение земельных наделов потомки мурзы

Ишмаметева. Так, в 7206 г. (1698 г.) Кутлумет (Кутум) Семенев приобрел землю и сенные покосы «вверх по Тоболу пониже Карачинского устья» по отступной тобольского пешего казака Якова Никитина сына Дулеткова (?). А в 1706 г. тобольским сыном боярским Петром Тарышкиным была выдана поступная крепость на двор и сенокосный пай при д. Корниловой тобольскому служилому татарину Кутуму Семеневу. По купчей крепости от 13 августа 1744 г. права «на пашенную, непашенную землю, на сенные покосы и скотский выпуск» тобольского отставного солдата Гавриила Яковлева сына Тарашкина перешли мурзе Мурату Кутумову сыну Семеневу [Андроников, 1911, с. 135].

Таким образом, стараниями нескольких поколений мурз Кутумовых было создано довольно крупное земельное владение. Однако уже с конца XVIII – начала XIX в. происходит оспаривание прав Кутумовых на эти земли. С начала XIX в. производятся многочисленные судебные тяжбы, некоторые из них тянулись десятилетиями. Причем большинство этих судебных споров заканчивалось не в пользу Кутумовых. Это определялось, прежде всего, общей установкой центральной власти не создавать в Сибири крупного землевладения.

Самое большое инородческое землевладение было у мурз Кульмаметевых. Обладая большой властью, на протяжении XVII-XIX вв. Кульмаметевы всячески старались пополнять свое богатство. По сведениям Ф.Т. Валеева, размеры земельных угодий Кульмаметевых, расположенных в волостях Тобольского и Тюменского уездов, были столь велики, что один из представителей рода – Сабанак – даже точно не знал площади своей земли. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г., Кульмаметевым принадлежало около 35 тыс. десятин земли [Валеев, 1993, с. 66]. Эти огромные владения, включавшие земельные, сенные надель, «рыбные и зверовые ловли», приобретались ими путем пожалований за службу, покупок угодий у татарского и русского населения, а также многочисленных отступных.

Одной из главных форм владения землей являлись пожалования Кульмаметевым за службу. По указу царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, воеводе А.Ф. Нарышкину от 7 августа 1695 г. были предоставлены татарскому голове Азбакею (Авазбакею) Кульмаметеву и его сыну Сабанаку с потомками права «на пашенные земли, сенные покосы, рыбные ловли, озера и всякие угодья вверх по рекам Тоболу и Иртышу» [Андроников, 1911, с. 91]. Такое расплывчатое определение дарованных владений, без указания границ, позволяло Кульмаметевым претендовать на обширные земельные владения, а также самовольно захватывать свободные участки.

Таким образом, Авазбакеем Кульмаметевым была приобретена земля при юртах Митькинских и Сулеймановских Уватской волости по речкам Агитке, Сорге и Воробье, общей площадью 10984 дес. 1600 саж. Однако в начале XIX в. Тобольская палата гражданского суда определила, что Авазбакею и Сабанаку Кульмаметевым предоставлялись во владение только 270 дес., остальное же количество земли Кульмаметевыми было присвоено. Решением от 30 но-

ября 1816 г. было определено оставить во владении Кульмаметева только 270 дес., а остальные земли обратить в казенное ведомство и наделить из них жителей юрт Митькинских и Сулеймановских. Решение казенной палаты Кульмаметевыми было оспорено, и началась судебная тяжба, которая длилась более 80 лет. Как считает И.А. Андроников, причиной такого длительного процесса являлось то, что все это время «казною не предъявлен иск об изъятии из владения Кульмаметевых земель» [Андроников, 1911, с.241-254].

Земельные участки, которыми владели Кульмаметевы, находились не только в Тобольском, но и в Тюменском и Ялуторовском уездах. Так, в 1698 г. А. Кульмаметевым были приобретены земли у тюменских ясачных татар юрт Качурина – «пахотные 12 заложной под пашню 165 десятин да лесных и болотных мест десятин на 100 десятин», в 1689 г. в Тарханском уезде от ясачных татар Матмасовых юрт ему поступили угодья «на Тапе речке от устья и до вершины по обе стороны с берегами» [ГБУТО ГАТ. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 111об.].

Приобретали Кульмаметевы угодья не только у татар, но и у русских и бухарцев. В 1671 г. у тобольского конного казака Василия Тараштина А. Кульмаметев приобрел «век без выкупу деревню его с пашенною и покосиною землею и санными покосы и всякими угодья и дворовым строением и с подворною землею в Тобольском уезде вверх по Иртышу реке в Саусканской луке...» [ГБУТО ГАТ. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 110]. В 1695 г. у бухарца Ачеева Авазбакей Кульмаметев за 8 рублей приобрел «дворовое место» у татарской мечети [ГБУТО ГАТ. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 110]. После пожара в 1757 г. дом, построенный на этом месте, сгорел, а само место было передано под гостинный двор и купеческие лавки. Кульмаметев пытался каким-либо образом возместить убытки. Он обращается с прошениями вернуть себе это место либо же выплатить компенсацию за то, что на его земле были построены купеческие лавки, запрашивая за каждый год использования по 500 рублей. Однако в этих просьбах Кульмаметеву было отказано и место не возвращено [Тычинских, 2008, с. 30-31]. После пожара 1757 г. в центре тобольской татарской слободы была построена церковь Елизаветы и Захария, губернатор Ф. Соимонов уже не разрешил татарам строиться на прежнем месте, и Татарская слобода переместилась за территорию Знаменского монастыря [Тычинских, 2008, с. 30-31].

Мурзы Кульмаметевы владели крепостными. В д. Носовской (юртах Сабанаковских) у него было 29 дворовых людей мужского пола. По жалованным грамотам 1688, 1695, и 1698 гг. от предков его Кульмаметеву принадлежали крепостные, проживавшие в Ялуторовском уезде в деревнях Авазбакеевой и на землях Кульмаметева, общей численностью 238 человек (120 мужского пола, 118 женского пола) [ГБУТО ГАТ. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 107].

Эти крепостные в начале XIX в. у Кульмаметева были «отсуждены». Указом Сената от 30 сентября 1807 г. было предписано «мурзе Сабану Кульмаметеву объявить в отбывательстве от него отсужденных здешними присутственными местами из владения его в казенное ведомство иноверческих 27

родов объявить» [ГБУТО ГАТ. Ф. 329. Оп. 10. Д. 65. Л. 306]. Однако освобожденные татары, живущие на принадлежавшей в Ялуторовском уезде татарскому голове Сабанаку Кульмаметева земле, «по бедному их состоянию» не могли переселиться на другие «отдаленнейшие» места [ГБУТО ГАТ. Ф. 329. Оп. 10. Д. 68. Лл. 260об.-262]. Поэтому часть их по-прежнему оставалась работать на Кульмаметева.

По прошению С. Кульмаметева Ялуторовскому и Тобольскому земским судам было приказано о сселении «освобожденных из рабства майора Кульмаметева» татар с принадлежащих ему в Ялуторовском округе земель на другие «для бесспорного впредь ему и наследникам владения» [ГБУТО ГАТ. Ф. 329. Оп. 10. Д. 74. Лл. 476 об.- 477].

На примере мурз Кульмаметевых и Кутумовых мы наблюдаем существование в Сибири крупных земельных владений, пожалованных за службу. В отличие от служилых татар, владений подобного рода у ясачных татар не было. Однако уже в первой половине XIX в. земельная политика русского правительства в Сибири меняется, в том числе и по отношению к верхушке аборигенного населения. Достаточно окрепнув на новых территориях, чтобы не поощрять татарскую знать земельными дачами, центральная власть проводит политику измелчения земельных наделов, стремясь не создавать в Сибири крупного землевладения. Таким образом, наличие крупных земельных владений, формировавшихся как путем «дачи» за службу, так и путем покупок, захватов и «поступных», можем отнести к особенностям хозяйственной организации служилых татар. В целом служилое землевладение формировалось из земель, жалованных за несение службы, и носило условный характер. В определенной степени характер владения землей татар-казаков напоминает систему несения службы татарской феодальной знати на сойюргальном праве. Землепользование же ясачных татар было общинным.

Источники и литература

- Андроников И. А. Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. Тобольск, 1911. 396 с. Приложения. I-CLXXII.
- Валеев Ф. Т. Сибирские татары. Культура и быт. Казань : Татар. кн. изд-во, 1993.
- Тычинских З. А. Из истории тобольской татарской слободы // Провинция в русской культуре. II Ремезовские чтения 2005 : сб. науч. ст. Новосибирск, 2008. С. 30-31.
- ГБУТО ГАТ. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 110.
- ГБУТО ГАТ. Ф. 329. Оп. 10. Д. 65. Л. 306.
- ГБУТО ГАТ. Ф. 329. Оп. 10. Д. 68. Лл. 260об.-262.
- ГБУТО ГАТ. Ф. 329. Оп. 10. Д. 74. Лл. 476об.- 477.

ФОЛЬКЛОР СИБИРСКИХ ТАТАР: ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДА

Сибирские татары являются коренными жителями Западной Сибири, преимущественно проживающими на территории Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской областей. «Сибирские татары представляют собой самостоятельную этническую общность с присущими ей такими устойчивыми признаками и свойствами, как язык и территория, экономическая общность и религия, этническое самосознание, эндогамия, а на раннем этапе своего развития и социально-политическую общность – Сибирское ханство, представляющее собой феодальное государство. Сибирско-татарский этнос состоит из ряда этнографических групп, отличающихся друг от друга лишь незначительными особенностями в народно-разговорном языке, различиями в хозяйственной деятельности», – так характеризует жизненный уклад этноса Ф.Т. Валеев [Валеев, 1993, с. 42]. Исторические этапы развития, особенности языка, миропонимание и мировоззрение любого народа находят отражение в образцах духовной культуры, частью которой является устное народное творчество. Фольклор является тем источником, который может дать исчерпывающий ответ на вопрос о нравственных ценностях, убеждениях и идеалах этноса.

Фольклорное наследие сибирских татар богато, разнообразно и разножанрово: это байты и мунаджаты, легенды и предания, дастаны, сказки, песни, пословицы и поговорки, обычаи и обряды, связанные как с доисламскими верованиями, так и с религиозными воззрениями народа.

Интерес к сибирско-татарскому устному народному творчеству, в частности к легендам и преданиям, впервые начинает проявляться в XVII-XVIII веках: несколько образцов данных жанров были включены в Есиповскую, Ремезовскую и Кунгурскую летописи, а также в «Историю Сибири» Г.Ф. Миллера и «Сибирскую историю с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием» И.Э. Фишера.

Целенаправленное изучение фольклора сибирских татар относится к XIX веку. Образцы сказок, преданий, родословных, песен и дастанов были зафиксированы В.В. Радловым в десятитомном научном труде «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собранные В.В. Радловым». Позднее ряд ученых, занимавшихся проблемами развития тюркоязычных племен в целом, уделил в своих трудах внимание изучению образцов народно-поэтического творчества. Среди них Г.Н. Потанин, И.Н. Юшков, Н.Ф. Катанов.

Особого внимания в этой области заслуживает вклад таких ученых-фольклористов XX века, как Ф.В. Ахметова, Ф.И. Урманчеев, Х.Ярми и многих др.

Таким образом, богатое духовное наследие коренных тюркоязычных жителей Западно-Сибирской равнины вот уже на протяжении двух веков привлекает внимание исследователей. Экспедиционные поездки с целью сбора и фиксации фольклорных материалов являются актуальными и на сегодняшний день.

Среди образцов устного народного творчества, сохранившихся в памяти народа, особое место занимают легенды и предания о шейхах (распространителях ислама), об их миссионерской деятельности и местах захоронения. Сибирские татары издревле уважительно относятся к местам захоронения миссионеров, считая их святыми: их ограждают, ухаживают за ними, рядом с могилами не разрешается сквернословить, иным способом тревожить души усопших. В противном случае любой вне зависимости от религии будет наказан. Например, «Песнең йакта уба пуйлап пер шык карт йөргән ите. Аны эшгәрә угымышлы пулган тип әйтәләр. Ул пөтөн аулларта йөрөп, ауру кешеләрне төрлө-төрлө ауруулартан төсәткән. Үлгәннән соң, аңа алты мөйөшле киртмә эшләптеләр.

Пергөннө менә мынтай кәлләр пулыпты. Пер урыс аның киртмәсеннән паганнар алган. Пер айтан сун аның йете паласы та аурып китепте. Шунна йете паласы та аурутан үлеп китепте. Урыс үсе тә сугышка китеп, кире кайтматы. Шуннан кабер янынта пер потакны та сынтыргалы кргатлар». (Курмукова Сайрана Әхмәтнең кызыннан алынган.) – «В наших краях часто ходил один старец. Говорят, что он был мудрый, начитанный, излечивал местных жителей от разных недугов. После смерти над его могилой поставили шестиугольный сруб. Как-то один русский, выгасил из этого сруба бревна и использовал для хозяйственных нужд. Через некоторое время заболели его семеро детей и скончались. Он сам ушел на войну и больше в родные места не возвратился. После этого никто не осмеливается даже веточку отломить рядом с его могилой».

Содержание следующей легенды также перекликается с предыдущей: «Песнең аултан алыс түгел йертә астана пар. Анта йакшылартан Тайлак шык, Ниязмөхәммәт шык һәм тагын пер шык йаткан ите. Астананың эце пеләцән урыслар йул кылып посып киттеләр.

Пергөннө Согирә кайнәм мынтай төш күрепте: өң ак цалмалы, ак киемле кеше пылай тип әйтепте: «Пес инте мыннан киттек, Кыйылтау йактагы кайынык йакка». Шуннан сун песнең ауылның кешеләре төрлөсә төрлө йакка күчеп киттеләр. Кәсер инте Тайлак аулта ицкем калматы. Астананы төргән кеше тракторына тапталып үлте. Менә шунтый кәлләр пулты песнең Тайлак аулта» (Вәлиев Айнилбаян Сиятдин кызыннан алынды). – «Недалеко от нашей деревни находится астана. Там захоронены трое святых: Тайлак, Ниязмухамет, имя третьего неизвестно. В ходе прокладывания дороги астана была разрушена русскими трактористами.

Однажды моей свекрови Сагире приснились мужчины в белых одеждах, они известили о своем уходе из этих мест. После этого деревенские жители

разъехались и деревня исчезла. А тракторист, разрушивший астану, попал под колеса своего же трактора и умер».

Среди легенд о шейхах встречаются и тексты, содержащие элементы волшебства. Например, «Иргешнең арийагынта, Кара йар тигән урынта, астана пар. Анта песнең йакка мөселманчалык алып килгән әүлиә кыслар йататы. Песгә аны көцкөнә цактан ук әйтеп киләләр. Минем атам – Уагит мулла шык кеше ите. Ул мине аны-мына өйрәтеп килте. Ул пуйга парсагыс, көмөш ташлап усын, йәйсә пармсаң анта, тип. Астананаң йанынта пер көцкөнә күл пар. Ул күлтә кайпер көннәрне ике аккош күрәтләр. Ауылның картлары аккашларны кургыту йарамайты ти. Кешеләр карап торган уакытта, ул ике аккош ицней йакка оцоп киткәннәрән күрмәсәләр тә, шул ук минутта әллә калай йугалып китәтләр имеш.

Сунрак пы аул йерләрен урыслар сатып алты. Пөргөннө атам мынтай төш курепте: "Пес инте мыннан күцеп киттек, аргы йактагы йәшел йапрак-лы каен янына". Пу көс уакытта пулган. Атам парса, ней күсе пелән күрсн, сап-сары йапраклы каеннар арада пер йәм-йәшел ыспай каен утыраты игән. Ул каенның янынта көцкөнә күл, анта ике аккош йөсөп йөрите. Ул уакыттан пы урын искеләр урынны тип саналаты» (Муллабакиева Суфия Вахит кызыннан алынды). – «За Иртышом, в местечке, именуемом Черный Яр, находилась астана. Говорят там была захоронены девушки. Об этом нам говорили с детства. Мой отец – Вахит мулла, говорил, что там надо бросать серебряные монеты, или не подходить вообще. Около астаны было озеро, на котором люди часто встречали двух лебедей. Взрослые говорили, что их нельзя пугать, иначе быть беде. Лебеди спокойно плавали и могли исчезнуть, хотя никуда не взлетали.

Позднее эти земли выкупили русские. После этого моему отцу приснились девушки, которые сказали: "Мы уходим из этого места, найдешь нас с другой стороны берега, у зеленой березы". Это было осенью. Мой отец переплыл на другой берег и увидел стройную березу с зелеными листьями, тогда как все другие березы давно пожелтели. Вблизи березы на спокойной глади лесного озера плавали лебеди. Папа прочитал молитву и с тех пор это место считается святым».

Образы миссионеров часто встречаются не только в легендах, но и в топонимических преданиях. Например, жители деревни Ашеваны Усть-Ишимского района Омской области объясняют название озера Канкульцак следующим образом: «Мыннан ун цагрым йертә Йәйләү тигән аул пар. Аның йанынта Канкүлцәк тейгән пер йер пар. Мыннан пайтак йеллар әүл мынта өц әүлиә килепте. Дин өцөн парган сугышларта өцөсө тә пы күл йанынта йараланганнар икән. Ул өц йаралының арасынта перәү кыс пулган имеш. Уң аларның йараларын йуып пы күлнең суынта, аннан ул ук күлтән алып, пөртөрлө үлән пелән пыларның һәм үсенәң йарасын пәйләпте. Шуннан күлнең суы канга ошап, кыскылт төстә күренгән икән» (Алиева Кәтирә Вахит кызыннан алынган). – «В десяти километрах отсюда расположена деревня Йайлау. Недалеко от де-

ревни находится маленькое озеро – Кровавое. Много лет тому назад к озеру подъехали трое тяжело раненных в бою за веру святых. Среди них была одна девушка. Она смыла кровь с ран своих товарищей, сама умылась водой из озера, перевязала раны озерной травой. После их отъезда, люди, пришедшие к озеру, заметили, что вода стала красноватого цвета, похожая на кровь. С тех пор и называют озеро Маленьким Кровавым озером».

Тексты приведенных образцом свидетельствуют о глубокой вере сибирских татар в святость захоронений и в неизбежность наказания за осквернение святынь. Также они являются бесценным источником, хранящим в себе противоречивые события в истории народа, отражающим духовные, а в некоторой степени и материальные ценности этноса.

Источники и литература

Валеев Ф. Т. Сибирские татары. Казань : Таткнигоиздат, 1993.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГБУТО ГАТ – Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске.

ЕТГМ – Ежегодник Тобольского Губернского музея.

ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.

ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

с.г. – строительный горизонт.

уч. – участок раскопа.

ТГИАМЗ – Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник.

ТИАМЗ – Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артыкбаев Жамбыл Омарович – доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан

Волков Владимир Геннадьевич – аспирант кафедры археологии и этнологии, Томский государственный педагогический университет, г. Томск, РФ

Зыков Алексей Павлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, РФ

Исхаков Дамир Мавляевевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань, РФ

Карсакова Гульмира Болатовна – магистр истории, старший преподаватель, Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, г. Кокшетау, Республика Казахстан

Маслюженко Денис Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета, Курганский государственный университет, г. Курган, РФ

Менщиков Владимир Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Курганский государственный университет, г. Курган, РФ

Муратова Светлана Раиловна – кандидат исторических наук, доцент, филиал ФГБОУ «Тюменский государственный университет» в г. Тобольске, РФ

Парунин Алексей Владимирович – научный сотрудник, Государственный научно-производственный центр по охране культурного наследия Челябинской области, г. Челябинск, РФ

Перцев Никита Викторович – магистр истории, Курганский государственный университет, г. Курган, РФ

Пилипчук Ярослав Валентинович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Отдел Евразийской степи Института востоковедения им. А.Ю. Крымского НАН Украины, г. Киев, Украина

Пузанов Владимир Дмитриевич – доктор исторических наук, доцент, Курганский государственный университет, г. Курган, РФ

Сабитов Жаксылык Муратович – PhD, доцент кафедры политологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан

Садыков Клим Султанович – кандидат педагогических наук, г. Тобольск, РФ

Татауров Сергей Филиппович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск, РФ

Тихонов Сергей Семенович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора археологии, Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск, РФ

Тычинских Зайтуна Аптрашитовна – кандидат исторических наук, доцент, филиал ФГБОУ «Тюменский государственный университет» в г. Тобольске, РФ

Фаизова Лилия Харисовна – кандидат филологических наук, доцент, филиал ФГБОУ «Тюменский государственный университет» в г. Тобольске, РФ

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов	3
Артыкбаев Ж.О. Казахское историческое сказание о Толыбай сыншы, родоначальнике племени канжыгалы (канглы, хангаласов)	4
Волков В.Г. Происхождение чатских татар по данным генетики	15
Зыков А.П. Итоги раскопок 1988 и 1993 гг. городища Искер	18
Исхаков Д.М. Этнический состав раннего Улуса Джучи	33
Карсакова Г.Б. Некоторые аспекты этнических процессов на территории Западной Сибири	40
Маслюженко Д.Н. Поименные списки соратников хана Абу-л-Хайра как источник по изучению политической истории Юго-Западной Сибири второй четверти XV в.	44
Менищиков В.В., Перцев Н.В. О локализации летописной Югры	61
Муратова С.Р. Особенности развития торговли в пограничных крепостях на южной границе Западной Сибири в XVIII веке	71
Парунин А.В. «Путешествие» Иоганна Шильтбергера как источник по истории Золотой Орды первой четверти XV века	88
Пилипчук Я.В. Югра, вогулы, остяки (к вопросу о формировании угорских княжеств в Сибири)	96
Пилипчук Я.В. Взаимоотношения Перми Великой и Вятки с тюрко-татарскими ханствами	110
Пузанов В.Д. Русское государство, тюркское население и ойраты в Западной Сибири в первой трети XVII в.	121
Сабитов Ж.М. Политическая деятельность Абулхаир-хана в Восточном Дешт-и Кипчаке в 20-60-е годы XV века	135

Садыков К.С.	
Сибирскотатарский и кумыкский языки (общность и различия).....	146
Татауров С.Ф.	
Мифологемы Сибирских ханств: города	152
Тихонов С.С.	
История сибирских татар и мир-системный подход.....	160
Тычинских З.А.	
Формирование крупного служилого инородческого землевладения в Западной Сибири в XVII-XIX вв.	167
Фаизова Л.Х.	
Фольклор сибирских татар: легенды и предания как отражение духовной культуры народа	171

Научное издание

СИБИРСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 3

Редакторы: О.Г. Арефьева, Н.М. Быкова

Подписано к печати 12.08.15	Формат 60x84 1/16	Бумага 65 г/м ²
Печать цифровая	Усл. печ. л. 11, 25	Уч.-изд. л. 11,25
Заказ 189	Тираж 100	

Редакционно-издательский центр КГУ.
640000, г. Курган, ул. Советская, 63/4.
Курганский государственный университет.